

Пролог

Свет понемногу разрывал безвестность, в которой она плавала. Сначала это было похоже на едва заметное пятно, которое появилось за пеленой мрака и несмело плавало там, будто боялось подступиться ближе. Постепенно оно окрепло, набрало силу. Первый толчок яркой вспышки больно прошелся по векам, словно натянутая струна — по оголенным нервам.

Она вскрикнула — и тьма снова проглотила ее.

Постепенно, свет вернулся, на этот раз настойчиво толкался сквозь завесу. Тьма изо всех сил противилась ему, но в конце концов, уступила.

Когда последняя преграда беспамьятства растворилась, она снова закричала, остервенело зашарила вокруг. Пальцы утопали во влажной земле, вырывали клочки травы. Ноздри наполнились ароматом прелого леса, грибов, беспощадного папоротника, в котором не выживало ничего, кроме ему подобного.

«Где я?»

Вопрос прозвучал за гранью сознания, простой и сложный одновременно. Два слова, плевое сочетание звуков, на которые не ответит разве что новорожденный младенец, но ответа на них не было. И чем сильнее она будоражила память в поисках ответа, тем жарче растекалась агония.

Тело сотрясла первая судорога. Она расколола хрупкое сознание, словно молния, потянула на дно, где не могла выжить ни одна здравая мысль.

Откуда-то справа раздался лай, следом — рык.

Звери шли за добычей. Она не понимала, откуда знает это, если не в состоянии вспомнить даже собственное имя, но была абсолютно уверена, что так рычат н'дарские зверодавы, когда их спускают с цепи.

И она знала, что сегодня они взяли ее след.

Она открыла глаза — и отшатнулась, когда в нескольких сантиметрах от лица с громким лязгом сомкнулись тяжелые челюсти. Зверодав смотрел на нее красными, наводненными крошечными зрачками глазами, слюна обильно стекала с его морды.

— Спокойно, — прошептала она, но тварь уже встала в стойку и разомкнула челюсти.

Желание обмениваться с гончей любезностями напрочь отпало.

Зверюга громко залаяла. Под напором несущихся во весь напор туш затрещали кусты, земля заходила ходуном. Не прошло и минуты, как на зов товарища явились еще шестеро. Повинуясь вышколу и инстинкту, зверодавы окружили жертву.

Отрезали пути к бегству.

Она зажмурилась.

«Кровь, защити меня!»

Ну же!

Сжала и разжала пальцы.

Должно что-то произойти... Что? Она не знала. Но это всегда срабатывало.

Что-то в ее крови всегда вступалось, когда ей грозила опасность.

Что-то, о чем она тоже забыла.

Что-то, что учуяли н'дарские гончие.

Выразительный свист заставил зверодавов сомкнуть челюсти и степенно усесться на землю. В мгновение ока превратились в ручных питомцев, выполнивших свое предназначение и ожидающих вознаграждения. Но несмотря на их показное и внезапное дружелюбие, она и не помышляла о победе.

«Зачем я хочу убежать? От кого или от чего?»

Кроны чернолистного клена склонились над ней непроницаемым покровом, где-то за ним

угадывалась еще более густая пелена сизого тумана. Она не знала наверняка, вечер сейчас или раннее утро, но отчего-то была уверена, что такое разноголосье терпких запахов знаменует закатную пору. Что за нелегкая притащила ее на ночь глядя в самую непроходимую чащу? Кто и за что натравил на нее зверодавов, для которых человеческое мясо — лучшее лакомство?

И почему не дает разорвать честно пойманную добычу?

Зверодавы хором забили по земле хвостами-плетками. Каждый заканчивался здоровенным ороговелым наростом-колотушкой. Она помнила, что одного такого удара даже в пол силы, хватит, чтобы превратить грудную клетку в месиво. Но твари послушно ждали приближение хозяина.

Она зажмурилась, попыталась вспомнить молитву. Память живо подкинула по меньшей мере десяток разных.

Ничего не стоящих.

Абсолютно бесполезных.

На краю оврага, в который она, судя по боли во всем теле, свалилась кубарем, появилась мужская фигура. Его лицо утонуло в полумраке, белоснежная, кое-как заправленная в кожаные штаны рубашка выделялась на фоне общей серости болезненно-светлым пятном. Ботинки на тяжелой подошве выглядели так, будто он только-только сунул в них ноги и не потрудился зашнуровать. Темные волосы падали на лоб, надежно скрывали взгляд.

Он легко спустился вниз.

Тяжелые подошвы его ботинок тонули в рыхлой земле, но он шел без труда, четко и уверенно

Как механикус.

Только это был человек — она знала.

Человек без сердца и души.

Мужчина небрежно почесал самого крупного зверолова за ухом. Зверюга приняла ласку и широко разинула пасть, почти как обычная собака.

— Я нашел ее, — бросил мужчина куда-то за спину.

Голос у него низкий, тяжелый.

Она замотала головой и закрыла ладонями уши, когда знакомая хрипотца полоснула память вспышкой боли.

Она не помнила, кто перед ней, но знала, что будь ее воля — унеслась бы от него прочь со всех ног.

Потому что н'дарские зверодавы не слушаются абы кого. Потому что признают лишь того, кто сильнее. Кто голыми руками убил вожака стаи, чтобы самому им стать.

Он приблизился еще на пару шагов, достаточно близко, чтобы она смогла разглядеть его лицо. Она совершенно точно знала, что видела его достаточно часто, чтобы вспомнить до малейших деталей: тяжелая челюсть, острый с горбинкой нос, плотно сжатые губы, и темно-красные звериные глаза. Она помнила даже, что правую щеку мужчины уродует косой шрам, еще достаточно свежий, чтобы выделяться на смуглой коже багровым росчерком.

Он... Инквизитор? Но из каких? Его можно одолеть?

Несколько бесконечных секунд они обменивались взглядами.

Никто не спешил нарушать молчание.

— Я... не помню... ничего, — жалобно проронила она.

Мужчина не изменился в лице, лишь туман в его глазах за клубился с новой силой.

Чтобы он не хотел услышать, ее слова определенно не имели ничего общего с его ожиданиями.

— Слишком банальная ложь, даже для тебя, — бросил он.

— В чем я виновна?

Вопрос казался уместным. На фоне того, что она валяется в овраге, загнанная, будто дичь, сворой натравленных псов, это предположение было единственно верным.

Он не потрудился ответить. Рывком дернул ее за руку, заставил подняться на ноги. Правую ногу от колена до бедра прошила боль. Она не смогла сдержать крик, зверодавы рванулись вперед, но окрик мужчины пригвоздил их к насиженным местам.

Инквизитор сжал пальцы вокруг ее запястья, резко развернул внутренней стороной вверх.

— Видишь? — спросил, лишь едва-едва приподнимая бровь.

Невзирая на грязь, прилипшую траву и листья, на коже остались следы крови.

Точнее сказать, вся ее рука до самого локтя была в крови.

В голове снова зашумело.

Ноги подкосились. Если бы не Инквизитор, она бы так и опрокинулась навзничь, но он крепко держал ее. Даже слишком крепко: в том месте, где его пальцы впивались в плоть, кожа горела, будто под клеймом.

— Я ничего не... помню...

Она почти провалилась обратно в благословенную пустоту, но из чащи один за другим стали появляться облаченные в черные латы воины. На их литых, без единой прорези шлемах в форме каких-то химер из легенд Мертвых времен, виднелись отчетливые знаки принадлежности к Королевской гвардии: скрещенные в паре клинки на фоне усеянного трупами поля боя.

Незнакомые и... знакомые одновременно.

Воспоминания обрывками лезли в голову.

Она еще раз попыталась сжать кулак и призвать на помощь сама не зная что.

Вместо этого рука, словно была разумна и жила своей жизнью, поднялась выше, к горлу.

Пальцы нащупали тонкий каменный ошейник.

Сжались вокруг него.

Руку прошила боль — до локтя, до плеча.

Прямо в висок.

— Проклятый... *ga'an'ern*...

— Значит, — мужчина кивнул в такт своим мыслям, — ты все же кое-что помнишь.

Она потянула за ошейник.

Ладонь жгло невыносимо, но она продолжала сжимать пальцы.

Даже когда начала обугливаться кожа.

— Инквизитор, — за мужчиной «вырос» один из Королевской гвардии, — она может освободиться.

И выразительно потянул за рукоять меча.

Инквизитор молча вскинул руку, останавливая его прыть.

Она усмехнулась.

Инквизитор Крови. Ну конечно. Только они бывают такими бесконечно самоуверенными в собственном всеилии.

— Вы все — лицемеры, — прошипела она, когда ошейник начал медленно крошиться в кулаке. — Упиваетесь властью которую берете у тех, кого же сами потом истребляете.

Он просто пожал плечами, и все тем же могильно-спокойным голосом вынес вердикт:

— Леди Л'лалиэль, вы обвиняетесь в убийстве Дарека Скай-Ринга, Короля Артании.

— Ты забыл добавить «королева Л'лалиэль», — оскалилась она.

— Больше — не королева. Тайный совет об этом позаботился.

— У вас, людей, все так просто.

Она из последних сил потянула за ошейник.

Зачарованный камень пошел трещинами. Осколки впились в израненную обожженную до самой плоти кожу.

Но человеческая «ловушка», наконец, лопнула.

Гвардеец снова потянулся к мечу, и Инквизитор снова его остановил, на этот раз пообещав оторвать руку, если тот еще раз без приказа сделает что-то подобное.

— Где ребенок, Л'лалиэль? — Инквизитор присел на корточки.

Если бы она только не была так измучена родами.

Ох, Бездна, демонам и людям нельзя соединяться в одном сосуде.

Тем более таком хрупком, как маленькое дитя.

— Ты никогда его не найдешь, ga'an'ern.

— Тебя я нашел без труда, как видишь.

Если бы только она могла призвать на помощь всю силу своей крови, она бы не оставила в живых никого. Она бы уничтожила каждого, кто посмеет причинить вред ее ребенку.

Но... в запасе у дочери Хаоса остался только один, последний, но самый сильный фокус.

— Когда-нибудь... — Она зачерпнула горсть земли, чтобы он не видел, как вытянулись в своей естественной форме ее пальцы, как мерзкие ногти человеческой оболочки стали длинными и острыми, смертоносными как лезвия когтями. — Когда-нибудь мой ребенок вернет себе все, чем владеет по праву рождения. Или, может, испепелит к Хаосу весь этот мир и ваши хрупкие человеческие косточки. Потому что я, Л'лалиэль, истинная дочь Хаоса, вручаю ей свой единственный и последний дар...

Вспышка была короткой и ослепительной, как упавшая с неба звезда.

Он не отвел взгляд, когда Л'лалиэль вспыхнула — и погасла, превратившись в горсть алых искр.

Несколько минут просто смотрел в одну точку перед собой, думая о том, что чертовски устал и что давно пора в отпуск.

И еще о той хорошенькой вдовствующей графине, которую пришлось оставить в постели в самый пикантный момент.

Зверодав сунулся к нему, потерся о плечо плоским мокрым носом.

Вибрацию сзади Инквизитор почувствовал спиной.

Вздохнул.

Устал. Чертовски сильно устал, чтобы гоняться по лесам со сворой собак.

— Дверь открыта, — отрапортовал гвардеец.

— Хорошо, благодарю.

Он поднялся, выдохнул, проклиная на чем свет стоит боль в коленях. Осень в этом году выдалась на редкость дождливая, а у него, старого пса Скай-Рингов, суставы ноют уже от одних только туч.

Горело бы оно все синим пламенем, но кто-то же должен делать грязную работу.

Нужно вернуться в замок и сказать принцу: «Король умер. Да здравствует король!»

Глава первая

Восемнадцать лет спустя

Сиротка

Сны — это самое страшное, что случилось в моей жизни.

Потому что каждый раз, когда я снова вижу тот лес, чувствую запах пожухлых листьев и крови, слышу голоса и не понимаю ни слова...

В общем, каждый раз что-то да случается.

Я вскидываюсь в своей узкой постели, с трудом проглатывая крик адской боли.

Кажется, мою несчастную ни в чем неповинную руку сунули в пыточное приспособление. Где одновременно режут, солят и поджаривают.

Откидываю край одеяла, щурюсь, пытаюсь высмотреть что-то в крошечной темноте.

Болит чертовски сильно.

Спускаю босые ноги на пол, прикусываю боли от прикосновения к ледяному полу.

На цыпочках, чтобы не разбудить чутко спящих сестер по вере, крадусь к выходу из спальных покоев в одной ночной сорочке.

Толкаю дверь.

Одной рукой не справиться, а вторая...

Глаза уже немного привыкли к темноте и теперь хорошо вижу, что правая вся от запястья до локтя покрыта чем-то липким и темным. Пахнущим солью и железными стружками.

Это кровь?!

Все-таки кое-как справляюсь с дверью, выскальзываю наружу и что есть сил бегу в конец коридора.

Оттуда — направо, по узкой винтовой лестнице, где у меня всегда случается приступ удушья.

Главное — не думать о стенах, которые как будто вот-вот сомкнутся вокруг меня каменным мешком.

Выдыхаю, поднявшись на самый верх, снова бегу до второй двери справа.

Тут купальни.

Проскальзываю внутрь, зажигаю масляную лампу и с ужасом таращусь на свою руку.

Вся в крови. Ткань сорочки пропитана так, что хоть отжимай.

Плачущий Руук, за что же мне все это?!

Медленно, предчувствуя неладное, отодвигаю ткань до локтя.

Оно горит у меня под кожей, выступает наружу острыми гранями странного орнамента: шипы, кости... рога?

Плачущий, защити!

— Матильда? Дитя, что ты здесь делаешь в ночную пору?

Я жмурюсь, ругаю себя на чем свет стоит, потому что забыла запереть дверь.

Меня погубят не вот эти странные метаморфозы, а собственная, порой просто феноменальная, безголовость и неосмотрительность.

Прячу руку за спину, поворачиваюсь на пятках и, глядя на настоятельницу Тамзину, вру, не моргнув глазом:

— Просто дурной сон, мать-настоятельница.

Она прищуривается.

Улыбаюсь до зубной боли.

— Что у тебя там, ммм? — выразительно заглядывает мне за спину.

— Я просто... очень усердно молилась, мать-настоятельница. — Пячусь к стене.

Настоятельница Анна обязательно бы поверила. Она вообще верит всему, что ей говорят. Поистине, божий человек.

Но настоятельница Тамзину так легко не провести.

Она протягивает вперед руку, нетерпеливо сжимает пальцы.

— Немедленно дай мне то, что ты прячешь, Матильда. И, клянусь Плачущим, я постараюсь быть снисходительной к твоей выходке.

Снисходительность и настоятельница Тамзина — это словно огонь, который обещает льду совсем не больно его растопить.

Жмурюсь, медленно показываю руку.

Теперь меня точно заперют до смерти.

А уж про поездку на Ярмарку точно можно забыть.

— Плачущий, Матильда, ну нельзя же так!

Я с опаской приоткрываю один глаз.

Понятия не имею, что случилось с моей рукой, но уверена, что окровавленные черепа, кости и рога на коже послушницы самого жертвенного и чистого бога, вряд ли бы побудили наставницу Тамзину сказать вот это. Скорее уж она бы прокляла меня тут же и для верности огрела чем-нибудь тяжелым, чтобы вывести из строя злой дух.

В прошлом году в одну из монашек вселился дух неушедшего, и Тамзина была единственной, чья рука не дрогнула проломить голову своей сестре по вере, чтобы «изгнать проклятого».

С тех пор на полу в обеденной так и осталось бурое пятно — его не удалось вывести никакими покаянными молитвами.

Я смотрю на свою руку, где должно быть настоящее богохульство, но вместо этого там... просто длинные потеки воска и почти безболезненные красные следы в тех местах, где он как раз отваливается и падает на пол.

Никакой крови.

Никаких символов.

Моргаю, терблю себя за ухо, потихоньку щипая за мочку, чтобы убедиться, что не сплю.

— Ты правда молилась? — Наставница всматривается в мое лицо.

— Ага, — говорю растерянно. — Уснула над «Томом милосердия».

Но на всякий случай незаметно вжимаю голову в плечи. Весной сестра Маргарет сказала против святого писания, и на следующий день ее убило молнией прямо посреди солнечного дня. Кажется, даже пережаренный вусмерть поросенок, не выглядел бы таким черным, как выглядело то, что осталось от бедняжки.

— Я отведу тебя к Игрейн.

— Но ведь ничего страшного не случилось, мать-настоятельница. Ни к чему будить сестру...

Тамзина тут же приколачивает меня взглядом к полу, и я знаю, что будет дальше, потому что она достает из потайного кармана просторной монашеской мантии цепочку из красных бусин, на которой болтается символ в виде подвешенного за одну ногу освежеванного человека.

Это — наш жертвенный Плачущий Руук.

Тот, что всю жизнь подставлял под удары кнута, предназначенные другим.

Тот, что проливал кровь вместо невинно убитых младенцев и чистых душ.

Тот, кого изувечил Черный Кравес, притащил безкожного по обугленной земле и потом подвесил на Великом дубе, где Плачущий страдает до сих пор.

Красные камни на бусах — особенные, потому что они — это застывшие кровь, слезы и пот нашего жертвенного Руука.

И раз уж настоятельница Тамзина решила их достать, значит, меня ждет урок веры.

— Что говорит в двенадцатом откровении «Тома смирения», сестра Матильда?

— «В смирении мы принимаем наш путь, и не ждем покоя ни днем, ни ночью, потому что покой есть промедление» — произношу без заминки.

— Хорошо. Ты знаешь, почему я спросила тебя об этом... сейчас?

— Потому что если есть человек, нуждающийся в помощи, служители Плачущего не должны знать ни сна, ни покоя, пока не облегчат ношу его страданий, — тоже без пауз.

— Поэтому, Игрейн будет рада помочь тебе, как помогла бы любому, кто пришел в монастырь в поисках крова, защиты и помощи.

А таких под нашими стенами каждый день — просто тьма.

Чего мне только не приходилось делать на своем веку: и перевязывать раны, и отпиливать гниющие конечности, и поить «слезами сострадания» тех, кого уже нельзя было спасти.

Тамзина кивает, довольная тем, что я усвоила урок, мола поворачивается и идет по коридору.

Послушно семеню за ней, надеясь, что гроза, наконец, миновала.

Глава вторая

Игрейн — моя подруга.

Между сестрами такое не поощряется, потому что вера Плачущего учит нас любить всех одинаково, но я что-то сомневаюсь, что Рууку так уж не все равно на то, что пара его непорочных служительниц время от времени делятся друг с другом секретами и сплетнями.

Да да, даже у монахинь есть о чем поболтать за закрытой дверью.

— Ты правда молилась? — шепотом спрашивает Игрейн, с трудом подавляя зевок.

Она наносит на руку целебную мазь и мастерски перевязывает ее чистой полоской бинта.

— Просто уснула носом в книгу, — говорю тоже шепотом.

Мы пересматриваемся и в унисон прыскаем от смеха, тоже одновременно прикрывая рты ладонями.

Я не хочу врать Игрейн, потому что у нас с ней нет тайн друг от друга. И она точно знает обо мне кое-что более крамольное, чем какой-то очень не похожий на сон — сон.

А раз я сама решаю, что просто немного испугалась и спутала реальность с ночным маревом, то стоит ли раздувать из мухи слона? В купальне даже крови на полу не было, а ведь я была уверена, что она течет ручьем.

— Ты уже готова ехать на ярмарку? — Игрейн понижает голос до шепота. — От Орви были еще письма?

Я сразу грустнею и отрицательно мотаю головой.

Орви — это мое искушение. То самое, о котором написано в двенадцатом четверостишии «Божественных скрижалей». Потому что я — монашка, и хоть еще не прошла обряд отречения, мужчины для меня под запретом. Как и все, что может отвлечь меня от предназначения пожертвовать своей жизнью во благо тех, кто нуждается в помощи.

А Орви... Он такой...

Я мечтательно закатываю глаза и подпираю щеку кулаком.

— Последняя весточка была больше двух месяцев назад, — говорю погрустневшим голосом. — С тех пор — ни словечка, ни даже буковки. Почему мужчине обязательно нужно идти на войну? Почему он не может быть просто милым и добрым сыном лавочника и, как прежде, раз в неделю привозить на обмен ткани и столовую утварь?

Игрейн виновато пожимает плечами.

Год назад Орви ушел на войну, помогать нашему молодому королю Эвину Скай-Рингу укреплять границы королевства. С тех пор была всего пара писем, в каждом из которых он писал целые поэмы о суровой и полной опасностей военной жизни. Я зачитывала его весточки до дыр, заучивала слово в слово, потому что не могла рисковать и хранить их. Читала, зазубривала — и сжигала.

В последнем письме Орви пообещал быть на ежегодной Ярмарке и очень просил, чтобы я тоже обязательно приехала. Это было короткое и какое-то оборванное письмо, совсем не как обычно, и с тех пор между нами повисло гнетущее молчание.

— Тогда нужно спать, — уверенно говорит Игрейн и, быстро спрятав лекарские принадлежности, за руку тащит меня в комнату. — Чтобы Орви, когда увидит тебя завтра, обомлел и потерял голову.

— Скажешь тоже, — краснея, отмахиваюсь я.

Нужно ли говорить, что до самого утра так и не сомкнула глаз?

Боялась и тряслась, как осиновый лист, стоило представить, что во сне мне под кожу снова заберется какая-то порча и на этот раз все будет по-настоящему.

А с первым лучом солнца выскакиваю из постели и несусь в купальню — проверять, все ли в порядке с моей несчастной рукой. Кожа под повязкой была идеально чистой, сошла даже небольшая красота от воска, который я так и не поняла, откуда там взялся.

У монахинь Плачущего на все случаи жизни — одна одежда: длинное темно-серое одеяние с глубоким капюшоном, и белый платок, которым мы перевязываем голову, чтобы окружающие видели только наше лицо. Однажды, когда Орви вместе с отцом приехали в монастырь, случился

какой-то переполох и нам удалось ускользнуть подальше ото всех, чтобы побыть наедине хотя бы минуту. Тогда он попросил развязать платок и долго просто смотрел, как я быстро переплетаю косу. Только, краснея, попросил срезать на память прядь волос, которые тут же спрятал в медальон на груди.

А я как-то не додумалась попросить у него что-то взамен.

Просто сидела и слушала, как он дышит, боясь лишний раз взглянуть в мою сторону.

Тогда я впервые в жизни разозлилась на свою участь монашки и вечного венца невинности. Я ведь ее не выбирала! Я просто... была еще одним младенцем, оставленным на пороге монастыря.

Когда солнце поднимается выше, настоятельница Тамзина пересчитывает всех нас, едущих на ярмарку, по головам. Всего пять человек, но этого достаточно, чтобы вести торговлю. Мы везем на продажу несколько бочонков молодых и выстоянных вин, десяток головок выдержанного сыра, сушеные целебные сборы, тончайшее тканое полотно, известное своим качеством на всю Артанию.

Это — мой второй выезд за стены монастыре. Впервые это случилось еще когда я была совсем маленькой, у меня случился приступ острой желудочной боли, и сердобольная настоятельница Анна сама отвезла меня в лечебницу, где из моего вздутого живота вырезали какой-то маленький гниющий отросток.

В этот раз я широко раскрываю глаза и впитываю каждый метр нового и неизвестного для меня мира.

— Что там? — спрашивает маленькая пухлая сестра Фьёрда, когда на перекрестке впереди появляется темное пятно крытого экипажа.

Я такие видела только в книгах монастырской библиотеки, за что после получила от настоятельницы двадцать ударов палками, потому что без спроса полезла в секцию «богохульных книг». Увы, наш человеколюбивый Руук в вере своей отрекался от всего рукотворного и «оживленного против воли богов», а, значит, даже самокатные экипажи и дирижабли, и механикусы моими сестрами по вере считали богомерзким искушением, и категорически отвергались.

Хвала Плачущему, экипаж тащила четверка лошадей.

Таких красивых и холеных, что на них засмотрелась даже настоятельница Тамзина и, если бы не окрик Игрейн, мы бы точно переехали вышедшего на дорогу высокого и красивого, как грех, белокурого мужчину в мундире элитных королевских гвардейцев.

Тамзина потянулась за своими бусами, наставница Анна зашептала молитву, пухлощекая Фьёрда закрыла лицо ладонями, и только мы с Игрейн уставились на красавчика во все глаза.

Никогда не видела, чтобы у мужчины была такая гладкая белая кожа, безупречно чистые прозрачные голубые глаза и белоснежные волосы, длинным водопадом струящиеся по плечам до самых лопаток.

Наверное, если бы наша Солнцеподобная Сирилла решила создать мужчину, равного ей по красоте, он был бы именно таким — ни добавить, ни убавить.

— Сестры, мне кажется, или вы забыли степенно потупить взор? — напоминает настоятельница Тамзина.

И мы с Игрейн хором опускаем головы.

Хотя, что толку? Это все равно, что посмотреть на солнце в зените.

— Почтенные леди, великодушно и смиренно прошу прощения, — слышу приятный мужской голос.

Обволакивающих, теплый, с идеальным выговором человека, явно не трудившего руки кузнечным молотом или плугом. Орви рассказывал, что в Королевскую гвардию может быть зачислен любой, кто прошел военную школу и отслужил в армии, но элитные гвардейцы — это всегда младшие сыновья влиятельных благородных семей. Потому что их заботам вверяют самое главное сокровище Артании — нашего молодого, пока еще не женатого и — о, ужас! — бездетного короля.

— Если мои глаза меня не обманывают, вы — служительницы Плачущего?

— На то его воля, — степенно отвечает настоятельница Тамзина.

— Тогда вы не сможете отказать нам в помощи!

Мы с Игрей украдкой беремся за руки и потихоньку хихикаем, потому что этот чистый красивый голос звучит игриво, как весенний ручей.

— Я не вижу здесь страждущих и обездоленных, — резонно заявляет Тамзина. — Прошу простить, господин, но если ваша... повозка, — она говорит это с подчеркнутым пренебрежением, — испорчена, значит, на то воля богов. Здесь, как видите, лишь пять женщин и вряд ли мы в состоянии...

— ... оставить без помощи тех, кто о ней просит? — вторгается в их перепалку еще один мужской голос.

Такой низкий, вкрадчивый и простуженный, что у меня марашки рассыпью по той части тела, которую, за три часа пути, уже успела порядком отсидеть.

— «Том заветов», стих девятнадцатый: «Каждый, кто в нужде взывает о помощи, должен немедленно получить ее — едой, кровом или вдохновенной молитвой». Так, кажется?

Игрейн косится на меня круглыми, как у рыбы, испуганными глазами.

Я рискую потихоньку поднять голову, заранее зная, что если Тамзина заметит, что я ослушалась, по возвращению меня запрут в келье для «вдумчивых молитв».

Но кто бы на моем месте поборол искушение, особенно, если тебе восемнадцать, и эти двое — вторые встреченные в жизни мужчины.

Тот, что стоит чуть в стороне от беловолосого, еще выше его. Ненамного, но это сразу бросается в глаза. Как и его более мощное сложение, подчеркнутое непримечательным черным мундиром простого гвардейца. На вид ему может быть от тридцати до сорока, на висках — тонкие полосы ранней седины, но остальные волосы черные, как смоль, гладкие и стриженные коротко, сзади, но при этом достаточно длинные спереди, чтобы почти полностью скрывать его взгляд.

Видны лишь тонкий нос с горбинкой и выразительно очерченные губы.

И немного впавшие щеки с тенями усталости поверх, как раз в тех местах, где его глаза надежно скрыты за волосами.

Мне правда не по себе от того, что лица этого человека толком не рассмотреть, потому что он, даже если смотрит на настоятельницу, как будто одновременно копошится и в моей голове.

Тамзина выравнивается, ее спина становится прямой, как гвоздь — хоть прямо сейчас вколачивай в чью-то упрямую башку.

На нее не действуют ни лучезарная сногшибательная улыбка блондина, ни неприятная загадочность брюнета. Но она явно бессильна против оружия, которым сама владеет в совершенстве — слов, заветов и напутствий, которые Плачущий оставил своим верным служителям. Она не может отказать своему драгоценному богу.

А, значит, не может отказать и этим двоим.

— И что же слабые женщины могут сделать, чтобы облегчить участь двух... — она еще раз выразительно осматривает их с ног до головы, — ... королевских гвардейцев?

— У нашего экипажа сломалось колесо, — улыбается блондин. — Не могли бы вы подбросить нас до «Перепутья»? Это недалеко, мы не будем тревожить ваш покой своими недостойными голосами.

Почему мне кажется, что он говорит это с издевкой?

Возможно из-за того, что успеваю заметить мимолетную усмешку на выразительных губах того, другого?

— Меня зовут Эйр Борн, — представляется блондин, и лицо настоятельницы немного смягчается. Разбойники с большой дороги крайне редко блещут такими манерами. — А этот толстокожий молчун — мой брат, Даниэль.

— Что ж, в таком случае, мы окажем вам помощь.

Я еще раз пытаюсь поймать взгляд темноволосого, и ловлю себя на мысли, что этого человека могут звать как угодно, но вряд ли «Даниэль».

Глава третья

У нас большая шестиколесная телега, которую тянет пара крепких буйволов, так что еще два ездока — это вряд ли непосильная ноша.

Сначала мне кажется, что Эйр сядет на козлы, рядом с настоятельницей, но туда быстро перебирается пугливая сестра Фьёрда, освобождая для мужчин место в телеге, рядом с нами.

Игрейн больно тычет меня локтем под бок, когда красавчик-блондин садится рядом с ней и, как принято в высшем обществе, тянется, чтобы поцеловать ей руку.

Она взвизгивает и одергивается от него, словно от создания Бездны.

Тамзина хмуро зыркает за спину и Эйр тут же напускает смиренный виноватый вид.

Но его глаза... Ох, вряд ли он сделал это не нарочно.

Я сижу на краю, и едва ли могу шелохнуться, когда темноволосый садится около меня.

Он двигается плавно и хищно одновременно. Может быть, военная служба дает мужчинам такие навыки? А, может, они никакие не гвардейцы?

— Что-то не так, юная леди? — с нотками искреннего беспокойства, интересуется гвардеец, замечая мое любопытство. — Уверяю, я не собираюсь покушаться ни на вашу невинную душу, ни даже на ваш молитвенник, который вы так... гммм... трепетно сжимаете в ладонях.

Я спешно опускаю взгляд, и стыжусь своих стремительно краснеющих щек.

Этот голос... Он словно сам грех.

И я действительно еще крепче стискиваю пальцы на корешке моего маленького молитвенника, потому что не в силах справиться со страхом. Как будто сам Плачущий шепчет мне на ухо, что от этого человека нужно держаться подальше.

— Братец, не заставляй меня краснеть перед нашими спасительницами, — звонко посмеивается Эйр. — Я пообещал этой святой женщине с невообразимо глубокой душой, что мы не будем смущать их своими грубыми солдатскими манерами.

— Я лишь спросил, неудобно ли молодой леди, чтобы я держалась подальше от ее святости, — пожимает плечами гвардеец.

— Матильда очень набожна, — зачем-то еле слышно пищит Игрейн.

— Матильда? — радуется Эйр. — Совсем как одну милую герцогиню, да, братец?

Даниэль кивает, и достает из-за пазухи маленькую белую книгу с порядком потрепанным корешком, но с дорогим серебряным плетением поверх обложки. Опирается локтем о край телеги, подпирая щеку кулаком, одну ногу сгибает в колене, ставя ее так, чтобы можно было опереть книгу и... просто теряет всякий интерес к происходящему.

Какое-то время мы едем молча.

Но, Плачущий, у него же книга! Целая настоящая книга. Явно не молитвенник и не святое писание, а одна из тех, которые нельзя читать монахиням.

От желания взглянуть на ее страницы хоть бы одним глазком, начинают чесаться ладони.

Я, делая вид, что интересуюсь только пейзажами, верчу головой, изредка задерживая взгляд на названии. Написано, кажется, на н'дарском — только там есть такие непроизносимые сочетания букв.

Что там написано? «О согласии»?

Или, может быть, «О соблазне»?

Может, это одна из тех богомерзких книжонок, в которых написано, как непотребным женщинам нужно...

— Можно просто спросить, — говорит гвардеец, отрываясь от чтения и поднимая взгляд на книгой.

Теперь я вижу его глаза.

Очень темные, очень глубокие.

Очень... не добрые.

— «О соращении», — поясняет гвардеец, и когда я осеняю себя охранным знаком, выразительно и иронично фыркает. — Эта книга об одном святом, юная леди. Его вера была так... нестабильна, что демон решил отобрать у него его святую душу. Сперва демон явился к святому в облике сулящего богатства торговца, потом — в облике известного жреца, познавшего секрет вечной жизни, и лишь в конце — в образе прекрасной юной деви. Эта книга, да будет вам известно, о самом большом соблазне и самом большом грехе — соращении духа.

Я тарашу на него во все глаза, и начинаю подумывать, что он — никакой не гвардеец, а тот самый демон в искусительном облики.

— Братец, ты забыл добавить, что юная дева была не только прекрасна, но и совершенна нага, — мурлыкающим голосом добавляет Эйр.

Настоятельница Тамзина громко поминает заповедь о том, что монахини — жены бога, и посягать на их непорочный слух, значит, гневить их единственного Супруга.

— Уверяю, строгая госпожа, ни я, ни мой брат не посягнем на то, что принадлежит Богу, — снова не без издевки клянется блондин. И тут же добавляет: — Мой братец очень почитает монахинь. Особенно в длинные ночи молитв и бдений.

Я вскидываю голову, почти веря, что от подобного «откровения» тот, второй, должен тут же отказаться и поклясться на том перед богом, которому служит, но он снова лишь мимолетно усмехается.

И интересуется, как будто до сих пор погруженный в чтение:

— Юную леди что-то беспокоит?

— Лишь ваши богохульные речи! — шепотом выпаливаю я.

Темный взгляд снова где-то над книгой.

Щурится до тонких лучиков морщинок в уголках глаз, и я замечаю на смуглой коже тонкий след шрама.

— Что же богохульного в ночных молитвах? — Он почти искренне не понимает.

Но именно это «почти» — нарочное, издевательское — ни на минуту не дает усомниться в том, что мы оба понимаем, о чем речь.

— Вы молитесь на ночь, юная леди? — вкрадчиво интересуется он.

— Ночная молитва — единение с богом, и самая чистая исповедь, — отвечаю я.

Он кивает, откладывает книгу и, чуть подавшись вперед, задает следующий вопрос:

— Становитесь ли вы на холодные каменные плиты своими тонкими голыми коленками?

Я не в силах ни вздохнуть, ни выдохнуть.

— Когда просите у своего Бога быть к вам терпеливым и снисходительным — достаточно ли крепко сжимаете ноги?

Стыд вспыхивает у меня под кожей, словно я уже в Бездне, и медленно поджариваюсь на своем личном костре.

— Волнуется ли ваша невинная душа, когда...

Повозка останавливается так резко, что меня сперва бросает вперед, а потом — назад, на мешки с полотном.

— «Перепутье», — громко говорит настоятельница Тамзина. — Здесь наши пути расходятся. Пусть Плачущий не обделит вас своей милостью.

Пока Эйр ловко спрыгивает прямо с телеги, гвардеец как бы случайно наклоняется ко мне.

Тянется к моей руке.

Я одергиваю ее и прижимаю к груди, где испуганно колотится сердце.

— Я бы не посмел смутить юную леди такими богомерзкими вещами, — шепотом говорит гвардеец. Он что-то чувствую ловко и почти незаметно прячет между мешками. — Постарайтесь, чтобы ваша строгая наставница не нашла мой маленький подарок. И не переусердствуйте, когда будете молиться в следующий раз, чтобы не стереть свои невинные голые колени.

Он поднимается, расправляет плечи и, даже не взгляну на меня на прощанье, тяжелым твердым шагом направляется в сторону постоянного двора.

Глава четвертая

— Глазам своим не верю! Альберта! Вы уверены, что были трезвы и в крепкой памяти, когда составляли... вот это?!

Эвин бросает пергамент на стол и разводит руками, с претензией глядя на стоящую неподалеку герцогиню Альберту Белл, которая, если память мне не изменяет, служит в Тайном совете еще со времен, когда был жив король Дарек.

Даже не представляю, сколько ей лет, но, насколько вижу и чувствую, она не прибежала ни к каким махинациям и не использовала омолаживающие инъекции, которые, с легкой подачи одного химера, стали просто писком моды. Если так пойдет и дальше, я лично вытребую у Эвина приказ об увеличении налогов на салоны красоты. За последние полгода индустрия моды принесла в казну больше денег, чем пошив мужской одежды.

Если в следующий раз какой-нибудь умник спросит, почему я в свои седины до сих пор не связал себя узами брака, я скажу, как на духу — женщины в наше время слишком дороги.

И мне, заурядному Серому кардиналу при дворе Скай-Ринга, точно не по карману.

— Ваше Величество, я проверила каждое имя. В списке кандидаток на роль королевы, не может быть никаких оплошностей и случайностей.

Я мысленно пару раз лениво хлопаю в ладоши выдержке и каменному выражению лица старой Черной вдовы. Хотя, пройдя школу дурного вспыльчивого характера отца Эвина, этот вздорный бунтарь вряд ли доставляет ей больше проблем, чем липкий леденец.

— Рэйвен?! — Король широким шагом громыкает сапогами в мою сторону и всучивает злосчастный пергамент. — Просто взгляни и скажи, что я не сошел с ума, желая сократить количество кандидаток вдвое. А некоторых — например номер семь — было бы неплохо сократить абсолютно буквально, на голову.

С трудом подавив зевок, быстро пробегаю взглядом по фамилиям: леди Элиз Вустер, графиня Вероника Мор, маркиза Айна Монтайн...

Айна...

В моей памяти она навечно останется девушкой, которая молилась перед тем, как расстегнуть на мне рубашку.

Ну хорошо, не навечно. Но было правда забавно.

— Со всем почтением, Альберта, но маркизе Монтайн совершенно точно не место в этом списке, — выдаю первую ремарку.

— По каким соображениям? — интересуется Черная вдова.

— По самым что ни на есть первостепенным и основополагающим в таком вопросе, как роль будущей жены короля и матери наследника престола — маркиза не девица.

Эвин издает триумфальное «Ха!» и выразительным взглядом в сторону герцогини дает понять, что ждет от нее вразумительного ответа.

— Ваше Величество, нет никаких причин сомневаться в непорочности маркизы, — все с тем же невозмутимым видом, говорит Черная вдова. — У этой девушки безупречная репутация, ее отец — верный вассал Вашего Величества. Кроме того, семейный лекарь...

— Ооооо, — иронично тяну я, — в таких деликатных вопросах этим прохвостам я бы доверял менее всего. Но даже если бедолага свято верит в то, что говорит, уверяю, белая роза молодой маркизы уже давно отцвела.

— Могу я в таком случае поинтересоваться, из какого надежного источника *ваши* сведения? — не желает отступить Альберта.

— Из первых рук, — не скрывая сальную улыбку, «каюсь» я.

На ее лицо нужно посмотреть — разве что не скисло окончательно.

Лично я не имею ничего против герцогини. При жизни она, я слышал, была верной женой своему туповатому мужу, а после его смерти смогла не только упрочить свои позиции, но и сделать то, чего не удавалось ни одной женщине Артании — возглавила Тайный совет.

И где-то во всем этом наши пути пересеклись. Пару раз. И я — сперва не нарочно, а потом осознанно и намеренно — оттоптал бедняжке ноги.

С тех пор нас связывает взаимная, крепкая, надежная и абсолютно безграничная неприязнь.

— Ваши поступки, Рэйвен, порой настолько... возмутительны, что мне нечего сказать в ответ, чтобы не испачкаться.

— Не утруждайтесь, герцогиня. — Отвешиваю ей едва заметный поклон. — За все эти годы вы ни разу не дали мне повод усомниться в том, что наши чувства взаимны. И, раз уж мы заговорили об увядших розах... Ваше Величество, полагаю, кандидаток номер девять, одиннадцать и девятнадцать, так же следует исключить.

Герцогиня мгновенно карает меня презрительным взглядом.

Эвин удивленно вздергивает бровь.

— И тоже «из первых рук»? — смеется он.

Яжимаю плечами, зеваю и, устроившись поудобнее, протягиваю ноги к огню.

Проклятый дождь. Никакого покоя коленям.

Помня просьбу короля, нахожу взглядом имя под номером семь.

Герцогиня Матильда Лу'На.

Шрам под ребрами, оставленный мне «на память» ныне гниющим в земле папашей этой девицы, начинает предательски зудеть.

Старинный род.

Некогда очень богатый. Сидящий пятой точкой на золотых рудниках и в одно лицо распоряжающийся ахаловыми рощами — единственным во всем королевстве, источником самой легкой, прочной и гибкой древесины для изготовления дирижаблей.

Старик так разжирел, что даже в свой ночной горшок справлял большую нужду золотыми дублонами. Поговаривали даже, с его собственного чеканного двора и с его уродливой рожей в профиль.

— Матильда Лу'На, Рэйвен, — напоминает король и я киваю, давая понять, что нашел причину его негодования. — Ее отец насолил не только королевству, но и тебе лично.

Насолил — это мягко сказано.

Как если бы сказать, что гильотина обкорнала голову совершенно случайно, а на самом деле должна была лишь подравнять волосы.

Этот старый гад чуть не отправил меня в Бездну.

И даже спросить некого, что за приступ идиотского благородства у меня случился, из-за чего я не отправил девчонку в монахини.

Очень некстати, но вполне ожидаемо, в голове всплывает образ той перепуганной монашки. Тоже Матильды.

Она так приятно пахла, что, конечно, мой «нюх» не мог не отреагировать.

Пахла очень особенно — случайными каплями воска на коже, потертыми страницами маленького молитвенника, сушеными цветами в тонких волосах...

— Рэйвен? Где ты, Хаос тебя задери?!

Я тяжело вздыхаю, возвращаясь из мира своих совсем не милых грез, в эту скучную серую действительность, где у меня адски ноют колени и раскалывает голова.

Старина Рэйвен, скажи-ка, неужели привилегия сидеть в присутствии короля, стоит всех этих страданий?

— Ваше Величество, если позволите. — Черная вдова откашливается в кулак и, закладывая руки за спину, выравнивает спину. Прямо стойкая оловянная старушенция. Эвин делает огромную ошибку, полагая, будто можно не считаться с этим сморщенным стручком.

Король раздраженно кивает.

— Герцогиня Лу'На — единственная наследница.

Бездна, как банально.

— Несмотря на то, что часть владений бывшего герцога Лу'На теперь принадлежат короне, Матильда все еще очень почитаема своими людьми и весьма неплохо управляется с каждым бунтом. Она умна, находчива и...

— ... приходится двоюродной племянницей королю Аббердина, — прерываю этот предсказуемый поток чуши.

Герцогиня, несомненно, умна и даже хитра, и приносит много пользы на своем посту, но некоторые вещи она не может знать хотя бы потому, что она — не я.

— Это невозможно! — возмущается Черная вдова. — Я лично проверила родовое древо каждой кандидатки.

— Если королю будет угодно, у меня есть один пергамент, доказывающий абсолютную правоту моих слов. Готов предоставить его по первому требованию, Ваше Величество.

Эвин отмахивается.

Мы с ним прошли через такое, что, если бы он сейчас не поверил мне на слово, я бы, пожалуй, даже оскорбился.

— Когда-нибудь ее дети смогут претендовать на трон Аббердина, — развиваю мысль. — И даже если она — седьмая вода на киселе, этого вполне достаточно, чтобы некоторое недовольное политикой старика Дэйла дворянство, решило переметнуть знамена.

Аббердин — это, по истине, самая большая и болезненная заноза в заднице Артании.

Неприрученные земли свободных горцев.

Для умника, который принес этим дикарям «слово о демократии» следовало бы придумать персональную пытку.

— Я скорее женюсь на н'дарской суке, чем на Матильде Лу'На, — заявляет Эвин.

— Полагаю, Вашему Величеству не стоит рубить с плеча, — немного прогибается герцогиня.

Потому что проглотила мою наживку.

Если бы не треск дров в камине, уверен, малый зал совета был бы до верху наполнен скрипом ржавых шестеренок в ее голове.

Эвин смотрит на меня почти с мольбой.

Даже знаю, о чем думает и чего ждет.

Увы, но этот «невинный цветочек» меня не заинтересовал бы даже под пытками.

— Матильда Лу'На, святые горшки! Поверить не могу, что мне придется... возможно... даже...

Когда его взгляд останавливается на мне, я задом чувствую, что пока Эвин не женится, моим старым солдатским костям не будет покоя. Потому что он уже придумал для меня какую-то персональную задачку.

Затащить девицу Лу'На в постель? Вот уж дудки.

— Герцогиня, не могли бы вы оставить нас с Рэйвенем наедине?

— Но, Ваше Величество...

— Оставьте нас! — рывкает он.

Паучиха откланивается и быстро уносит ноги.

— Боюсь, есть лишь один способ уладить все вопросы с моей женьбой, — говорит он с той самой улыбкой, после которой Эвину хватило мозгов развязать войну с Аббердином. — И столь деликатный вопрос, как ты понимаешь, я не могу доверить женщине.

— Нет, — на всякий случай отказываюсь заранее. — Что бы ты не задумал — мой ответ будет «нет». Я не собираюсь заглядывать под юбки твоим невестам.

«Даже если под некоторыми может открываться потрясающий вид», — добавляю про себя, и очень некстати улыбаюсь этим мыслям.

Эвин всегда был скор на выводы и поступки.

— Ты будешь моими глазами и ушами в этом серпентарии, — заявляет он, и лыбится, очень довольный собой. — Потому что я, король Эвин Первый Скай-Ринг, назначаю тебя куратором моего отбора невест и своей высочайшей властью наделяю всеми правами, полномочиями и прочая.

— Может, лучше Орден за Верную службу и на пенсию? — уныло сопротивляюсь я.

— Избавься от герцогини, найди мне славную, чистую и породистую королеву, а остальных девиц...

— Эвин сально ухмыляется. — В общем, вытаптывай этот розарий сколько душе угодно.

Глава пятая

Только на последний, третий день ярмарки, у меня выпадает возможность незаметно улизнуть из постоянного двора, где мы остановились. И только потому, что ярмарочные дни начинаются буквально с рассветом и заканчиваются только с наступлением темноты.

Даже у похожей на оживленную марионетку настоятельницы Тамзины в конце концов заканчиваются запасы сил и когда вечером мы возвращаемся в наши комнаты, она меняет свое решение возвращаться в монастырь немедленно, и решает, что ничего страшного не случится, если мы выедем с рассветом, хорошенько выспавшись перед дорогой.

Мы с Игрейн, как самые юные, спим в одной комнате вдвоем, и как только возня за стеной, в которой спят наставницы и монахиня Фьёрда, стихает, я быстро достаю припрятанный под кроватью узел с мирскими вещами — мое монашеское одеяние слишком заметно, чтобы просто так расхаживать в нем по городу. За год я кое-как скопила пару монет, и их как раз хватило, чтобы тайком купить на ярмарке простое крестьянское платье и накидку с капюшоном.

Игрейн, которая все время, каждую минуту меня подбадривала, глядя на мои торопливые переодевания, становится непривычно молчаливой.

— Ты такая смелая, — наконец, шепотом говорит она, когда я туго перевязываю косу вокруг головы и накидываю капюшон, надежно скрывающий мое лицо. — Я бы никогда не смогла.

— Я бы тоже, но Орви...

Мои глаза сами собой мечтательно закрываются, когда вспоминаю нашу единственную мимолетную встречу в конце первого дня ярмарки.

Я так устала, отрезая ткани и сворачивая их в красивые рулоны, что не сразу почувствовала пристальный взгляд в спину. Почему-то сначала даже показалось, что это темный взгляд, прищуренный, насмешливый и порочный, от одного воспоминания о котором меня сразу бросало то в жар, то в холод.

Повертела головой и заметила стоящего около прилавка со сладостями молодого гвардейца. И, хоть на нем был точно такой же черный мундир, что и на «Даниэле», спутать этих двоих было просто невозможно. Потому что Орви был ниже и коренастее, с руками, которыми, кажется, мог бы запросто преломить надвое молодое деревце.

Но. Орви — королевский гвардеец?

Я была так поражена этой новостью, что остолбенела на месте.

Форма очень ему шла, особенно мундир с одним маленьким отличительным знаком в виде пары скрещенных мечей.

Почему-то мысленно триумфально вскинула бровь, памятуя, что у беспутника с телеги не было даже этого. Видимо, все его великие дела не ушли дальше бесстыжего смущения непорочных невест светлых богов.

Очнувшись, я чуть не со слезами отпросилась у настоятельницы отпустить меня «по острой нужде» и, петляя как заяц, обошла прилавок со сладостями. Скорее почувствовала, чем поняла, что Орви идет за мной шаг в шаг.

Но был ясный день, на нас смотрели сотни глаз, и если бы монахиня Плачущего привселюдно и открыто заговорила с мужчиной, это стало бы куда более интересным развлечением, как кукольный спектакль на малой площади.

Тогда мы посмели лишь обменять взглядами и мимолетным прикосновением голых пальцев, когда Орви вложил мне в ладонь крохотную записку.

«Буду ждать тебя каждый вечер у фонтана с рыбами, за Торговым домом Кресов» — было написано там.

Я по привычке запомнила каждое слово, а потом сожгла записку и начала терпеливо готовить план «побега».

Так что сейчас, когда из отражения в маленьком мутном зеркале на меня смотрит обычная и ничем неприметная девица, во мне нет ни капли сомнения, стоит ли рисковать. Или, что Орви меня не дождет. Однажды он спрыгнул с телеги отца и вернулся в монастырь, чтобы увидиться со мной. И всю ночь шел пешком домой, не боясь ни разбойников, ни зверей.

— Пообещай, что будешь благоразумна, — просит Игрейн, и я послушно киваю.

Когда украдкой выскальзываю за дверь, в спину слышу молитву богам, быть милосердными к моей строптивости.

До той самой площади идти совсем недалеко, но первый квартал дается мне с трудом, потому что это первый раз, когда я одна, без компаньонки и защиты монашеского одеяния, иду по городу, которого не знаю, и натываюсь на незнакомых людей.

Потом вспоминаю, что Орви, наверное, уже отчаялся меня дожидаться, и прибавляю шаг.

Почти бегу, жадно глотая прохладный осенний воздух, приправленный ароматом свежей сдобы и горящих фонарей.

А вот и площадь.

И фонтан в виде плещущихся на струйках воды гранитных карасей.

Осматриваюсь, немного сдвигая капюшон.

Чуть в стороне — парочка. Кажется, держатся за руки и меня снова бросает в жар от стыда. Никогда прежде я не видела, чтобы мужчина прикасался к женщине. Даже просто за руку.

Я осторожно обхожу фонтан по кругу и с тоской понимаю, что Орви нигде нет.

Вздыхаю, с досадой теребя край рукава платья.

Он меня не дождался? Но ведь...

— Матильда? — Чья-то рука опускается мне на плечо. — Хвала Торосу, я думал, ты совсем обо мне забыла.

Я разворачиваюсь на пятках и чувствую приятное волнение в груди, когда на меня смотрят красивые темно-серые глаза Орви.

Может быть, тот блондин и красив, как бог, но что простой сироте с такой красоты, если она лишь обжигает?

То ли дело Орви — возмужавший, с заметной бородкой и даже с маленьким шрамом на подбородке, который до сих пор не совсем зарубцевался.

— Это тебе. — Орви протягивает мне петушка на палочке, и я с удовольствием тут же вгрызаюсь в него зубами.

— Как ты оказался в королевской гвардии? — спрашиваю я, когда Орви предлагает немного прогуляться и, видя мое сомнение, клянется проводить меня до двери постоянного двора.

Я улыбаюсь и думаю, что с таким охранником мне не страшны даже нападения демонов.

Если бы, конечно, такое вообще могло быть после Смутных времен.

— Если начну рассказывать, подумаешь, что хвастаю. — Орви озадаченно и сконфуженно скребет затылок.

— Буду думать, что ты — герой, — говорю искренне и чтобы подбодрить его, потихоньку дергаю за рукав.

Это — максимум близости с мужчиной, который может себе позволить юная послушница.

Орви откашливается и начинает свой увлекательный рассказ о том, как он героически спасал свой попавший в окружение аббердинцев отряд. Как прорывал осаду вместе со своим боевым товарищем, который погиб, напорвшись на смертельную ловушку, и как он после тащил его бездыханное тело несколько миль, чтобы не оставлять труп на поругание врагам.

Пару раз делает пугливые паузы и интересуется, не утомил ли меня печальным пересказом солдатских будней и каждый раз я отвечаю, что готова слушать его хоть всю жизнь, если бы время вдруг стало очень медленным, и растянуло в один час.

— Потом оказалось, что тот парень был сбежавшим на войну младшим сыном лорда, и когда он узнал... В общем, вот так я получил рекомендацию для зачисления в гвардию, — заканчивает рассказ Орви.

Мы останавливаемся напротив небольшого переулочка, чуть в стороне от тусклого желтого света

фонаря.

От моего леденца давно осталась только деревянная палочка, но я все рано потихоньку ее грызу.

От волнения и непонятного беспокойства, как будто, несмотря ни на что, вот прямо сейчас и именно здесь, случится то, чего не должно быть.

Мой первый поцелуй.

— Тебе очень идет мундир, — говорю неприятно писклявым голосом и тут же вжимаю голову в плечи.

Орви не двигается. Не пытается даже взять меня за руки, как держалась та парочка около рыбьего фонтана.

Конечно, наверное, он успел насмотреться на красивых, всегда вьющихся около венных, женщин. Что ему какая-то чумазая монашка.

— Я воображал, что понравлюсь тебе хоть капельку, — тоже сбивчиво бормочет Орви.

Кто-то из нас — возможно, даже я — делает шаг навстречу.

Мы становимся так близко, что между нами едва ли протиснется ребро ладони.

— Ты мне... нравишься, — заикаясь, признаюсь я. — Ты теперь такой... такой...

Он протягивает руку, но вместо того, чтобы взять меня за руку, гладит по щеке.

Вернее, едва ли успевает притронуться к ней, когда я чувствую внезапное жжение в груди.

Как будто меня очень сильно ударили и вышибли весь дух.

— Матильда, я хотел сказать...

Голос Орви тонет в зыбучем песке, которым как будто бы наполнены мои уши.

Жжет так сильно, что я прикладываю ладони к груди и пытаюсь сделать хотя бы один вздох.

— Ты... такая... особенная.

Плачущий, неужели он не видит, что со мной что-то не в порядке?

Или я снова сплю?

Голова снова начинает кружиться и в ноздрях как назло снова появляется тот неприятный запах соли и железных стружек. Сторонюсь, когда Орви пытается оторвать мои руки от груди. Возможно, он принял мою боль за признак смущения?

— Я бы хотел...

Несмотря на мои попытки увернуться, он настойчив и все-таки берет меня за руку.

Кожей к коже, ладонью в ладонь.

И в моей груди как будто что-то лопается, вытекая прямо по венам сперва к запястьям, а потом — сквозь пальцы.

Орви вскрикивает и с силой одергивает руку, начиная трясти ней, словно ненормальный фокусник.

— Что за...?! — орет он, поднося ладонь к глазам.

Даже в плохом освещении фонаря отчетливо виден уродливый алый ожог на его ладони.

Как будто он держал не руку безобидной монашки, а раскаленное клеймо для скота.

Это произошло опять?

Снова слишком реальный сон?

Я до боли зажмуриваюсь и, скрестив пальцы, мысленно прошу Плачущего простить мои богохульные непотребные мысли. Обещаю больше никогда-никогда не позволять мужчине притрагиваться ко мне. Обещаю сжечь ту белую, подаренную гвардейцем книжку.

И даже клянусь больше не вспоминать о нем самом. Ни когда молюсь перед сном, никогда вообще.

Только пусть все это снова окажется сном.

Глава шестая

Но сколько бы я не жмурилась, сколько бы не пыталась сделать вид, что сплю и смотрю один из тех слишком реальных снов, надорванный от боли и злости голос Орви никуда не девается.

— Матильда, ради Тороса, за что?!

Я прикусываю нижнюю губу и с ужасом открываю глаза.

Ничего не исправилось на этот раз — бедный милый Орви трясет рукой, на которой, даже в тусклом свете фонаря, ожог алеет уродливым красным пятном.

Опускаю взгляд на собственные ладони — на них нет и следа, даже намек на то, что там есть что-то, способное причинить такую боль. Это просто мои ладони — узкие, с короткими и не самыми идеальными пальцами, с маленьким шрамом на подушечке большого пальца правой руки.

И все. Ничего другого.

Но ведь...

Я поворачиваюсь на пятках и, стараясь заглушить голос разума, который вопит о том, что даже если я побегу со всех ног — ничего не изменится, все же бегу. Куда глаза глядят, лишь бы подальше оттуда, где могут быть люди, которым я способна причинить страдания.

Может быть, это какое-то проклятье? А что если в следующий раз я причиню вред абсолютно незнакомому человеку, если он просто случайно ко мне притронется?

Может быть, поэтому мои родители оставил меня под стенами монастыря?

— Матильда, стой! — кричит Орви.

Как бы быстро я не летела, он все равно догоняет меня.

Почти протягивает руку, чтобы схватить за плечо, но я успеваю вовремя остановиться и повернуться к нему лицом.

Дышу тяжело и испуганно.

В груди по-прежнему жжет так сильно, словно в ней дыра размером с кулак.

Орви все еще трясет рукой, но уже хотя бы не стонет от боли. Достает из-за пазухи платок и кое-как, помогая себе зубами, перевязывает несчастную ладонь. Я просто держусь подальше, потому что боюсь причинить ему еще большую боль.

— Матильда, ты это сделала. — Это вовсе не вопрос, а утверждение, которое звучит не очень успокаивающе. Как и его сосредоточенный взгляд. — Как?

Должна ли я все ему рассказать?

И если я все расскажу — как он распорядится этой правдой?

— Я... я... — заикаюсь, и пячусь, стоит ему шагнуть ко мне. — Пожалуйста, не подходи. Просто... стой где стоишь. Я не знаю, что будет. Я не понимаю, что это такое!

Голос срывается, потому что мне действительно очень страшно.

Раньше я по крайней мере никому не причиняла боль, а уродства, вдруг появляющиеся на моем теле, потом так же внезапно исчезали.

— Тебе нужно успокоится, — смягчается Орви. Даже пытается улыбнуться, но видимо боль напоминает о себе, потому что вместо улыбки получается кривой оскал, от которого у меня неприятные мурашки по коже. — Ты ведь не сделала это нарочно?

— Нет, никогда! Не тебя! Ты же...

Хвала Плачущему, я успеваю вовремя прикусить язык, но сказанного все равно достаточно, чтобы Орви смягчился и на его щеках мелькнул едва заметный румянец.

Я тоже осторожно выдыхаю.

Наверное, ему можно рассказать. Больше некому. Ведь он уже и так знает обо мне столько тайн, что Расскажи он о парочке настоятельнице — меня бы просто заперли в комнате для молитв до

конца моих дней.

— Ты никому не расскажешь? — спрашиваю я.

— Даже если бы ты превращалась в дракона — не рассказал бы!

У него такое открытое и честное лицо, что, наконец, исчезают все сомнения.

Неподалеку есть скамейка, куда мы садимся, словно заклятые враги — на разные края, держась подальше даже от намека на прикасновение.

Слово за слово, я рассказываю ему тот свой сон, который вижу так часто, что выучила наизусть. Очень странно, что я помню запах сырого сумеречного леса, пожухлой листвы, помню, что у женщины из сна, красивые белокурые волосы и идеально белая кожа, покрытая тонкими свежими царапинами. А мужчина ходит тяжело и жестко, и улыбка у него — недобрая.

Я помню, что они о чем-то говорят, но не разбираю ни слова.

Потому женщина бросает последнюю фразу и...

Тут я обычно просыпаюсь.

Орви слушает молча и ни разу не перебивает.

А когда заканчиваю, вдруг, немного смущенно, признается:

— Знаешь, я до сих пор вижу во сне похороны матери. И когда просыпаюсь — на душе такая тоска, словно это случилось вчера, а не годы назад.

Я знаю, что он хочет меня приободрить, и бесконечно благодарна.

Даже если бы он не открыл в ответ свою тайну, я бы все равно думала, что он самый лучший человек на свете. Потому что по крайней мере не пытается заклеить меня проклятием.

И не пытается сдать ближайшему служителю Инквизиции.

Если бы кто-то из этих бессердечных всесильных в Артании людей узнал, что девчонка-монашка вот такое устроила, меня потащили бы на костер без суда и разбирательства.

Орви неожиданно встает, подходит ко мне и, опустившись на одно колено, говорит, глядя в глаза и прижимая к груди перебинтованный носовым платком кулак:

— Клянусь, что никогда и никому не расскажу твою тайну, Матильда. Унесу ее в могилу. Как и мою... любовь к тебе.

Я ужасно испугана.

Я не понимаю, кто я и за что мне все это.

Но когда мужчина, от которого дрожит сердце, признается в любви, даже монашки Плачущего пускают счастливые слезы и поскорее, чтобы не сгореть от стыда, прикладывают к пылающим щекам прохладные ладони.

— Я обязательно придумаю, как тебя спасти, — говорит мой милый Орви, и в знак клятвы очень целомудренно прикасается лбом к подолу моего платья.

До постоянного двора мы возвращаемся молча, держась друг от друга на расстоянии вытянутой руки.

Моя голова вся забита мыслями о том, какие книги можно поискать, чтобы найти там хоть что-то похожее на то, что происходит со мной. Но вряд ли там осталось хоть что-то «непотребное», после того, как настоятельница Элиза совершила акт карающей святости и чистоты.

Но ведь просто сидеть и ничего не делать, тоже нельзя?

Кто знает, что может случиться в следующий раз.

— Дальше я сама, — останавливаюсь в паре домов от постоянного двора. Орви хмурится. Но я торопливо поясняю: — Если меня случайно хватились, то уже наверняка караулят у двери или за порогом. И тогда мне очень влетит. Но если меня увидят в компании мужчины — влетит вдвое больше.

Орви нехотя, но соглашается.

— Ты... снова на войну? — спрашиваю я, боюсь услышать ответ.

— Нет, — недовольно морщит нос он. — Завтра вместе с отрядом отправляюсь в Роуг-Холл. Буду стеречь королевских невест.

Я что-то краем уха слышала об этой старой традиции, но не имею ни малейшего представления, как она происходит и где.

Но одной мысли о том, что мой Орви будет окружен первыми красотками королевства достаточно, чтобы мое только-только воспрянувшее духом настроение, тут же скисло.

— И это надолго? — с досады прикусываю кончик пальца, стараясь не представлять, какие они все красивые, в дорогих платьях, с идеально гладкими волосами и ароматными каплями на шее.

— На пару месяцев, если Его Величество король Эвин не влюбится сразу так сильно, что прикроет весь этот балаган через недельку-другую.

Судя по его недовольному тону, Орви охотнее бы снова отправился на поле боя, чем следил за тем, чтобы королевские невесты не повыдергали друг другу волосы.

Что ж, по крайней мере, он не будет рисковать жизнью.

— Я напишу отцу, — говорит Орви, когда приходит пора прощаться. — Он передаст весточку, когда привезет товары на обмен. Если успеешь — напиши хотя бы пару слов в ответ, чтобы я знал, что с тобой все в порядке.

Я быстро киваю, бросаю на него последний расстроенный взгляд и быстро, пока не разревелась, убегаю.

Странно, что здесь, когда до каменного двухэтажного здания, где мы обосновались на ночь, остается всего десятка два шагов, темно, словно в троллей пещере. Пытаюсь вспомнить, было ли так, когда я сбегала. Наверное, обратила бы внимание, раз это бросилось в глаза сейчас. А с другой стороны — я так спешила, что вообще не смотрела по сторонам.

Сбавляю шаг, как воришка, украдкой, пробираясь между каменными колоннами.

Остается совсем ничего, рукой подать.

Выдыхаю, мысленно радуясь, что не сбился мой самый сильный страх — на крыльце постоялого двора пусто, в окнах второго этажа — темно.

Значит, мое отсутствие осталось незамеченным, и нужно бы...

Моя мысль так и остается незаконченной, потому передо мной, словно призрак из могилы, возникает какая-то тень и, прежде чем успеваю позвать на помощь, накидывает мешок мне на голову.

Мой крик тонет в нем, словно в непроницаемой пустоте, а еще я понимаю, что не могу двигать ни руками, ни ногами. И мое тело парализовало до состояния деревянной марионетки, которые стоят в витрине Торгового дома сестре Шварцберг.

Который берут под руки и куда-то кладут.

Мне очень страшно, потому что тряпка у меня на голове глушит не только мои крики, но и все остальные звуки снаружи. Я как будто стала глухой, немой и слепой. И вдобавок — куклой.

Глава седьмая

Мне так страшно, что я даже начинаю подумывать над тем, что причина моего паралича и слепогухонемоты — не в странном мешке, а именно в страхе. Потому что, как бы я ни старалась справиться с паникой, она подступает к самому горлу и неприятно щекочет кончик языка.

Плачущий, сделай так, чтобы на этот раз я действительно просто спала. Ну что тебе стоит, если ты всегда помогаешь всем нуждающимся, а я, как-никак, твоя невеста.

В памяти некстати воскресает сперва признание Орви, после которого моя несчастная голова пошла кругом, а потом тот «гвардеец», от одной мысли о котором, кажется, даже сейчас сжимаются колени, хоть я не то, что ногами — пальцами пошевелить не могу.

Кажется, Плачущий решил преподать мне урок смирения.

Проходит немного времени, за которое я успеваю понять, что меня определенно куда-то несут. Как какой-то тюк ткани, не очень заботясь о том, чтобы ничего мне не сломать.

Потом вроде кладут на лошадь — во всяком случае, меня трясет посильнее, чем когда наша телега подскакивала на колдобинах на дороге.

И все это время я не могу даже кричать и звать на помощь.

Потом все внезапно затихает. Я пытаюсь думать хотя бы о чем-нибудь, чтобы убедиться, что вообще жива. Потому что после Смутных времени, смерть перестала быть мгновенной и окончательной.

Что ж, по крайней мере, я вполне могу вспомнить, что делала накануне и даже год назад, и легко проговариваю четверостишия из молитвенников. Правда, только в своей голове, потому что до сих пор не могу даже пискнуть.

Когда, наконец, с моей головы снимают мешок — точнее, это больше похоже на вуаль, которую держит в руке тощий мужчина в черном — я сразу понимаю несколько вещей.

Во-первых, я сижу в каком-то очень зловонном и сыром подвале, где было бы совсем темно, если бы не засаленная масляная лампа на бочке в углу — единственном предмете «мебели» в этих поросших мхом четырех стенах.

Во-вторых, кроме меня в ней находится еще двое. Один с вуалью в руке, другой, судя по бугру вместо носа, с двумя тонкими ноздрями-щелями — н'дарец. А они, как известно, большие любители употреблять в пищу все, что не принадлежит их расе и не создано их великим богом-пророком Гхаркулом. То есть ничего удивительного, что эта двухметровая в ширину и в длину человекоподобная тварь смотрит на меня как на ужин.

И третье. Моя рука снова начинает чесаться совсем как в ту ночь, когда на ней проявились странные символы.

— Что я вам...? — Хочу спросить «сделала», но человеческим мужчиной прикладывает палец к губам, намекая, что лучше бы мне помалкивать. И для убедительности как бы случайно отводит в сторону полу куртки, показывая рукоять кинжала.

Я очень боюсь.

Я так сильно боюсь, что начинаю жалеть о снятии паралича — по крайней мере, тогда я точно не так не тряслась.

Мужчина берет лампу, подходит ближе и подносит ее почти к самому моему носу. Резкий запах старого масла ударяет в ноздри, и я пытаюсь хоть как-то сдерживать жадные вздохи, чтобы мои легкие не обожгло изнутри.

Мужчина долго и пристально меня разглядывает.

Морщится, прищелкивает языком.

— Ты уверен, что это она? — спрашивает н'дарца.

— Переделась, но точно она, — на ломанном общем отвечает здоровяк.

На всякий случай отползаю подальше, практически срастаясь со стеной.

Кому какое дело, переделась я или нет?

Мужчина снова долго изучает мое лицо, и уже собирается что-то сказать, когда дверь за их

спинами с громким лязгом распаивается, и в узком каменной коморке становится практически нечем дышать, потому что внутрь протискивается еще один н'дарец, даже больше и противнее первого.

Не очень ласково, сбрасывает на пол свою ношу.

Это — женщина. Почему-то сразу обращаю внимание на ее торчащие из юбок пышного платья туфельки. Они не просто дорогие и изящные, они — лучшее, что я вообще когда-либо видела.

И ткань ее платья — пурпурная, даже издалека как будто соткана из самого тонкого шелка.

Н'дарцы решили устроить пир на весь мир? И, кажется, я даже знаю, кто у них на десерт.

Мужчина поворачивается так, чтобы лампа светила в лицо «новенькой». На ее лицо накинута такая же вуаль, что была и на моем. Он сдергивает ее... и стены наполняются пронзительным визгом.

— Проклятье, да заткните ее! — ругается мужчина, втягивая голову в плечи.

Один из увальней несильно встряхивает девушку за плечо. Она ударяется затылком о стену и мгновенно затихает.

Честно говоря, мне становится легче, потому что моя голова едва не лопнула от этого крика.

Мужчина присаживается на корточки, отводит волосы от ее лица и громко вспоминает Хаос и некоторые мужские части тела.

Потому что — даже странно, что я сама не сразу это заметила — мы с ней похожи как две капли воды.

— Ну и что это, кости Хаоса, означает? — злым шепотом спрашивает н'дарцев, поднимаясь в полный рост. — Вы кого мне притащили?!

Оба пересматриваются и пожимают плечами.

— Кто из них Матильда?

Я икаю, и он тут же цепляется в меня взглядом. Снова сунет лампу к носу, хватая второй рукой за подбородок и вертит мою голову, как будто я игрушечная, и целости моей шеи ничего не угрожает.

— Ты — Матильда? — спрашивает с противным прищуром.

Очень хочется сказать, что меня зовут Мария или Маргарита, или Мойра, но если все это — какое-то испытание Плачущего, то лучше бы не врать.

— Да, — говорю противным писклявым голосом.

— Кто тогда она? — кивает на лежащую без сознания девушку. — Твоя марионетка? Иллюзия?

Марионетка? Я ни разу не видела, чтобы оживленные куклы были настолько похожи на живого человека. Но, справедливости ради, я вообще мало что видела, потому что живу в монастыре на самой окраине королевства, и прогресс идет к нам черепашим ходом. Даже медленнее.

— Я не знаю, — говорю честно, надеясь, что Плачущий сжалится и закончит свои божественные причуды, чтобы показать своей невесте, как сильно она не права, мечтая вырваться из его веры.

Мужчина морщится, собирается что-то сказать, но в этот момент лежащая кулем девушка начинает шевелиться и слабо шепчет:

— Скажите им правду, госпожа.

Госпожа? Я? Какую такую правду я должна сказать?

Главный — так я мысленно называю мужчину в черном — снова поворачивается к ней. Точно так же, как и меня, хватая за лицо и придирчиво осматривает.

— Марионетка, значит... Хмм... — Он больше не кажется злым, наоборот, как будто доволен и не думает сомневаться в том, что теперь правда прямо у него на ладони. — Что ж, юная герцогиня Лу'На, — смотрит на меня через плечо, — если ты можешь позволить себе такие дорогие игрушки, то и за свою жизнь с радостью отдашь пятьдесят тысяч дублонов.

Пятьдесят тысяч?

Я даже близко не могу вообразить размер этой горы золота.

Но.

Погодите-ка.

Я никакая не герцогиня Лу'На!

Глава восьмая

Я собираюсь открыть рот и со всей ответственностью заявить, что все это — просто одна большая ошибка, но в этот момент у меня снова жжет в груди.

Один в один как было, когда Орви пытался меня поцеловать.

Только сейчас меня это не пугает, а даже радует, потому что, кажется, внезапный всплеск сама не знаю, чего — мой единственный способ хоть как-то выбраться наружу. Потому что у меня нет не то, что пятидесяти тысяч, но даже пару монет на дорогу, если я до утра не вернусь в гостиницу и сестры уедут без меня. Правда в таком случае, в монастырь лучше не возвращаться.

— Ты напишешь письмо. — Главный брезгливо и безразлично отпихивает девушку к стене и, подходя ко мне, нависает сверху уродливой вонючей тенью. — Скажешь, чтобы до завтрашнего заката твои няньки и мамки собрали всю сумму.

— Написать... кому? — с большой опаской спрашиваю я.

— Хватит притворяться, маленькая герцогиня, — неприятно скалится он, показывая местами очень шершавые зубы. — У меня шутки шутить никакого настроения нет. Вот получу золото — сразу подобрею и отпущу тебя к твоим куклам.

Я снова пытаюсь сказать, что он меня с кем-то путает — хотя догадываюсь с кем — но боль в груди становится настолько сильной, что у меня до немоты сводит гортань. Могу только мычать что-то невразумительное. Ему это не нравится: хмурится, качает головой, сквозь зубы шипит, чтобы прекратила.

Заносит руку.

Я с трудом прикрываю голову ослабевшими от страха и боли руками.

— Думаешь, я не знаю, какая ты крыса, маленькая герцогиня? — Вместо удара Главный с издевкой гладит меня по голове, но от прикосновения его пальцев так противно и мерзко, что уж лучше бы «вручил» оплеуху. — Так что давай без вот этого твоего бормотания: тебе дадут пергамент, ты напишешь под мою диктовку, и если завтра деньги будут там, где я скажу — твоя драгоценная жизнь будет в безопасности.

Я мотаю головой и случайно замечаю смотрящую на меня девушку.

Мурашки по коже — настолько сильно мы с ней одинаковые. Это словно смотреться в зеркало, на котором нет ни одного изъяна и трещины.

Она медленно мотает головой, поджимает губы.

Хочет, чтобы я молчала? Ну конечно, ей легко говорить, ведь это она, кажется, и есть та самая герцогиня, и пока меня принимают за нее, ее жизни точно ничего не угрожает. Кто станет ломать забавы ради такую красивую дорогую марионетку?

— Ну так что? — Главный хватает меня за подбородок и заставляет поднять лицо. Глаза у него мутные, противные. Хочется зажмуриться, лишь бы не видеть, но что-то подсказывает, что он будет не рад узнать, что на него противно смотреть. — Будешь славной маленькой герцогиней? Или я могу отправить вместо письма пару твоих отрубленных пальцев.

— Но я... — делаю слабую попытку казаться храброй, — не герцогиня...

— Шутить вздумала? — Его лицо вытягивается и покрывается белыми пятнами злости.

Он все-таки еще раз заносит руку и на этот раз я точно знаю, что удар будет для меня... очень болезненным.

— Моя госпожа... — слышу голос моего двойника, в котором раздражения больше, чем беспокойства.

Ну да, конечно, это ведь не она давала клятву никогда не врать своему суженому богу.

И это ведь не ее пальцы пообещали отправить в качестве доказательства.

В груди становится очень горячо, и на этот раз там как будто собирается огненный сгусток, который мне никак не удержать внутри. Это что-то очень горячее, злое, пульсирующее, как разрушение, если бы оно могло иметь физическую форму.

Я чувствую, как вся эта смесь растекается у меня под кожей и когда почти чувствую опускающийся мне на голову кулак, kloкочущая злость яркой вспышкой вырывается наружу.

На несколько мгновений мир заполняется ослепительным белым светом, внутри которого нет ничего, лишь пара корчащихся от боли теней.

Мне тяжело и очень страшно, но если я и дальше буду просто сидеть, то, возможно, мой Плачущий бог больше никогда не протянет мне руку помощи. Это ведь его работа: сперва не дал мне совершить грехопадение, теперь — бережет от нелюдей.

Я едва в состоянии ползти, но интуиция подсказывает, что время неумолимо иссякает.

Что-то ведет меня. Подсказывает направление.

Не в сторону двери, а наоборот — в глухую стену.

Может быть, я стукнусь лбом о сырой камень и это будет лучшим уроком тому, что нельзя врать своему святому?

Когда вспышка медленно тускнеет, становится отчетлива видна огромная рваная дыра в стене. Выглядит это словно кто-то поработал тараном. Места не так, чтобы много, но я точно протиснусь наружу.

На четвереньках, как мелкая испуганная собачонка, переползаю на обратную сторону, вдыхаю чистый свежий воздух и, не глядя, просто несусь со всех ног.

Потому что кто-то уже бежит по моим следам.

— Стой, дура! — слышу женский окрик. — Стооооой!

Я выскакиваю в узкий переулок, оттуда — на вымощенную камнем главную городскую улицу. Уже так поздно, ни в одном окне не горит свет, а фонари горят через один.

Выдыхаю, на минуту сбавив шаг, потому что понятия не имею, где нахожусь и куда идти.

Меня притащили сюда слепую и глухую, как новорожденного котенка и, может, это вообще... какое-то очень далекое место?

— Стой! — снова кричит мой двойник, выскакивая из переулка. Останавливается, прижимает ладонь к боку и жадными глотками хватает воздух. — Ты же не знаешь куда идти, верно?

Хотела бы я знать, можно ли ей довериться. Но, по крайней мере, в той темнице мы с ней были в одинаковом положении пленниц.

— Что тебе нужно? — Всплескиваю руками. — Они приняли меня за... тебя?

Девушка кивает и, наконец, распрямляется.

Это ведь целая настоящая герцогиня, Плачущий помоги! А я ей «тыкаю» и даже не поклонилась в ноги.

Она, как будто прочитав мои мысли, подходит ближе и говорит:

— Можешь не переживать, что не по этикету. Если бы не тот взрыв за стеной — мы обе стали бы «герцогинями».

— Взрыв за стеной? — переспрашиваю я.

Но ведь...

— Ты не слышала? — искренне удивляется герцогиня. — Этот урод все-таки успел тебя ударить, бедняжка.

Я стараюсь думать максимально быстро.

В ту ночь настоятельница Тамзина ничего не увидела на моей руке. Ожог на ладони Орви был настоящим, но на моих руках не было даже легкого покраснения.

И вот теперь получается, что это не я была причиной белой вспышки, благодаря которой мы смогли сбежать, хотя я абсолютно точно уверена, что это была моя работа. Но герцогиня почему-то думает иначе.

Значит... я в относительной безопасности?

Потому что, если правда всплывет наружу, за мной явятся те, кого упоминают лишь шепотом и кем пугают непослушных детей.

Вездесущую Инквизицию.

Чтоб им пусто было.

— Кажется, был какой-то грохот, — говорю уклончиво.

— Спасибо, что была готова прикинуться мной, — напоминает герцогиня, но тут же добавляет: — Пусть и не достаточно самоотверженно.

— Мне просто очень дороги все мои десять пальцев, Ваша Светлость.

Она как будто недовольна моим ответом, но выдает ее лишь слегка сморщенный нос.

— Где ты остановилась? — спрашивает, парой движений приводя в порядок платье и прическу.

— В «Тихой пристани».

— Тогда тебе придется поторопиться, потому что это на другом конце города. — Герцогиня быстро рассказывает мне дорогу, и я стараюсь мысленно «записать» каждый поворот. Потом она все-таки подходит ко мне почти вплоты и, заложив руки за спину, с минуту пристально изучает мое лицо. — Занятное совпадение, ты так не считаешь?

— Угу, — мычу в ответ.

На другом конце города, Плачущий помоги!

Если я не потороплюсь...

— И что, тебя тоже зовут Матильда?

Издаю еще один невразумительный звук.

Герцогиня прищелкивает языком и, даже не прощаясь, просто шагает в ночной туман за спиной.

А я со всех ног несусь в гостиницу.

Надеясь, что на этот раз без приключений.

Глава девятая

— Пятнадцать, Рэйвен? Бездна задери, ты, верно, шутишь?! Я назначил тебя распорядителем этого... боги мне свидетели... бардака, не для того, чтобы ты сократил список всего на пять претенденток.

Эвин, когда злится, напоминает мне его отца — короля Дарека. Тот любил заводить бурю из ничего, и чем меньше был повод мутить воду, тем больше распался Дарек. Иногда мог устроить истерику из настоящей ерунды. Например, торчащего из подушки кончика пера, об которое случайно поцарапал ухо.

— Энн Эр'Сп? — Короля пробивает на нервный смех. — Энн? Она, Бездна мне свидетель, дура!

Я жду, пока он выдохнет и, подавляя смех, меняю его формулировку на более подходящий формат:

— Прелесть, какая глупенькая, ты хотел сказать?

— Нет, — с каменным лицом повторяет Эвин. — Прелесть какие глупые — недельные щенки от моей любимой борзой суки, а Энн... Нет, Рэйвен.

— Ну нет так нет, — все-таки посмеиваюсь я. Потому что, если не обращать внимания на форму, Эвин глубоко прав по сути.

— Откуда здесь Мерра Оз? — продолжает он. — Ты не забыл, что ей уже почти двадцать пять?!

— А ты не забыл, что тебе почти пятьдесят?

— Тебе, кстати, тоже, — напоминает Эвин.

После сорока я начал понимать, что поговорка про груз прожитого, который висит за спиной и тянет к земле, придумана явно знающим человеком.

— В отличие от тебя, Величество, — похлопываю себя по крепкому мускулистому животу, — я в отличной форме. А вот ты непрослительно заплыл жиром... — Жду, когда Эвин удивленно приподнимет брови, и добавляю с уважением, почтением и ноткой дружеской иронии: — Жиром государственных дел, само собой.

Эвин делает вид, что как раз передумал подписывать мне смертный приговор, и снова возвращается к списку. Над которым я, кстати говоря, корпел несколько дней, оттачивая, подбирая, тщательно тасуя эту колоду невест, чтобы в итоге привести ее к идеальному виду. Насколько это вообще возможно, с учетом всех вводных.

И все равно среди девушек осталась парочка, связанных старой кровной враждой — вне всяких сомнений, они обязательно попытаются насолить друг другу. Есть парочка откровенно глупых, но при этом достаточно породистых. Есть одна откровенная приверженка движения «за равноправие» — на мой взгляд, еще большей ереси, чем демократия.

И, конечно, есть...

— Ты оставил Лу'Ну, — констатирует король, и швыряет пергамент в камин.

Да и Бездна с этой бумажкой, у меня таких еще много.

— Эвин, как бы мы оба к ней не относились, но из всех претенденток в списке, она... — Я щелкаю пальцами, пытаюсь подобрать подходящее слово. — Самый лакомый кусок.

«И самый опасный», — добавляю про себя.

Глава десятая

Король скрещивает руки на груди и какое-то время смотрит на догорающий пергамент.

Я бы сильно удивился, не вырази он свое негодование вот такие приступом раздражения. Даже рассчитывал на пару сломанных стульев, но годы, кажется, берут свое, и к пятидесяти мой король и друг стал рассудительнее и спокойнее.

Мы с ним — чуть ли не единственные долгожители в королевстве.

Правда, каждый по своей причине.

Династия Скай-Рингов берет свое начало от древней крови Первых, которые, если верить легендам, появились от того, что боги переодевались в смертные аватары и ходили по земле, обучая людей ремеслам, магии и опасному искусству алхимии. Легенды, конечно, сомнительный источник информации, но единственный доступный о тех временах, когда наши предки еще не очень владели грамотной и письменной речью.

Первые короли из Скай-Рингов, насколько мне известно, жили лет по триста-четыре лет, но с годами кровь стала жиже, долгожительство — скромнее. Отцу Эвина было за сто, но выглядел он едва ли старше нас обоих сейчас, и если бы не...

Я мысленно напоминаю себе, что эту тему лучше обходить стороной даже в мыслях.

В общем, Эвин в свои пятьдесят выглядит лет на двадцать и, если моя догадка верна, таким «юным» он останется лет до восьмидесяти.

У меня, увы, в роду нет ни богов, ни королей.

Только пара настойчивых и крепких засранцев с хорошо работающими мозгами и мускулами. И одно мое добровольное проклятье, которое двадцать лет назад остановило часы моей жизни.

— Кстати, забыл тебе сказать. — Голос Эвина возвращает меня в реальность, и судя по злобной ухмылке этого сукиного сына, сейчас он отыграется на мне и за Энн, и за «старушку» Мерру, и в особенности за Матильду. — Альберта была не очень довольна моим решением отдать бразды правления в твои руки.

— Неужели ты внял ее доводам и мне не придется быть лисой в курятнике? — Это была бы слишком прекрасная новость для сырого грязного дня за окном, но чем черт не шутит?

— Она прижала меня каким-то кодексом, где говорится, что в Королевском отборе невест Тайный совет обязан быть представлен своим представителем.

Я посмеиваюсь над получившейся чехардой.

Киваю, потому что прекрасно понимаю, о каком кодексе идет речь. То, что Черная вдова обязательно им воспользуется, было абсолютно ожидаемо. Она бы никогда не позволила Эвину лишиться себя глаз и ушей, потому что королевский брак — это не прихоть, а дело государственной важности.

Что в общем, абсолютно совпадает и с моим личным мнением.

Если бы короли женились на ком вздумается, в Артании давным-давно наступил бы хаос.

— Ну и чью кандидатуру она предложила?

— Маркизу Фредерику Виннистэр.

Знакомая фамилия, но явно недостаточно испачканная, чтобы я так сразу вспомнил, что это за фрукты. Маркиз почил пять лет назад, сражаясь за серебряные кордоны Артании. А его вдова отличилась тем, что вместо положенных трех лет траура носила вдовьи тряпки ровно тридцать дней.

Хммм...

Припоминаю, что волосы у нее темные и волнистые, глаза — синие, а губы — совершенно бесстыжие.

— Бездна задери! — хлопаю себя по коленям, от души хохоча. — Не припоминаю, чем таким отличился перед Альбертой, что она решила сделать мне такой королевский подарок.

— Маркиза будет распорядителем, — говорит Эвин, — на этом Тайный совет настоял единогласно.

Полагаю, вам с Фредерикой Виннистэр будет полезно встретиться и переговорить, прежде чем она отбудет в Черный сад и сделает все необходимые приготовления.

«Ну хоть в чем-то эти старые клячи оказались полезны», — мысленно ухмыляюсь, а вслух говорю:

— Отличные новости, Эвин! Признаться, меня слегка беспокоила перспектива заниматься раздачей носовых платков всем твоим невестам.

— В таком случае, может быть, прямо сейчас?

— Как будет угодно твоему королевскому Высочеству, — смиренно склоняю голову и, когда Эвин приказывает пригласить ожидающую аудиенции маркизу, нехотя покидаю насиженное теплое местечко в кресле у камина.

Глава одиннадцатая

Нужно отдать маркизе должное — она умеет появляться эффектно.

Когда гвардейцы распахивают перед ней дверь, вносится в зал ярко-красным, пахнущим розами ураганом.

Шаг четкий, спина — доской, грудь — весьма эффектная — вперед, в пикантном декольте модного нынче фасона «клюв цапли». То есть, еще немного — и, пожалуй, можно будет разглядеть пупок.

Ей около тридцати с небольшим и, если только мои глаза меня не обманывают — что случается крайне редко — она одна из тех женщин, которые активно снабжают индустрию красоты финансовыми вливаниями.

Откуда деньги, вдовушка?

Причем, судя по внушительному ожерелью с рубинами, деньги немалые.

Богатый любовник? Скорее всего.

Мысленно потираю ладони, предвкушая целую корзину грязного белья, которую не без удовольствия переверну сверху донизу, выживая все делишки этой мадам.

Я был бы не я, если бы позволил шпионке Тайного совета ходить по моей территории без ошейника. А богатый любовник у женщины ее возраста — это почти всегда чей-то муж.

Охо-хо, Альберта, игра еще не началась, а ты, кажется, уже проиграла.

Но, когда Фредерика исполняет перед королем идеально отточенный реверанс, я не без удовольствия опускаю взгляд в ее декольте.

Кожа, на мой вкус, у нее слишком смуглая — выдает не самую чистую кровь, скорее всего, мешанину из артанской, элийской и, возможно — даже скорее всего — горячей дорской.

Впрочем, и Бездна с ним, потому что в декольте есть на что поглазеть.

После всех положенных формальностей, маркиза поворачивается ко мне. Оценивает цепким взглядом, как жеребца для вязки, и исполняет еще один реверанс: не такой глубокий и не такой длинный.

Ну так и я не король.

— Герцог Нокс, — протягивает руку в тонкой паутине перчатки.

— Маркиза. — Сжимаю и легко касаюсь губами ее пальцев. — Только давайте без величания меня титулами. У меня от них одна только зубная боль. Я простой солдат и не знаю песен о любви.

— Где же, в таком случае, ваш мундир? — «делает глазки» она.

— Уверяю, маркиза, если бы я знал, что этот унылый день озарит счастье видеть вас, героически отвоевал бы его у моли. Ну, может, не весь, но перевязь с регалиями точно.

— Люблю скромных мужчин, герцог. — Она снова шарит по мне взглядом.

— Знаете, — я спокойно выдерживаю ее явно непраздный интерес, — какая досада, что я абсолютно не люблю скромных женщин.

Хотя, нет.

Лукавлю, пусть и самую малость.

Та милая монашка, чтоб ее Хаос взял, до сих пор торчит у меня в голове.

Даже сейчас.

Даже когда перед носом такое не оставляющее простора воображению декольте Фредерики Виннистэр, я думаю о том, думает ли она обо мне, предаваясь вечерним молитвам, и сжимает ли от этих мыслей свои невинные голые колени.

Гмм... Пожалуй, хорошо, что сегодня на мне длинная дорожная куртка.

— И так, кажется, конфликтов у нас не предвидится, — говорит Эвин, даже не скрывая издевку.

В тот день когда между Тайным советом и мной перестанут «предвидеться конфликты», посреди Артании развернется вулкан или Хаос вместе с Красным Принцем прорвет печати и нас всех ожидает очень скорая и очень неприятная смерть.

Не помню, чтобы мы когда-то заключали хотя бы видимость мира и сотрудничества. Впрочем, открыто никогда не желали друг другу провалиться.

— Могу ли я ознакомиться со списком претенденток? — Фредерика для вида, конечно же, смотрит на короля, хотя ее абсолютно точно уже ввели в курс дела, кто именно отвечал за подбор кандидатов.

Эвин кивает в мою сторону, и я достаю второй экземпляр. Знал же, что Эвин будет в гневе, и бедной бумажке, как гонцу с дурной вестью, достанется.

Маркиза разворачивает пергамент, быстро его изучает, пару раз то удивленно выгибая бровь, то зло усмехаясь. И даже изредка многозначительно поглядывает в мою сторону. Что я должен понять из этих взглядов? Что она что-то поняла? Так все открыто.

— Могу ли я высказать пару заме... — Она быстро спохватывается, пряча ошибку за почти правдоподобное покашливание. — Пару наблюдений?

Эвин немного нехотя, но кивает.

— Здесь всего пара принцесс, — очень осторожно, как будто этот намек вообще невозможно понять, высказывается маркиза.

— Артания достаточно сильное королевство, чтобы позволить себе обойтись без внешних союзников, — говорит король. — А вот укрепить ее изнутри пойдет на пользу.

Фредерике хватает ума принять его слова без лишних ремарок.

Возможно, в этот раз Черная вдова, наконец, подсуетилась, и нашла мне достойного соперника.

Я изо всех сил держу себя в руках, чтобы не выглядеть слишком довольным.

С самого начала я был уверен, что затея Эвина станет для меня либо скукой смертной, либо последней каплей, после которой я, наконец, оставлю службу, вернусь в своей разваленное родовое гнездо и проведу остаток дней у камина, в тепле, тишине и покое.

Но в свете таких перспектив — маркиза снова бросает на меня многозначительный голодный взгляд — есть еще и третий вариант.

Утереть нос Тайному совету, который, конечно же, уже выбрал свою кандидатку для Эвина.

Осталось выяснить, кого.

И сделать все, чтобы она ни в коем случае не получила руку короля.

— В таком случае, — Фредерика снова делает перед королем идеальный реверанс, — я немедленно отбываю в Черный сад и начинаю все приготовления к приезду девушек.

— Начинайте, начинайте, маркиза, — милостиво разрешает Эвин, и когда она уходит, тычет в мою сторону пальцем, словно я какой-то нашкодивший ребенок. — Рэйвен, я слишком хорошо знаю этот взгляд...

— Прости, но если уж ты заставляешь меня заниматься бабскими соплями и истериками, то имею я право на какие-то... привилегии! — делано возмущаюсь я. — И потом — ты же сам говорил про втоптаный сад.

Глава двенадцатая

Когда через пару дней после возвращения в монастырь, перед воротами появляется четверка всадников и начинается настоящий переполох, я почему-то сразу понимаю, что их появление как-то связано с той странной ночью, о которой я не рискнула рассказать даже Игрейн.

Когда подруга, запыхавшись, вбегает в обеденный зал, из которого только сбежали все послушницы, чтобы облепить маленькое окошко, через которое можно видеть внутренний двор, я с ужасом прижимаю к груди миску.

— Это посланники... Инквизиции? — спрашиваю шепотом, пока Игрейн переводит дыхание после быстрого бега. — Они за...

— Что? — Игрейн делает большие глаза, и я кое-как справляюсь с дрожащими руками. — Матильда, что у тебя в голове? С чего бы инквизиции приезжать в монастырь Плачущего?

— Может, нужна помощь... — отвечаю первое, что приходит на ум.

— Они ищут тебя! — в лоб выдает подруга, и я все-таки роняю на пол глиняную миску. Игрейн смотрит сначала на разлетевшиеся в стороны черепки, потом на меня. — Да что с тобой? Который день бледная. Девичья хворь?

Я густо краснею и, перехватив передник, присаживаюсь на корточки, чтобы убрать с пола.

— Плачущий, дай мне терпения, Тиль, ты что — оглохла? Всадники приехали за тобой!

Она хватает меня за плечи, тянет, вынуждая подняться и уже за руку волочет в сторону двери, а оттуда — к лестнице.

— Настоятельница Тамзина велела немедленно найти тебя и привести.

Плачущий, что теперь будет?

Возможно, юная герцогиня все-таки что-то вспомнила что на самом деле произошло то й ночью? Но почему тогда не отправила весть Инквизиции, как положено сделать любому добропорядочному артанцу?

Или, может, она хочет наградить меня за помощь?

Пока меня терзают сомнения, Игрейн уже вовсю волочет меня по широкому коридору, прямо до главного входа. Тамзина стоит на крыльце и о чем-то негромко разговаривает с высоким мужчиной в кольчуге и дорогом плаще.

— Матильда, — настоятельница замечает меня и протягивает руку. — Это капитан охраны герцогини Лу'Ны. Она зачем-то желает видеть тебя.

Капитан смотрит в мою сторону не моргая несколько долгих мгновений, после откашливается в кулак и говорит, что его госпожа не любит ждать и дело, по которому она пожелала увидеться со мной лично, не терпит даже минутного промедления.

— Ты ничего не хочешь мне сказать, дитя? — пытливо спрашивает Тамзина.

Сказать я могу много чего, но абсолютно точно — не хочу.

Потому что встреча с герцогиней еще неизвестно чем обернется, а если настоятельница узнает, что я всю ночь бродила по городу в мирской одежде, встречалась с мужчиной, попала в руки к разбойникам и после не раскаялась во всем этом на исповеди — меня запрут в келье до конца дней.

Поэтому, вместо ответа, я мысленно прошу Плачущего простить меня хотя бы из сострадания и милосердия, которое он продолжает нести через слово своей веры, и отрицательно качаю головой.

— В таком случае, Матильда, надеюсь, ты не забудешь все, чему тебя учили. — Тамзина определенно недовольна. — Но, дитя, когда ты вернешься, нам будет о чем поговорить.

Капитан делает знак одному из всадников, и тот достает что-то из седельной сумки. Какой-то прямоугольный предмет. Что-то делает с ним, раздается щелчок — и этот маленький предмет стремительно увеличивается в размерах, превращаясь в призрачную каменную арку. По ту сторону зыбкой ряби внутри нее, виден пейзаж — каменная дорожка, красивый осенний сад и замок где-то вдалеке.

Я непроизвольно с шумом выдыхаю, потому что впервые своими глазами вижу Аспект в действии.

— Прошу, юная леди, — капитан услужливо пропускает меня вперед, предлагая двигаться вслед за всадником, который первым заводит коня в арку — и исчезает.

— Это безопасно? — глупо беспокоюсь я.

Капитан одаривает меня насмешливым взглядом и всем видом дает понять, что лучше мне поживее переставлять ноги.

Прежде чем зайти в портал, я оглядываюсь и вижу перепуганное лицо Игрейн.

Я почти ничего не чувствую, когда прикасаюсь к зыбкой, покрытой рябью глади. Только легкое покалывание на коже, как будто обожглась крапивой сразу вся.

Пара шагов — и привычный мне унылый пейзаж монастырской округи меняется на красивый ухоженный сад с фонтанами и посыпанными песком дорожками. Я никогда в жизни не видела ничего настолько красивого и захватывающего дух. Хочется остановиться и просто любоваться тем, как красиво опадают резные кленовые листья, как в огромной, как беседка, клетке, поют заморские птицы с длинными ажурными хвостами.

Но капитан уже без стеснения подталкивает меня в спину, заставляя чуть ли не бежать вприпрыжку в сторону центральной аллеи, которая приводит нас в маленькую оранжерею, где сладко пахнет цветами.

Их, стоящая неподалеку девушка, осторожно срезает маленькими содовыми ножницами, и складывает в горку на каменный столик.

На ней простое, без изысков, домашнее платье, но оно сшито из дорогой тонкой шерсти — уж я точно в этом разбираюсь — и камень на бархатной ленте у нее на шее, стоит наверняка как целая деревня вместе с жителями, скотом и домашними любимцами.

— Ваша светлость, — из-за моей спины подает голос капитан. — Я привез девушку.

Хозяйка поднимает голову, окидывает меня взглядом.

Это точно она — та незнакомка, вместе с которой мы сидели в плену у разбойников.

И она все так же совершенно загадочным образом похожа на меня словно мы сестры-близнецы.

— Благодарю, капитан, можете идти.

Он уходит, но на всякий случай говорит, что будет ждать снаружи.

Ну да, я ведь не беззащитная перепуганная монашка, которая понятия не имеет, как и куда попала, а целый горный тролль.

— Матильда. Да? — не поворачивая головы, переспрашивает герцогиня.

— Так меня назвали сестры в монастыре, — честно отвечаю я.

— Ты — сирота? Совсем не знала родителей?

— Нет. Меня оставили на пороге монастыря.

— Какая печальная участь. — Герцогиня кладет в букет последний цветок и, подравняв шипастые кончики, ставит его в красивую вазу с двумя большими ручками. — Моя мать была чудесной женщиной, но умерла родами и воспитание маленькой девчонки досталось отцу. Он очень меня любил.

— Любил? — осторожно переспрашиваю я.

— Один плохой человек убил его, — почему-то пристально глядя на меня, отвечает герцогиня.

Как будто это могла быть я.

— Извини, что напугала, — спохватывается девушка. Вручает мне букет и, приобняв за плечи, говорит: — Ты будешь отличной королевской невестой. Никто даже разницы не заметит!

Королевской... что?!

Глава тринадцатая

Пока я пытаюсь понять, что вообще происходит, герцогиня выводит меня из оранжереи и ведет в сторону большого каменного фонтана, в котором плавают листья и суетятся золотые рыбки. Я не знаю, что тут за магия, но, когда она опускает руку в воду, они тут же подплывают и начинают юркать у нее между пальцами.

— Ты же тоже заметила, как мы похожи, — говорит герцогиня, и подмигивает. — Настолько, что если тебя одеть в мое платье, сделать такую же прическу — никто не отличит нас друг от друга.

— Я — монашка, — на всякий случай, если вдруг она об этом забыла, напоминаю я.

— Но ведь ты еще послушница?

— Да, но...

— Значит, никаких клятв, которые пришлось бы нарушить, своему богу еще не давала. Кроме того. — Тут Матильда делает печальное лицо, и это все равно, что смотреть на себя в зеркало в один из тех моментов, когда меня внезапно посещало осознание того, что я проведу в монастырских стенах всю свою жизнь. — Твой Плачущий бог учит помогать тем, кто нуждается в помощи, и ты... ничем не прогневишь его, если поможешь одной попавшей в затруднительную ситуацию герцогиню.

— Но я — не герцогиня! — меня начинает бить мелкая дрожь.

Конечно, как и у любой девушки, у меня были мечты о том, чтобы однажды вдруг узнать, что я — не просто подкидыш, а украденная дочь хорошей семьи, и что мои родители, который искали меня по всему свету, однажды приехали в монастырь, нашли, узнали, обняли и забрали домой.

Но стать герцогиней, пусть и фальшивой — это мне даже в самом странно сне не могло присниться.

— Послушай, Матильда, — девушка берет меня за руки, легонько сжимает, и я чувствую себя очень странно, как будто, чтобы я не сказала в свою защиту — все уже решено. Не здесь и не нами. И мне лучше положится на волю судьбы и плыть по течению. Но ведь это... — Вчера я получила официальное приглашение принять участие в королевском отборе невест.

Отбор невест?

Это что за народное развлечение?

— Боги, ты... не знаешь? — Герцогиня прикрывает рот рукой, прячу улыбку и тут же кратко рассказывает, что к чему: — Самые красивые, именитые и подходящие девушки королевства будут доказывать нашему королю, что достойны стать его женой и матерью будущего наследника. Это что-то вроде... игры в стулья на ярмарках.

Неуверенно киваю.

— И когда девушка получает такое приглашение, она не имеет права от него отказаться. Иначе это будет воспринято нанесением Его Величеству непрямого оскорбления, и пострадает не только она, но и вся ее семья.

— Их всех казнят?

— Что? Нет! — Герцогиня снова смеется и тут же, озираясь по сторонам, как нас могут подслушать даже в огромном и совершенно пустом саду. — Но, поверь, у короля достаточно способов сделать так, чтобы обидчики до конца своих дней жалели о том, что не приняли приглашение.

Она делает такой выразительный взгляд, что я просто верю на слово — королевская немилость может быть очень жестокой.

Но! При чем тут я?!

— Я никак не могу отказаться от приглашения, — печалится герцогиня. — Есть причины и обязанности, которые требуют моего немедленного... участия. Это заботы, которые свалились на меня после смерти отца. Уже пять лет прошло, а я до сих пор еще так беспомощна перед миром всемогущих мужчин, которые думают, что удел женщины — рожать детей. Мне нужна пара недель, чтобы... разобраться со всем этим, — она делает пространственный жест. — И через пару недель мы с тобой незаметно поменяемся обратно. Ничего сложного. Все равно вначале будет такая неразбериха...

Но ведь я еще не дала согласия!

Герцогиня тем временем встает и начинает расхаживать передо мной, совсем не беспокоясь, что длинный подол ее дорогого платья уже весь в пыли. Наверное, у нее таких платьев — пруд пруди. А я бы полжизни отдала хотя бы за одно такое. Даже если бы надевала его только в темноте, в одинокой келье. Чтобы просто посмотреть на себя в зеркало. И чтобы оттуда на меня смотрела не монахиня в платке и сером одеянии, а красивая, как герцогиня, девушка.

— Ты — послушница, значит, получила хорошее образование, — рассуждает она, изредка поглядывая в мою сторону, как будто у меня на лбу написано, что именно я умею. — Знаешь математику, историю, философию?

Киваю, потому что даже строгая настоятельница Тамзина всегда хвалила мой пылкий и острый ум, и тягу к знаниям. Книги из монастырской библиотеки я зачитала до дыр.

— Языки? Элийский, дорсий? — Еще один, теперь уже требовательный взгляд.

— И еще саашский и фармский, — добавляю, немного краснея.

— География? Астрология? Наш король любит умных женщин.

Странно, что это должно звучать как комплимент, но герцогиня как-то очень уж брезгливо морщит нос.

— Придворный этикет? Танцы? Игра на музыкальных инструментах?

Она снова смотрит на меня, вздыхает.

Ответ очевиден — монахине незачем знать науки леди из высшего света.

Поэтому, стоит мне подумать о танцах или, Плачущий убереги, о пении, как в животе сворачивается ледяная змея ужаса.

Я решительно встаю, собираюсь с силами, чтобы сказать, что эта затея — пустая и даже небезопасная.

Но герцогиня успевает быстрее.

Вдруг порывисто обнимает меня, словно родную сестру и срывающимся от плача голосом, шепчет на ухо.

— Я так люблю его. Нашего короля. Он такой... такой... Я не могу упустить шанс быть так близко к нему! Я никогда бы не простила себе этого! Но мой замок и земли — все, что осталось от отца. И я... не хочу выбирать. Понимаешь?

Наверное, если бы у меня были родители и если бы мне пришлось выбирать между ними и возможностью быть рядом с любимым человеком, я бы тоже не смогла выбрать.

— Тебе нужно будет притвориться мной всего на каких-нибудь пару недель! — как будто чувствуя, что я близка к согласию, начинает жарко убеждать герцогиня. — На выходные девушек будут отпускать домой, чтобы они могли отдохнуть и прийти в себя. Ты приедешь сюда, в Горностаевый приют, и мы просто поменяемся местами. А взамен... — Она снова смотрит на меня так, будто читает в душе. — Я позволю тебе занять небольшой загородный дом и дам столько денег, что ты сможешь быть свободной. Без монастырских стен.

Свобода.

Возможность жить так, как захочется.

Возможность ходить по улицам и не прятать взгляд.

В груди противно щиплет.

Это, конечно же, совесть, ведь ради всего этого, мне придется пойти на обман, причем самый некрасивый из всех возможных.

— Только, — тут же добавляет герцогиня, — есть одно маленькое, но очень важное условие. Раз в неделю король будет избавляться от тех, кто ему не подходит. Или чаще. И, возможно, даже сразу нескольких девушек. Ты должна во что бы то ни стало остаться, поняла? Продержаться эти две недели. Обязательно.

Я даже кивнуть не успеваю, как она уже уверенно трясет мои руки, припевая, что у нас в запасе всего неделя, а мне еще многому предстоит научиться.

Глава четырнадцатая

Когда через неделю в Горностаевый приют приезжает отряд гвардейцев, я стою перед ступеньками замка, разодетая в красивое платье и туфли, причесанная, накрашенная, как боевой кролик — и дрожу, словно осинový лист.

По правую руку и чуть в стороне держится капитан, который приезжал забирать меня из монастыря. Бросает косые взгляды куда-то мне под ноги и единственное, что я испытываю от его близости — желание отодвинуться еще дальше. Желательно на другой конец мира.

Рядом, переодетая в компаньонку и с вдовьей вуалью на лице, стоит герцогиня.

— Перестань трястись, — шипит в мою сторону, когда я изо всех сил цепляюсь пальцами в платье, чтобы хоть как-то удержать себя на месте. — Ты — герцогиня Лу'На. Ты — единственная наследница огромного состояния, у тебя самая чистая кровь в Артании, ты богата, независима и красива. И если король и должен выбрать кого на этом отборе — то только тебя.

— Я не смогу, — еле-еле выдавливаю из себя сквозь сжатые зубы.

— Тебе придется, Матильда, потому что иначе остаток дней ты проведешь в монастыре. Помнишь, о чем я говорила?

И хотела бы забыть, да вряд ли смогу.

Сглатываю панику и заталкиваю подальше тот наш вчерашний разговор, после которого я поняла, что у моего плачущего бога очень жестокое чувство справедливости.

— Две недели, Матильда, — напоминает герцогиня. На мгновение придвигается, подавая платок, который я не просила, и совсем шепотом: — Всего две недели — и ты получишь свободу. Испортишь все — и будешь до конца своих дней гнить в монастыре. Или, если тебя раскроют, можешь даже лишиться головы. Не забывай об этом, когда будешь смотреть на короля.

Она быстро отпугает назад, потому что главный в отряде гвардейцев, уже почти рядом, и я даже слышу его взволнованное покашливание. Явно прочищает горло прежде чем обратиться к высокородной даме.

Я прикрываю глаза, напоминая себе, что у меня просто нет входа.

По крайней мере сейчас, пока с одной стороны меня караулит цепной пес герцогини, а с другой стороны — она сама.

Но, когда я мысленно еще раз прокручиваю в голове, как и когда следует протягивать руку для поцелуя, взгляд случайно падает на лицо гвардейца, как раз, когда он подходит, преклоняет колени и послушно ждет, пока я исполню все «ритуалы приличия».

Это. Просто. Невозможно.

Потому что этот молодой рослый и стройный красавец — мой Орви.

Мой милый замечательный Орви, который... очень неловко прячет за спину перебинтованную обожженную ладонь.

Мой первый импульс — броситься к нему, крепко обнять и еще тысячу раз попросить прощения за тот вечер, метку которого он до сих пор носит на своей обожженной ладони.

И я даже тянусь навстречу, вообще забывая, что сейчас на мне другая маска и другая роль.

— Ваша Светлость, — тихим, но напряженным голосом говорит мне в спину герцогиня.

Я словно просыпаюсь и с трудом заталкиваю обратно свои романтические душевные порывы.

Герцогиня Лу'На предназначена в жены королю, и не должна опускаться до разговора с простыми безродными гвардейцами.

Плачущий, и вот это твоя кара?

Я медленно протягиваю руку и Орви едва-едва прикасается к ней губами через перчатку.

Поднимается, делает чеканный шаг назад.

— Лейтенант Орвил Дарси.

С поклоном протягивает охранную грамоту с оттиском короны и герба на красном сургучном кругляше.

Я разламываю ее, разворачиваю пергамент, пробегаю глазами по строкам. Это письмо о том, что податель его уполномочен сопроводить выбранную для королевского отбора невест герцогини Матильду Лу'Ну в столицу Артании — Линден.

— Благодарю, лейтенант, — сдержанно произношу я.

Орви неожиданно как-то резко поднимает голову, хоть все это время смиренно, уважительно и, как того предписывают правила, держал взгляд вниз.

Когда смотрит мне в лицо, его глаза округляются, а рот медленно приоткрывается в невысказанном, но легко угадываемом вопросе.

Еле-еле усмиренная дрожь снова дает о себе знать и, чтобы не выдать себя предательскими эмоциями, снова и снова, как дрессированная ручная зверушка, вспоминаю все предупреждения герцогини.

Конечно, если друг этот фар раскроется, ей, единственной наследнице огромного состояния и приличного куска земель, грозит максимум отлучение от дворца. А вот сироте, за которую некому заступиться, как бы и правда не пришлось попрощаться с жизнью.

«Прости, Орви!» — мысленно кричу от сожаления, а вслух, контролируя каждый звук и тембр голоса, сдержанно интересуюсь:

— Что-то не так, лейтенант?

Он еще несколько долгих мгновений, забыв о вежливости и социальном статусе, пристально вглядывается в мое лицо. Как будто и вопрос не слышал.

А вот я прекрасно слышу как капитан герцогини уже вышагивает вперед, становясь так, чтобы своим плечом «врезаться» в узкий промежуток между мной и Орви, и повторяет мой вопрос:

— Что-то не так?

Его грубый голос отрезвляет Орви и заставляет меня непроизвольно поежиться, вспоминая...

Нет, Плачущий, я не буду это вспоминать!

— Прошу прощения, Ваша светлость! — Орви порывисто опускается на одно колено, смиренно склоняет голову. — Просто... Простите мою дерзость, о вашей красоте... говорят.

— Знай свое место, гвардеец, — рыкает капитан.

Орви послушно ждет моего разрешения подняться с колен, и я даю его сдержанным взмахом платка.

— Лейтенант, — проглатываю удручающе сильный приступ стыда, — я сделала все необходимые приготовления и готова отправляться вместе с вами.

Он поднимается, кивает кому-то из своих людей, и я снова вижу, как маленькая прямоугольная дощечка с руной Ордо — второй руной Аспекта — в считанные мгновения становится аркой-порталом, по ту сторону которого виден красивый огромный каменный город, наводненный красивыми дорогами экипажами, разодетыми леди и даже самоходными повозками, которые называются «автомобили».

Еще неделю назад я даже не знала, что повозки могут двигаться не на лошадиной тяге, а на Аспекте Потенция, запечатанном в сложный элийский механизм.

Но неделю назад я и не собиралась выдавать себя за королевскую невесту.

Глава пятнадцатая

— Никогда этого не делали, Ваша Светлость? — осторожно, все так же не поднимая взгляд, интересуется Орви, когда я медлю перед зыбкой рябью внутри порталной арки. — Могу я... чем-то помочь?

Он медлит, но все-таки услужливо протягивает перевязанную ладонь, предлагая взять его за руку, чтобы сделать этот шаг.

Мне, конечно, ни в коем случае нельзя выдавать кто я на самом деле, и даже общаться с Орви я должна исключительно с высокомерной позиции потомственной леди самых чистых благородных кровей. Но... когда я вкладываю свои пальцы в его ладонь, и он слегка их сжимает, это придает уверенности для того первого шага, который я делаю на пути двухнедельного кошмара под названием: «Игра в герцогиню».

После уже знакомого покалывания под кожей и неприятного, но терпимого зуда в затылке, первое, что я остро ощущаю, оказавшись по ту сторону портала — запах.

Он... острый, горький и от него сразу першит в горле.

Я непроизвольно закашливаюсь.

— Это запах столицы, Ваша Светлость, — успокаивает Орви.

Пока пытаюсь прийти в себя, он спешит к ближайшему фонтанчику с водой, обильно смачивает носовой платок и, с почтением поклоном, протягивает его мне.

— Благодарю, — еле-еле справляясь с кашлем, отвечаю я и прикладываю платок к губам и носу.

Ненамного, но это облегчает дыхание.

— Лейтенант, — я пытаюсь вернуть платок, но Орви мотает головой и, краснея, говорит, что это честь для него — быть хоть чем-то полезным благородной леди.

Еще немного — и я начну злиться на него за то, что он заикается и подрагивает, словно влюбленный юноша. Потому что, даже если это я — видит-то он не меня, а вот эту разодетую, расфуфыренную и обильно надушенную копию герцогини Лу'На.

Чтобы как-то отвлечься, смотрю по сторонам в поисках экипажа.

— У меня есть указания куратора королевского отбора, — снова вкрадчиво говорит Орви. — Всем невестам следует добираться до замка... пешком.

Я пожимаю плечами — эка невидаль.

Помнится, однажды у нас сломалась телега и мы с Игрейн полдня шли пешком, груженные мешками с посудой. После такого испытания, прогулка по столице — одно удовольствие. Особенно для провинциалки из монастыря, для которой абсолютно все — в диковинку.

Так что, просто подбираю юбки и, стараясь лавировать между лужами и навозными кучами, иду вперед, взглядом давая понять Орви, что лучше бы ему идти первым, чтобы я не заблудилась.

Он быстро занимает свое место по правую руку от меня и подстраивается од мой шаг.

Мы проходим мимо магазина марионеток, и я невольно замираю, разглядывая «ожившую» куклу. Она, конечно, не настолько похожа на человека, чтобы не видеть разницы, но работа настолько тонкая, что я невольно протягиваю руку, прикасаясь пальцами к стеклу витрины. Марионетка с той стороны изображает почти безупречное удивление, присаживается на корточки и стучит по стеклу ногтем, то улыбаясь, то хмурясь.

Дальше, минуя пару кварталов, где гарью воняет особенно сильно, мы выходим на широкую оживленную улицу, где людей больше, чем я видела на ярмарке. Гвардейцы сразу берут меня в кольцо и Орви командует им ускориться.

Поэтому, как бы я ни старалась увидеть еще хоть что-то, спины и плечи моих рослых охранников закрывают абсолютно все.

Что ж, по крайней мере, в королевский замок мы прибываем не самыми последними.

Я понимаю это, когда во внутреннем дворе, куда мы заходим после подъема по двум гигантским лестницам, уже слышны недовольные женские голоса.

— Ваша Светлость, — Орви в который раз склоняет голову, распахивая передо мной красивую калитку, украшенную гербом королевской семьи в окружении венков из колючих лилий. — Надеюсь, прогулка вас не очень утомила?

— Напротив — взбодрила, — стараясь не выходить из роли отвечаю я.

Он улыбается... и через мгновение внутренний двор озаряется громки и недовольным женским голосом:

— Тому умнику, который придумал заставлять первых девушек королевства идти пешком по всему этому болоту, я лично бы сказала, что он... он...!

Другие девушки во дворе поворачивают головы в сторону недовольной кандидатки.

Кажется, она выглядит старше остальных, и еще выше почти на целую голову. У нее платиновые волосы, зачесанные в высокую прическу под черной каменной короной, которая выглядит как аксессуар, скорее подходящий королю-скелету, чем молодой женщине.

Девушки за ее спиной — одна темноволосая, с прической, которая, как она ни пытается, не скрывает ее заметно оттопыренные уши, и другая — огненно-рыжая, бледная и с мутным рыбьим взглядом. Они обмениваются парой слов и по очереди хихикают.

Недовольная «королева» выразительно втягивает воздух через ноздри, поглаживает затянутый в корсет живот и медленно выдыхает через рот. И так пару раз, пока ее раскрасневшееся от злости лицо не становится приемлемого румяного цвета.

— Я хотела сказать, что прогулка по столице была весьма... занятой, — говорит она с таким видом, словно с самого начала именно это и собиралась сказать.

— Говорят, это выдумка куратора, — громким шепотом, как будто по секрету, но чтобы слышали все, говорит шатенка с красивыми пухлыми губами и широко распахнутыми глазами. У нее на голове ободок с украшением в виде маленькой, но очень точной копией трехмачтового парусника.

— Наш куратор — мужчина, — дополняет темноволосая, с яркими, как будто подсвеченными изнутри голубыми глазами.

— Но это запрещено! — возмущается хрупкая тонкая как молодая веточка блондинка.

Не знаю, сколько ей лет, но выглядит еще ребенком. И она среди нас всех — самая маленькая. Я даже стараюсь попятиться, чтобы ненароком не повредить это чудо матери-природы даже неосторожным выдохом в ее сторону.

— Королю виднее, — с деловитым видом выдает невеста с оттопыренными ушами. — Все читали пергамент? Там написано, что Его Величество король Эвин Скай-Ринг оставляет за собой право в любой момент и по своему усмотрению изменять те правила, которые относят к категории «вторичных». Пол куратора вообще нигде не значится условием: ни главным, ни вторичным.

Сразу видно, кто тут основательно подготовился и прочитал все правила, уставы и хроники других отборов — я тоже пыталась во все это вникнуть, но герцогиня буквально силой оторвала меня от этого, всучив здоровенную книгу о геральдике и истории всех дворянских родов Артании.

— Матильда, — окрикивает меня девушка с лицом-сердечком, в роскошной и какой-то очень громоздкой на вид шляпе с пышными перьями. — Как ты, бедняжка?

Прежде чем я успеваю что-то сказать, она стремительно налетает на меня и чуть не душит в объятиях, скороговоркой тараторя слова утешения.

— Все это так ужасно — быть дочерью человека, предавшего корону! Бедняжка, даже не представляю, как ты все это пережила!

Предавшего корону?

Я готова поспорить, что несмотря на то, что герцогиня чем только не пичкала мою голову в последние дни, я бы точно запомнила, если бы она сказала, кем был ее отец.

Теперь понятно, почему все остальные косятся на меня, словно на прокаженную.

— Я вообще не понимаю, чью блестящую голову посетила идея подсунуть королю в невесты это... чудовище, — фыркает кто-то из этой пестрой разодетой толпы. — Ее голова будет лучше смотреться на плахе, а не под короной королевы!

— Не слушай их, — шепчет обнимающая меня девушка. — Они просто завидуют, что ты богаче их

всех. Мой отец всегда говорит, что умный мужчина между красивой и не красивой выберет красивую, но между красивой и богатой — только богатую. А ты у нас, — она отодвигается, с какой-то материнской потешностью треплет меня за щеку, — и милая, и богатая.

— Я не останусь с... этой... — Рыжая морщит свой крохотный приплюснутый нос. — Кто будет следить за тем, чтобы дочь предателя короны не начала расправляться с конкурентками методами своего гнилого... папаши?!

Мне хочется сказать, что осуждать то, что прощено — это такой же страшный грех, как и посягать на жизнь своего короля, но, к счастью, я не успеваю этого сделать (вряд ли герцогине положено так хорошо знать догматы, которые изучают лишь послушницы).

Мои нароченные слова тонут низким, спокойным и как будто простуженном голосе.

Таким знакомом, что колени под несколькими слоями юбок, в мгновение ока приклеиваются друг к другу.

Глава шестнадцатая

Я уже слышала этот голос.

И, Плачущий мне свидетель, тысячу раз молилась перед сном, чтобы он навсегда испарился из моих головы и воспоминаний.

Но вот же он... Прямо здесь, почти что рядом и...

— Баронесса, полагаю, я просто обязан дать ответ на ваш вопрос, — говорит мужчина, по широкой лестниц спускаясь к нам тяжелой уверенной поступью. — Раз уж Его Величество король Эвин Скай-Ринг отчего-то решил наградить меня счастьем провести ближайшие несколько недель в таком... гммм... уточненном обществе.

Я уговариваю себя даже не смотреть в его сторону, но взгляд тянется к нему, словно привязанный.

От попыток пересилить себя и не поддаваться, начинает болеть шея.

Но это все равно бессмысленно, потому что я уже смотрю на этого человека, и ловлю себя на греховной мысли, что он был очень красив в мундире простого гвардейца, но в потертых кожаных штанах, плотно обтягивающих его ноги, кожаной куртке, небрежно брошенной на белоснежную сорочку и высоких тяжелых ботинках, «братец» просто... слишком...

— Это что — Рэйвен Нокс?! — Девушка с пухлыми губами тут же пятится подальше, пытаюсь найти убежище за спинами остальных.

— Этого не может быть! — шипят «Оттопыренные уши».

— Будет... определенно необычно, — иронично выгибает бровь рослая красавица в каменной короне.

Все они тут же, без подсказки и команды, выстраиваются в ряд, и я с трудом успеваю пристроиться в самом конце этой ленты, исполняя реверанс настолько ужасно, что кажется, даже когда я вообще не умела их делать, у меня и тоже получилось бы лучше.

Рэйвен Нокс.

И никакой он не «братец» и точно не гвардеец. Вряд ли король назначил бы куратором такого важного дела военного человека, далекого от интриг и долгосрочного планирования.

— Баронесса Вустер, — мужчина останавливается напротив рыжей, которая стоит почти в самом начале шеренги. — Возвращаясь к вашей обеспокоенности, начну, пожалуй, с того, что не считаю ее ни разумной, и хотя бы... имеющей право на жизнь.

Кто-то из нас — пятнадцати, если я верно посчитала — начинает хлюпать носом и плакать, да и на рыжей лица нет.

Но мужчина, заложив руки за спину, продолжает моральную порку (иначе это никак и не назвать):

— Дело в том, баронесса, что, ставя под сомнение вопрос безопасности, вы, тем самым, ставите под сомнение способность Его Величества обеспечить порядок в любом уголке Артании, будь то его замок или хлев в деревушке у Песчаного хребта. Желаете сравнить? — Он многозначительно приподнимает бровь.

— Нет, нет, — торопливо извиняется рыжая. — Прошу простить мне мои необдуманные слова!

Он вздыхает.

Ленивым кивком заталкивает обратно в строй и идет дальше.

Шаг за шагом, для каждой из нас находя милый комплимент или животрепещущий вопрос.

Но, стоит Ноксу поравняться со мной, как девушки справа от меня одновременно двигаются назад.

Он меня узнает?!

Паника бьет крупной дрожью, когда мужчина подходит так близко, что между нами не протиснуть и ладонь.

— Герцогиня Лу'На, — подчеркнуто холодно и нарочито жестко. — Рад, что вы, несмотря ни на что, нашли в себе силы принять королевское приглашение. Без вас этот отбор, безусловно, не стал бы полным и идеально сбалансированным. А теперь осчастливьте меня своим ясным взглядом. Не

настолько уж я изуродован вашим отцом, чтобы мой вид вселял ужас в трепетные девичьи сердца.

Изуродован? Он — изуродован?!

Отцом герцогини?!

Я вскидываю голову скорее от удивления, чем боясь осушаться непрямого приказа.

Наши взгляды скрещиваются.

Плачущий помощи, он меня узнал?

У него очень темные глаза. В прошлый раз, когда на нас то и дело косилась и сестра Фьёрда, и наставница, я толком почти не смогла разглядеть их цвет. А сейчас, когда он еще и нарочно наклоняется ко мне поближе, ни капли не смущаясь, что с его громадным ростом для этого придется трудить спину, могу различить все оттенки этого подозрительного и явно недружелюбного прищура.

Только нет там никаких оттенков. Одна лишь глубокая непроглядная чернота в обрамлении длинных густых ресницы.

Рэйвен прищуривается еще сильнее, когда я невольно отклоняюсь назад, чтобы удержать хотя бы видимость расстояния между нами.

— Хммм... — как-то многозначительно тянет он. — Когда мы виделись в прошлый раз, герцогиня, вам было шестнадцать, если память мне не изменяет.

И?

Что мне ответить на это глубокомысленное изречение?

Может, это какая-то ловушка и они с герцогиней виделись на прошлой неделе, а все эти замечания — лишь попытка вывести меня, самозванку, на чистую воду?

К счастью, ни одно из моих худших опасений не подтверждается, потому что Рэйвен не ждет моего ответа и продолжает:

— Не могу не отдать вам должное, юная леди — эти три года превратили вас в настоящую... — Он поджимает уголок губ, словно никак не может подобрать подходящее слово.

— ... красавицу? — импульсивно подсказываю я.

Герцог Нокс самую малость в удивлении приподнимает бровь.

— Вообще-то я собирался сказать «настоящую дочь своего отца», но ваш вариант тоже имеет место быть.

Я густо краснею, когда стоящие особняком девушки начинают дружно перешептываться и хихикать над явно грубой издевкой.

Хочется закрыть лицо ладонями, развернуться — и со всех ног пуститься в бега, желательно, в те далекие края, где в моей голове не останется даже воспоминаний об этом человеке. Точнее, именно воспоминаний, потому что от них, увы, не получилось избавиться так же легко, как от той белой книжки, которую он подарил вместе с... Плачущий, помощи, непристойными намеками!

Но.

К счастью, я помню не только это, но и слова, которые герцогиня твердила каждый день, что я провела в «Горностаевом приюте»: чтобы быть убедительной и продержаться эти две недели, нужно забыть, что я — послушница веры Плачущего.

Я — герцогиня Лу'На, наследница одного из самых огромных состояний Артании.

И она-Я никогда бы не потерпели таких насмешек в свой адрес.

Даже если они заслуженны грехами ее-Моего отца.

Поэтому, приходится мысленно вспомнить подзатыльники, которые по случаю и без отвечивала настоятельница Тамзина, и прийти в себя. Распрямиться, выдержать заинтересованный ответной реакцией взгляд герцога Нокса.

— Благодарю за изысканный комплимент, Ваша Светлость, — проговариваю чуть не через силу, но в итоге это звучит именно так, что и нарочно не придумаешь: сухо, немного с ленцой и

прикушенным пренебрежением. — Должна сказать, что вы тоже неплохо выглядите, как для человека, изуродованного моим отцом, да пощадит Авера его грешную душу.

Невесты в полном составе перестают хихикать и над всем этим маленьким представлением зависает трескучая тишина.

Я до сих пор не понимаю, что такого натворил отец герцогини, но и так ясно, что о нем, как о предателе короны, говорить можно только с разрешения Его Величества и приближенных.

Но герцогиня так много говорила об отце, что в ее безусловной любви не могло быть никаких сомнений. Будь она здесь в эту минуту — вряд ли проглотила бы откровенную издевку.

Вот и я не стала.

И все же, до тех пор, пока герцог не отреагирует на мои слова, вряд ли в этом пространстве гнетущей тишине, даже комар рискнет пищать.

— Вам ли не знать, юная леди, что мои уродства несколько... более глубоки, чем ваша преданность отцу.

Что бы он не имел в виду — я этого не знаю.

И продолжаю хранить каменное выражение лица. Ничего другого пока не остается.

— Впрочем, — Рэйвен распрямляется, заканчивает терзать меня пытливым взглядом и говорит уже для всех зрителей и слушателей, — такое отношение к семье заслуживает похвалы в любом случае.

Девушки снова шушукаются, но на этот раз без насмешек и укоров в мою сторону.

Но, как только я собираюсь хотя бы на минуту «снять маску», герцог снова напоминает о себе. Правда, на этот раз, его речь обращена ко всем.

— Милые девушки, полагаю, многие из вас меня знают. — Рэйвен приветливо и обворожительно улыбается. — Но для тех из вас, кто по какой-то причине не слышал о моем существовании, и чтобы соблюсти формальности, я представлюсь: герцог Рэйвен Нокс, капитан Элитной королевской гвардии.

Чей-то громкий неосторожный шепот добавляет: «И личный убийца на службе короля».

Глава семнадцатая

Меня снова начинает прошибать холодный пот.

Убийца на службе у короля? Почему я не удивлена.

В ответ на это замечание, герцог в шутку откланивается, и даже смеется, словно услышал о себе приятный комплимент, а не нерукопожатую правду.

Что же он за человек такой, если не стесняется своего кровавого ремесла настолько, что даже не считает нужным прятать лицо за маской?

— Каюсь — грешен, — Рэйвен прикладывает ладонь к груди. — Но слава идет впереди меня, и я пока не решил, стоит ли что-то со всем этим делать. В любом случае, пока вы не будете докучать мне своими соплями, болящими животами и грубыми нарушениями правил, я буду просто герцогом Ноксом, волей Его Величества Эвина Скай-Ринга, назначенным вашим бессменным куратором этого... гмм... предсвадебного переполоха.

На этот раз никто не смеет роптать.

Мы все из строптивой неорганизованной толпы превращаемся в присмирившее перед пастухом стадо. В догматах Плачущего говорится о женской мягкости и покорности, но даже суровой и требовательной наставнице Тамзине не удавалось так быстро закрывать рты послушницам. Возможно поэтому она перестала взывать к нашему смирению и стала пускать в ход палку.

— Вижу, все уже в сборе, — продолжает герцог. — Но, прежде чем я представлю вас королю, и чтобы уравнивать шансы...

Он осматривает девушек еще раз, от начала ряда и почти до самого конца.

Почти. Потому что его взгляд останавливается на моей соседке — и снова возвращается в начало.

Ну и хвала Плачущему!

— Полагаю, многие из вас слышала о салоне мастера Соула?

Я вот не слышала, но судя по оживленному обмену репликами между остальными девушками — им это имя говорило о многом.

— Ну вот и славно, — чуть повышает голос Рэйвен, заставляя королевских невест умолкнуть. — В таком случае вам будет приятно посетить его, чтобы воспользоваться некоторыми услугами и сделать пару приятных процедур.

— Это подарок короля? — восторженно хлопает в ладоши та самая худышка.

Герцог многозначительно улыбается, оставляя вопрос без ответа.

— И чтобы на этот раз вы не трудили свои бедные ноги...

По взмаху его руки во внутреннем дворе появляется пара больших черных экипажей с гербами короны. Нас, девушек, без промедлений и лишних вопросов поровну рассаживают в них.

По дороге я снова сижу как прокаженная — хоть внутри довольно тесно, но моя соседка нарочито отодвигается на максимально возможное расстояние.

Как будто предательство может быть заразной хворью.

Но оно и к лучшему — чем меньше меня будут трогать с вопросами, тем меньше шансов себя раскрыть. Кроме того, пока мы едем в пресловутый салон, я держу уши остро и успеваю сделать выводы из активного перешептывания моих конкуренток за право стать женой короля.

Салон мастера Соула — это чуть ли не самое известное место в столице, а сам мастер Соул — точнее, Сайфер Соул — известный гуру женской красоты, первооткрыватель каких-то волшебных процедур красоты, основоположник всех модных тенденций и Самый важный нос Артании. Судя по всему, титул придумал он сам, и сам же себя им наградил.

А еще он — эксцентричный. Именно так его называют мои соседки, абсолютно единогласно.

Что бы все это могло значить?

Зачем девушек, приготовившихся к знакомству с королем, разодетых так, чтобы с первого взгляда сунуть ему в нос все свои достоинства, понадобилось взять еще на какие-то процедуры красоты?

И почему этот абсолютно напрашивающийся вопрос приходит в голову как будто мне одной?

— Я думаю, — начинает та, что брюнетка с оттопыренными ушами, — все это просто ширма.

— Ты о чем? — переспрашивает кто-то из девушек.

— Я обо всех этих играх в отборы. Всем и так известно, что среди нас есть только одна претендентка, которая и нужна королю. И я сейчас не о красоте, талантах к пению или рукоделию, и точно не о горах золота.

Тем местом, на котором сижу, чую, что последнее замечание — это нарочно обо мне.

То есть, о герцогине, но, чтобы как-то протянуть эти недели, мне придется начать думать о ней, как о себе самой, иначе я просто не смогу быть достаточно убедительной, и тогда — прощай уютный домик на окраине и счастье быть свободной.

Но, как бы не неприятно мне было собирать сплетни, все равно настораживаюсь и стараюсь ловить каждое слово. В медицинском трактате Леопольда Однорукого говорится, что прежде чем лечить болезнь. Необходимо тщательно обследовать больного и не упустить из виду ничего, ведь даже маленькая царапина может быть целым грозным симптомом.

Мои соперницы — тоже симптомы в какой-то степени. И чтобы продержаться и даже завоевать симпатию короля, мне придется изучить их. Ну, хотя бы то, что будет на поверхности и чуть-чуть глубже.

— Если ты о Веронике, — с пренебрежением произносит та, голубоглазая, со странно выдвинутой вперед челюстью, — то ее «особенное» происхождение — так себе преимущество.

Особенное происхождение?

Вспоминаю, что Вероника, кажется, та красивая белокурая девушка, единственная, кто так же, как и я, старалась держаться в стороне. Только от меня шарахались, потому что не хотели знаться с дочерью предателя, а она как будто сама не хотела подпускать близко никого из нас. И смотрела выразительно свысока. Даже не скрывая открытого легкого пренебрежения.

Что ж, похоже, в ней действительно есть что-то особенное, раз даже общение с другими знатными леди могло каким-то образом ее оскорбить.

— Далекая кровь Скай-Рингов — это не так себе, — не желает сдаваться брюнетка.

— Зачем королю брать в жены родственницу? — пожимает плечами девушка с кораблем на ободке.
— Все знают, что смысл королевского брака в укреплении связей и приобретении могучих родственников. В особенности тех, у кого есть сильная армия.

Сказано это так, что не остается ни тени сомнения — у ее отца точно есть та самая сильная армия. Для короля, который вот уже шесть лет ведет войну с соседями — хорошее подспорье.

— Вы правда ничего не понимаете? — Брюнетка разводит руками, тщетно пытаясь найти того, кто в состоянии понять какую-то ее очень глубокую мысль. — Ведь король... Он...

Закончить она не успевает, потому что экипаж, наконец, останавливается и услужливые лакеи уже распахивают дверцу и раскладывают маленькую приставную лесенку.

Я выхожу последней, на всякий случай, помня случай с Орви, нарочно игнорируя протянутую кем-то из гвардейцев сопровождающего руку.

И останавливаюсь как вкопанная, не в силах осмыслить то, что вижу перед собой.

Глава восемнадцатая

Я ни разу не была в столице. Наставница Тамзина не упускала случая сказать, что божьим невестам нечего делать в «том рассаднике порока и непристойности». Так что, единственное, что мне было известно о столице, так это лишь то, что она существует.

Пока гвардейцы вели меня до места сбора, я едва успевала смотреть по сторонам, и чтобы случайно не уступить в лужу, да и сюда мы ехали в закрытом экипаже, с одним маленьким окошком в крыше, через которое был виден лишь кусок неба.

Поэтому, пока остальные девушки быстро исчезают за красивыми коваными воротами, я стою перед огромным белоснежным зданием, увитом цветами и радужными переливами, и пытаюсь понять, как возможно, что посреди серости и строгости, вдруг возникло это... чудо из сказок об эльфах.

Это даже не одно здание — это целая конструкция из строений, беседок, навесных мостиков и лужаек, некоторые из которых висят прямо в воздухе. И за всем этим великолепием ухаживает не меньше двух десятков марионеток. Все — женского пола, в строгих черных платьях и белоснежных передниках. Их «не человеческое» происхождение выдают лишь немного зажатые движения и то, как поворачивают головы в нашу сторону — без любопытства, присущего живым людям, но с настороженностью, как и дрессированных домашних питомцев.

— Что-то не так, юная леди? — слышу за спиной немного простуженный голос Рэйвена.

Яс трудом держусь, чтобы не подскочить на месте, и инстинктивно шагаю вперед, лишь бы снова увеличить расстояние между нами.

Будь моя воля, я бы отгородилась от него стеклянным кубом, чтобы даже не дышать одним воздухом.

А самое странное, что, если меня спросить — отчего так, я даже не найду вразумительный ответ. Просто само присутствие этого мужчины как будто делает мою кровь горячей и колючей.

В распахнутые двери с золочеными кольцами в виде вороньих голов, я вхожу последней.

И снова глупо столбенею, потому что тут явно не обошлось без использования Аспектов. Снаружи здание казалось огромным и просторным, но внутри... оно словно вообще не имеет видимых физических границ. Смотрю вверх — и голова начинает кружиться, потому что где-то там, за перекрестьями лестничных пролетов, видны самые настоящие облака и полумесяц радуги.

Это словно город в городе.

Головоломка, от которой начинает покалывать в висках.

И пока я пытаюсь осознать все увиденное, перед глазами возникает рука в черной перчатке. Рука герцога. Он складывает два пальца, берет ими мой подбородок и поворачивает голову вправо, пока я не упруюсь взглядом в большой трехуровневый фонтан, над которым прямо из ничего опадают розовые цветочные лепестки.

— Это какая-то иллюзия? — не могу не спросить я, хоть от его прикосновения хочется драпать на край света, подобрав эти, Плачущий прости, проклятые, вечно путающиеся юбки.

— Боюсь, герцогиня, никто кроме хозяина этого места не знает, что здесь — реально, а что — иллюзия. Кстати, а вот и он.

И тут мне хочется сделать паузу и вспомнить цитату из трактата святого Михейла: «К такому меня не готовили ни боги, ни жизнь...»

Потому что к нам идет человек.

Мужчина.

И очень красивый мужчина. Настолько красивый, что хочется осенить себя охранным знаком и попросить демонов не искушать так сильно, потому что при виде этого великолепия, дрогнуло бы даже давно окаменевшее сердце наставницы Тамзины.

У него длинные серебряные волосы — настолько гладкие и блестящие, что кажутся настоящим шелковым водопадом. Красивый миндалевидный разрез глаз, которые цвета тщательно начищенного серебра, идеальная форма губ и бровей.

Улыбка, от которой я краснею просто... потому что краснею.

Это как какая-то магия, что-то, что не поддается осознанию и пониманию.

Он очень высокий, возможно, даже немного выше Рэйвена — хотя куда уж больше?!

У него тонкое, но крепкое телосложение — это хорошо угадывается под полупрозрачной туникой, небрежно наброшенной прямо на голое тело. Кожа белее и чище, чем у всех этих вместе взятых аристократок.

Но.

У него — рога! Достаточно длинные и крепкие, витые, словно темно-серые кости.

Длинные острые уши, как у давно вымершей расы нэйви, упоминания о которой сохранились только в древних книгах, повествующих о тех временах, когда Боги были смертными и когда был сотворён первый Аспект.

И, стоит ему приблизиться, мой взгляд падает ниже, цепляется за белоснежный пушистый комок, который лениво волочится вслед за этим красавцем.

Потому что это — самый настоящий хвост.

Метра два длинной.

Как лисий, но больше и роскошнее.

Я непростительно громко икаю, когда красавец подходит ко мне, но даже не удосуживается взглянуть. Его внимание сосредоточено где-то поверх моей головы. На человеке, который стоит там и обжигает мою спину одним своим присутствием.

— Рэйвен! — Красавец всплескивает руками с длинными крепкими ногтями черного цвета, — Моя сладкая булочка с корицей! Решил потешить старика этой... птичьей стаей?

Сладкая булочка?

С корицей?!

Это он про герцога, у которого на лбу написано, что за неподобающее обращение к его персоне, он запросто вколотит обидчика в землю одним только взглядом?

Поджимаю губы, изо всех сил втягиваю их в рот.

Матильда, даже не вздумай смеяться! Он же... не простит!

— Сладкая булочка?! — Я проглатываю смех, и это звучит как очень нездоровая икота.

— С корицей, — дополняет красавец, и только теперь, наконец, снисходит до взгляда вниз, на меня.

Герцог издает легкий ленивый вздох.

Потом смешок.

Нет, прости, Плачущий, но я должна это увидеть!

Поворачиваю и вскидываю голову, натываясь на его темный взгляд с прищуром.

И мимолетную улыбку.

— Почему не с грибами? — спрашиваю явно невпопад.

— Грибы?! — Рогатый хозяин салона морщит нос как от скверного запаха. — Эти... маленькие скользкие отрывки земли, напичканные червяками, грязью и выросшие на гнили?

Теперь я тоже испытываю желание сморщить нос, хоть грибы люблю, особенно те белые и круглые, из которых наставница Олла готовила просто потрясающие пироги.

— Герцогиня Лу'На, — Рэйвен протягивает руку в сторону рогатого, — это — Сайфер Соул, хозяин салона, известный законодатель моды и...

— ... самый важный нос Артании? — добавляю я, вспомнив разговор в экипаже.

Ему это явно нравится, потому что большой пушистый хвост пару раз задорно виляет по полу.

— Герцогиня Лу'На? — Он удивленно выгибает идеальную по форме, густоте и даже цвету бровь. —

И вы до сих пор не убили друг друга? Рэйвен, боль души моей, с тобой точно все в порядке? О том, что между герцогиней и капитаном элитных гвардейцев есть сильная неприязнь, не сказал, кажется, только ленивый. Но этот красавец был первым, кто озвучил всю подноготную — эти двое желали друг другу взаимной смерти. А моя интуиция подсказывала, что еще и очень болезненной.

И все же — что имел в виду герцог, когда говорил, что он изуродован? Если нет никаких видимых...

— Герцогиня, полагаю, — слышу покашливание в спину и непроизвольно дергаюсь, — полагаю, вам следует занять место среди прочих претенденток.

— Я бы с удовольствием к ним присоединилась, чтобы не утруждать нас обоих этим выстраданным общением, — вырывается из моего рта, — если бы только понимала, куда идти.

Сайфер едко хихикает и прикрывает рот рукой.

Потом очень бережно берет меня за руку, кладет ее себе на сгиб локтя и галантным жестом предлагает воспользоваться его компанией. Я, конечно, соглашаюсь. Мне и в самом красивом сне не могло привидеться, что я буду в месте, похожем на это, в обществе такого... странного человека.

— Рэйвен, отрада рогов моих, полагаю, пока я занимаюсь девушками, ты можешь взять кое-что со своей особой полочки.

То есть, герцог здесь еще и... постоянный клиент?

Я знаю, что должна молчать, но герцогиня бы точно не упустила возможности пошутить или поддержать. Ну а тем более, если мы в этих желаниях еще и совпадаем.

— И часто герцог берет что-то с «особой полочки»? — нарочно, чтобы услышал шагающий за нами мужчина, интересуюсь я.

Сайфер смотрит на меня сверху вниз и обмахивается кончиком хвоста, пряча широкую ехидную улыбку. Ну то есть, это скорее похоже на нарочитую попытку показать, что он пытается ее спрятать, но не особо старается.

Что бы там ни было, а между этими двумя с виду вообще не похожими друг на друга мужчинами, явно есть что-то очень... интересное? Старая дружба, возможно?

Морщусь нос.

Нет, определенно не дружба.

— Есть определенные вещицы, которыми Рэйвен вынужден пользоваться, учитывая его дремучий возраст, — подмигивает Сайфер.

Называет по имени. Снова.

Я на мгновение ловлю себя на мысли, что как-то слишком сильно увлеклась герцогом и всем, что с ним связано, но тут же нахожу этому логическое объяснение: если он будет куратором этого отбора, то не так уж плохо узнать, что он за человек и как с ним держаться. Тем более, если сама герцогиня не посчитала нужным рассказать об этой части своего прошлого. Хотя, справедливости ради, не могла же она знать, что заклятый враг ее семьи будет главный в том состязании, которое она собирается выиграть.

— И что же это за вещицы, мастер Соул? — Мы проходим мимо красивой стойки с баночками из радужного стекла, и я успеваю прочесть всего одно слово — «крем». — Неужели крем?

Плачущий, хоть бы я не сказала сейчас какую-то сбивающую с ног чушь.

— Да да, — посмеивается Сайфер, — один из тех моих шедевров, которые почтенные леди сметают с полок из-за его чудодейственного влияния на кожу. Одна порция — и вы моложе на пару лет! Впрочем, — красавец-гигант на минуту останавливается, чтобы пристальнее рассмотреть мое лицо, — с вашей дивной кожей, герцогиня, думать о подобных вещах стоит разве что в очень далеком будущем.

Глава девятнадцатая

Я не успеваю ни покраснеть, ни даже ничего ответить, потому что герцог Нокс вдруг вышагивает из-за наших спин, не особо церемонясь берет меня прямо за запястье и Сайфер с сожалением отпускает мою руку.

Мне хочется одернуть руку, потому что — Плачущий, помоги! — не считая того прикосновения Орви, которое стоило ему ожога на всю оставшуюся жизнь, ко мне еще ни разу не прикасался мужчина.

Это — запрещено.

Монахини бога — невесты бога. Посягать на их невинность, значит, брать то, что принадлежит богу — самый страшный грех из существующих ныне.

И если, вдруг, он сейчас тоже...

Я успокаиваюсь, когда понимаю, что по крайней мере пока герцог точно не дымит, и не выглядит ошпаренным той меткой, которая осталась на ладони Орви.

Напоминаю себе, что герцогиня, хоть и старше меня всего на год, на наверняка привычна к мужскому вниманию и у нее достаточно поклонников, чтобы не падать в обморок от одного мужского касания.

— Этот крем, — как-то слегка сквозь зубы, поясняет герцог, пока энергично шагает в сторону маленькой арены, внутри которой, на милых диванчиках, сидят невесты короля, — отлично справляется с морщинами на моих любимых сапогах.

— Почему-то я как раз об этом и подумала, — отвечаю я, вспоминая ту улыбку Сайфера и копируя ее.

Герцог прищуривается.

Его пальцы на моем запястье на мгновение сжимаются чуть-чуть сильнее, и я непроизвольно поджимаю губы.

— Искренне рад, — злая улыбка с подтекстом, который я не понимаю, — что вы нашли в себе смелость хотя бы попытаться.

Это он об отборе?

Или... о чем-то другом?

Ответ я все равно не узнаю, потому что герцог с легким поклоном отправляет меня в центр арены, к остальным девушкам.

То, что я появилась «на арене» в компании герцога заставляет девушек начать энергично шушукаться. Я успеваю поймать только отдельные фразы: «Разговаривали?», «Герцог держал ее за руку?», «Я всегда знала, что она — дешевка!»

Что ж, в этом отборе, на меня бы поставил только сумасшедший.

Я занимаю свободный диванчик в отдалении от всех, и стараюсь сидеть так, как учила герцогиня — ровно, словно меня приколотили спиной к доске, глядя только в одну точку.

— Так-так-так, — Сайфер, занимая место в центре, лениво хлопает в ладоши и этого достаточно, чтобы кудахтанье смолкло. — Прекрасные леди, позвольте высказать искренне восхищение вашей красотой и грацией. И, несомненно, ваше стремление быть в курсе всех модных новинок сезона.

Кто-то поправляет брошь, кто-то выставляет из-под платья туфлю с тяжелой пряжкой.

Красотка с ободком вертит головой, привлекая внимание.

Кажется, одна я продолжаю сидеть как прибитая.

— В любом случае, — продолжает Сайфер, — наш уважаемый куратор считает, что перед своим королем его будущие невесты должны представить в своей... гмм... первозданной красоте.

Это звучит так, будто в первозданной красоте есть что-то плохое и неестественное. Хотя, для человека, занимающегося созданием предметов женской красоты, вполне возможно, творения создателей в своем истинном виде действительно не краше пустого белого полотна.

— Что это значит? — спрашивает худышка-малышка.

— Этого нет в условиях, — подает голос та самая брюнетка, которая, кажется, знает отборах все.

— Леди Адмаль, не станете же вы отрицать тот факт, что красной строкой через все правила и условия отбора проходит главное: король в праве вносить изменения в любое время и на любом этапе.

Меня скоро начнет передергивать от того, каким холодным бывает голос герцога Нокса. Даже когда наставница Тамзина заперла меня в келье на три ночи подряд, на улице была зима, а мне не выдали и куска ткани, чтобы укрыться, каменный пол и то казался теплее, чем эта глыба безразличия.

— Главное условие, — продолжает герцог, и снова почему-то смотрит именно на меня, — изменения не должны повлечь за собой возможные риски для жизни участниц, а также порочить их честь и достоинство. Уверяю, милые леди, то, что вам предстоит сделать — а точнее, то, что сделает с вами маленькое приспособление мастера Соула — никаким образом не опорочит вашу честь и тем более не повредит ни волосок на ваших прелестных головках. Просто... скажем так, Его Величество желает взглянуть на вас в том виде, в котором вы как на ладони даже перед богами.— А это вообще законно? — интересуется блондинка в каменной короне, та самая, которая выглядит старше всех нас.

Герцог выгибает бровь в немом вопросе.

— Никто не оспаривает право короля вносить изменения, — снова умничает брюнетка. — Мы лишь хотим знать, действительно ли все... вещи, которые будут с нами делать, не несут опасности. И насколько они вообще испытаны на... живых существах?

— Мне кажется, леди ставит под сомнение мои таланты? — мило и широко улыбается Сайфер.

Его хвост пару раз резко ударяет по земле и если бы я собственными глазами не видела, что он покрыт пухом, ощущение от этих двух ударов было такое, словно об землю грохнули железным молотом.

— Мы лишь хотим услышать правду! — топает ногой худышка.

Снова поднимается недовольный гул.

Я быстро осматриваю участниц и из всей толпы спокойны и молчаливы только мы с той красавицей, которую все хором называют главной фавориткой отбора. Со мной-то все понятно — я вообще не понимаю, о чем идет речь и почему эти проверки так возмутили спокойствие. А вот она... Знает, что все равно никто ее не обгонит?

Я вспоминаю слова настоящей герцогини о том, что она очень любит нашего короля и что единственная возможность стать счастливой рядом с ним — выиграть в отборе. И все это... немного странно, учитывая то, что во всем мероприятии уже наметились две самые главные фигур — фаворитка и аутсайдер. И мы с герцогиней — явные аутсайдеры. В одном лице.

— Леди, прошу! — Сайфер показывает в сторону красивой задымленной арки справа.

Готова поклясться на Писании Плачущего, что еще секунду назад ее там не было!

— Все, что вам нужно — встать на свои прелестные ножки и сделать пару шагов, через эту арку. Уверяю, она абсолютно безопасна!

Чтобы доказать правдивость своих слов, Сайфер демонстративно откланивается в пояс и перешагивает через арку. Розовые нитки тумана тянутся за ним, обволакивают, когда появляется с обратной стороны. Он окутан туманом, словно невесомым одеянием.

Девушки привстают со своих мест, чтобы рассмотреть получше.

Все звуки стихают.

Все чего-то ждут...

Но ничего не происходит.

Сайфер разводит руками, стряхивает с себя розовые облачка и вертится, демонстрируя, что с ним не случилось ровным счетом ничего.

— И так, кто у нас тут самая смелая? — спрашивает он, выразительно протягивая когтистую руку.

Никто и не думает двигаться с места.

Я тоже сижу в той же позе, что и секунду назад. Только зачем-то поднимаю голову, чувствуя неприятный зуд в области груди. Словно кто-то... очень нахально заглядывает в почти приличный вырез моего платья.

Натыкаюсь на темный взгляд Нокса.

Он немного, всего чуть-чуть провокационно выгибает бровь.

Этот взгляд...

Я непроизвольно вытягиваюсь еще ровнее — хотя, куда уж больше?!

Свожу под юбкой колени и глотаю странно взволнованный вздох.

Либо я сделаю это сама, либо...

Поднимаюсь на слабые ноги слишком резко и когда меня шатает в сторону, соперницы с радостью посмеиваются над моей неуклюжестью.

— Очень смело, леди Лу'На, — подбадривает Сайфер и протягивает руку, чтобы поддержать меня под локоть. И дальше уже говорит как будто для всех: — Я слышал — а вы знаете, что через мои прекрасные уши проходят только самые достоверные сплетни — что наш король очень, очень любит смелых женщин.

Вряд ли это правда, но я все равно улыбаюсь ему с благодарностью.

Уже у самой арки мастер Соул сжимает мои пальцы, одними губами говорит, что мне не о чем беспокоиться и я делаю шаг вперед.

Глава двадцатая

Я ничего не чувствую.

Совсем ничего. Когда проходила через портал — было волнение и жжение, и покалывание. А сейчас это просто как будто я прошла через пустую арку, еще даже не установленную на место. Только когда хлопья тумана опадают с меня, я чувствую небольшое облегчение. Интуитивно провожу ладонью по волосам и понимаю, что вместо красивой высокой прически, над которой горничная герцогини колдовала несколько часов, мои волосы теперь просто струятся по плечам, как будто я только недавно их вымыла и просушила полотенцем.

Мастер Сайфер уже встречает меня, щелчком пальцев заставляя маленькое ручное зеркало в его свободной руке превратится в ростовое зеркало, в котором я отражаюсь вся целиком.

Моя одежда в порядке. Лишних конечностей точно не прибавилось.

Просто теперь я выгляжу не как красавица герцогиня, с модной прической и красивым макияжем, а как послушница Плачущего, которой даже в зеркало приходилось смотреть украдкой.

Значит, вот в чем весь смысл?

Арка убирает все эти маленькие хитрости, чтобы все участницы предстали перед королем в своей природной красоте.

Как там сказал герцог? «Как перед богом».

— Я даже не сомневался, что так и будет, — говорит Сайфер, и мимолетно проводит когтем мизинца по моим волосам. — Прелестна, не правда ли, мой непримиримый друг?

В отражении я замечаю смотрящего мне в спину Нокса.

Он выглядит так, словно из арки вышла какая-то ужасная конструкция, а не живая женщина.

Скрещивает на груди руки и задумчиво облакачивается плечом о каменную колонну.

Мне кажется, все ждут, что злой куратор хоть что-то скажет, но он лишь обводит всех взглядом, выбирает малышку-худышку и командным голосом приказывает:

— Леди Пайк, ваша очередь.

Она упирается, словно ее ведут на плаху. Сайферу приходится «пригласить» в помощь пару марионеток, которые быстро вталкивают ее в арку, хоть девушка кричит и проклинает всех на свете.

Я закрываю уши ладонями, чтобы Плачущий через меня не слышал все те гнусности, которые она посылает на наши головы.

На этот раз туман облепляет фигуру настолько плотно, что за ним практически не видны очертания малышки-худышки. Но когда он все-таки начинает отступать...

— Боги, какие... — Сайфер брезгливо морщит нос, — чудесные метаморфозы.

Вместо худышки перед нами стоит очень тучная девица.

Я бы даже очень усомнилась, девица ли это или переодетый в женское платье мужчина.

В ней килограмм двести — если не больше.

Украшения, как и одежда, разлезаются на лоскуты, и марионетки, по приказу мастера Соула, быстро накидывают на нее сразу несколько плотных плащей.

— Леди Пайк, полагаю, вы знаете, что случается с претендентками, которые используют Аспекты для трансфигурации? У вас есть соответствующая лицензия? Показания вашего семейного врача? — Герцог Нокс не выглядит рассерженным или недовольным. Скорее — уверенным, что именно так все и должно было случиться. — Хоть что-нибудь, что может оправдать этот чудовищный обман Его Величества?

— Это сразу исключение, — слышу шепот Всезнайки. — Любые подобные вещи должны согласовываться с куратором.

— Ей очень повезет, если за такие выходки ее не отправят в темницу, — холодно и не скрываясь, говорит Фаворитка. — Кем надо было быть, чтобы думать, что все это не раскроется?

— Леди Мор, в таком случае — окажите честь... — Нокс взглядом указывает на арку.

А «худышку», перепуганную и молчаливую, просто уводят.

К концу этой процедуры — она завершится минут через десять — количество претенденток сокращается ровно до двенадцати. Еще одна красотка внезапно превратилась в пожилую леди, которая призналась, что выдала себя за дочь, так как та имела неосторожность тайно обручиться со своим давним возлюбленным, а семья боялась отказом накликать на свои головы гнев короля.

Еще одна была, боги...

Я вспоминаю ее странно сросшиеся с черепом уши и вытянутый острый лоб.

У остальных девушек проявились прыщи, жидкие волосы, острые тонкие носы и прочие «тонкости внешности», как сказал мастер Соул.

И, когда все мы решили, что беда миновала, куратор снова напомнил о себе, покашливая в кулак.

— Теперь осталась последняя деталь.

— Ах да! — щурится Сайфер. — Милые безвкусные платица. Рэйвен, роза сердца моего... Ты уверен, что эти бедняжки недостаточно сегодня страдали?

Роза сердца?

Я прикрываю рот ладонью, но все равно слишком громко хихикаю.

Лишь через мгновение понимая, что все остальные наблюдают за мной с каменными бледными лицами.

— Кажется, это еще минус одна соперница, — пожимает плечами высокомерная фаворитка вероника Мор. С ее внешностью арка не сделала ровным счетом ничего.

Герцог Нокс подходит ко мне и становится так близко, что я могу рассмотреть крохотные буквы на пуговицах его кожаной куртки.

И рада бы отодвинуться, но ноги будто приросли к полу.

— Рад, что ваше настроение на высоте, леди Лу'На. И так же рад, что стал тому невольной причиной. А теперь сделайте милость — переоденьтесь.

Я чуть не вприпрыжку бегу за Сайфером, который приоткрывает передо мной занавеску входа в маленький будуар, где стоит еще одно зеркало, пара скамеек с мягкими подушками, и стойка, на которой висит простое белое платье без намека на изыски.

Я прячусь за ширму, и марионетка помогает мне переодеться.

Если честно, мне намного удобнее в этой простой вещице, чем в куче юбок, лент и прочих украшений, которые весят, кажется, целую тонну.

Сайфер оценивает мой вид, с сожалением морщит лоб и произносит:

— Laaf atag're no...

Я верчусь перед зеркалом, пожимаю плечами и, не задумываясь, отвечаю:

— Errat en'no araer'r ae dosh.

Мы оба замолкаем.

Смотрим друг на друга, не решаясь произнести закономерный вопрос.

— Прелестная Матильда... — Сайфер наклоняет голову и витиеватые жилки на его рогах начинают наполняться искристым светом, — откуда вам так хорошо знаком язык Бездны, которым никто, кроме в ней рожденных или ею наполненных, знать не может?

— Я... Я... — Обхватываю плечи руками, вспоминая, что Бездна — это то, чем нас пугали настоятельницы.

Самое страшное место по ту сторону Жизни.

Рассадник скверны и разрушения.

Напиленный пороком, алчностью и злобой.

И существами, которые однажды чуть не поработили наш мир.

Слава богам, ныне накрепко запечатанное.

— Я бы сказал, ваше произношение безупречно, — продолжает мастер Соул. — А ведь я -химер, и во мне, пожалуй, более всего черной крови демонов, чем даже в нашем милом... гммм... герцоге.

Глава двадцать первая

Откуда я могу знать язык Бездны?!

Плачущий, помоги, откуда мне знать, как говорят порочные твари с обратной стороны мира, если их испорченные земли были запечатаны задолго до моего рождения?!

Если все книги о демонах, Бездне и крови Хаоса сожгли еще до того, как моя мать повстречала моего отца?!

Если... все, что я вообще об этом знаю — так это постоянные угрозы настоятельница, что если мы не будем достаточно набожны и потеряем чистоту душ, печати падут и вся эта скверна хлынет в мир людей, чтобы утолить свой вековой голод и жажду мести!

И кто такой химер, боги всевидящие?!

— Ты очень побледнела, моя крошка, — мастер Соул участливо треплет меня по голове и чуть не силой усаживает на скамейку. Что-то ищет в свободных складках своих странных штанов и достает маленький пузырек из перламутрового стекла. Капает пару капель на тонкий как паутинка платок и протягивает мне, показывая, что нужно прижать его к носу.

Я так и делаю и практически сразу в мои ноздри заходит сладковатый нежный аромат, от которого немного кружится голова.

Минуту — не больше.

А потом желание бежать с покаянием к первому же встречному инквизитору, улетучивается, как ни бывало.

— Лучше, правда? — подмигивает химер. — Мое маленькое изобретение. Жемчужина коллекции всего, что создано этими натруженными руками.

Вряд ли его руки можно назвать натруженными, но было бы странно, если бы у мастера а красоты и законодателя моды, были мозоли.

— Наверное, стоит очень дорого, — говорю со странной улыбкой.

Немного шумит в ушах.

Когда-то, когда я была еще маленькой, меня мучала страшная жажда после лихорадки, и я случайно выпила вместо отвара. Забытую на столике около кровати виноградную настойку, которую монахиня давала мне по глотку для облегчения боли и крепкого сна.

Сейчас я чувствую себя точно так же, как и после целой бутылки той настойки.

— О нет-нет-нет, — отмахивает Сайфер. — Это исключительно для личного использования, маленькая герцогиня. И еще потому, что имеет очень специфическое воздействие на... простых людей.

Я киваю.

— Чувствую себя очень уставшей, -чтобы не сказать «пьяной».

Химер загадочно улыбается, усаживается, скрестив ноги, на пол прямо передо мной и складывает ладони «домиком». Изучает мое лицо, наклоняя голову то влево, то вправо. Улыбается еще шире и, наконец, говорит:

— Правда в том, маленькая герцогиня, что простые люди от этой настойки как правило... гммм... теряют себя.

— Что? — не очень понимаю этот намек.

— Одна юная невинная прелестница, например, провела со мной несколько страстных дней и ночей. Не выбираясь и не выпуская меня из постели. А была невинной. Один старый скупердяй подарил мне двести тысяч золотом. Просто так. Без процентов по займу. Ну и еще пара историй, о которых я умолчу, дабы не смущать эти прелестные ушки.

— Благодарю, — кое-как выдавливаю из себя.

Даже то, что я услышала, повергло в ужас.

То есть, если бы я была простым человеком, то могла бы... делать разные... непотребные... вещи?!

И, зная об этом, этот странный человек все равно позволил мне дышать его... особенной настойкой?!

— Понимаю, понимаю... — кивает рогатой головой Сайфер, как будто прочел мои мысли. — Но в данном случае, малышка Матильда, я полагаю, тебе лучше сосредоточиться на мысли о том, почему эта настойка на тебя не подействовала.

В самом деле — почему?

Наверное, если бы не «чудесная настойка», от моей перепуганной тряски подпрыгивала бы и эта уютная уборная, и весь салон целиком.

Я испуганно смотрю на мастера Сайфера и даже не знаю, что сказать, чтобы попросить его держать се эти откровения в секрете. По законам Артании все, что может быть подернуто скверной Хаоса, должно быть немедленно передано в руки инквизиции.

И я все-таки нервно комкаю платье на коленях, вспоминая тот единственный случай, когда мне довелось столкнуться с цепными псами порядка и веры.

Лучше бы не приходилось вовсе, чем теперь всю жизнь бояться лишней раз случайно помянуть черта. Даже если в сердцах. Даже если на ногу упала одна из тех неподъемных банок, в которые сестра Агнеса складывает камни «со знамением от Плачущего».

— Теперь вы... расскажете обо мне? — спрашиваю очень тихо, украдкой поглядывая за колыхнувшийся полог.

Там кто-то стоит и подслушивает? Или мне со страху показалось?

— Я? Рассказывать? О тебе, маленькая герцогиня? — Его красивые глаза наполняются смехом, и улыбка немного успокаивает. — Все эти... странности — что же в них ужасного? В этом пресном одноцветом мире так мало чего-то... спонтанного, что было бы кощунством собственными руками уничтожать то, что может наполнить его весьма интересными красками. Кроме того, — он поднимает палец, и переходит на тон заговорщика, — сделаю тебе подарок.

— Подарок?

— Дам совет. Тебе не следует бояться того, что где-то далеко. Будь внимательная и осторожна с тем, что совсем рядом.

— О да, — киваю, на миг забываясь, что я — герцогиня, — все эти милые леди явно не стоят в очереди чтобы полюбезничать с бедной сироткой.

Спохватываюсь.

Закрываю рот рукой.

И лишь потом вспоминаю, что герцогиня тоже сирота.

Единственное, что химер делает в ответ на мои слова — пожимает плечами. И во всем этом мне чудится намек на то, что я не совсем поняла — или, вернее, совсем не поняла — что он имел в виду.

В любом случае, когда меня перестает трясти, он встает и галантно подает руку, одновременно настойчиво отнимая платок, который вместе с пузырьком тут же снова прячет куда-то в бездонные складки своих странных брюк.

— Милая герцогиня, поверьте, — говорит химер, — я последний человек, кто мог бы выдать вашу тайну — намеренно или случайно. Да и вообще — я не человек.

Мне становится немного спокойнее.

Ровно настолько, чтобы выйти из маленького будуара на своих ровных и не трясущихся ногах.

Глава двадцать вторая

— Надеюсь, мой любимый леденец, теперь ты доволен, — морщит нос Сайфер, когда девушки выстраиваются в ряд. — Теперь это что-то... абсолютно безобразное.

— Леденец? — приподнимаю бровь. — Сайфер, тебе не кажется, что иногда нужно... помалкивать?

Мы с этим рукотворным чудом сумасшедшего ученого, знакомы так давно, что наша первая встреча отложилась у меня в памяти еще примерно в тот промежуток времени, когда я был счастлив просыпаться по утрам и не хвататься за бритву. Сайфер был взрослым всегда, потому что его, как странный букет, собрали и сложили по кусочкам. И в итоге получилось вот это — сначала страшное и убогое, вечно дрожащее и с облезлым хвостом, а потом — откуда что берется? — настоящий бриллиант.

С весьма... гмм... сомнительными пристрастиями.

В чем я лично «имел честь» убедиться, когда мы с ним, пьяные в дым, проводили время в компании пяти... нет, семи красоток из веселого дома мадам Ли.

Даже сейчас я вспоминаю те времена с широкой улыбкой и приятной тяжестью внизу живота.

Но, собственно, это не дает Сайферу повод обращаться ко мне так, словно мы с ним поклялись на жертвеннике быть друг другу братом, другом и правой рукой. По крайней мере — не в присутствии чокнутых девиц с языками без костей.

— Ты не в духе? — интересуется химер, разглядывая меня так, словно я нанес ему невозможно глубокое оскорбление.

Просто, Хаос задери, не обращай на него внимания, Рэйвен.

И обрати внимание на то, как хорошо все сложилось еще даже до начала официального отбора. И того — минус три девицы. Точнее — две и сердобольная матрона. Надо бы не забыть обязательно передать почтенным семействам положенную за эти «заслуги» королевскую награду. И пусть только Эвин не скажет, что я исправно слежу за тем, чтобы казна регулярно пополнялась из «незапланированных источников».

Но ближе к телу.

То есть — к девушкам.

Стоят почти по выправке и, от греха подальше, смотрят в пол. Чтобы я не видел, как их злит необходимость появиться перед его величеством не в образе роковых красоток, а вот так — почти монашками?

Гмм... Кстати, о монашках.

Я снова невольно задерживаюсь около герцогини, прах бы ее побрал.

И вдруг понимаю сразу несколько вещей.

Первая — ей единственной хватает смелости — и глупости — смотреть мне в глаза. Без раздражения, а скорее с опаской, но сути дела это не меняет.

Вторая — и чтобы понять ее наверняка, приходится наклониться почти к самому лицу герцогини — от нее пахнет той самой дрянью, которую Сайфер любит подмешивать в питье девушкам, прежде чем с ними повеселиться.

Я зыркаю в его сторону и взглядом даю понять, что в курсе его выходки.

Пожимает плечами и демонстративно отворачивается.

Ну-ну. Хорошо, пару слов на прощанье я ему все же скажу.

И третья вещь. Самая дурацкая и непонятная. Самая неприятная и... волнующая.

Я, наконец, понял, что меня смутило в герцогине с перовой нашей вот этой встречи.

Ее лицо казалось мне знакомым. Не потому что она из злой девчонки, которую я почему-то не приказал насильно упечь в монастырь, превратилась в милую девушку, а потому, что я уже видел эти глаза и эти поддрагивающие губы, но в совершенно другом оформлении.

У той мелкой стыдливой монашки, которой подарил очень нецеломудренную книгу.

И прямо сейчас, когда между мной и Матильдой расстояние — ровно на один вздох, я чувствую то же самое характерное волнение в крови.

Резкий и очень яркий приток мыслей, в которых сходят с ума все те демоны, которым пришлось сдохнуть, чтобы их кровь изменила меня почти до неузнаваемости.

Фантазий, в которых милая славная невинность...

— Что-то не так? — открывает рот герцогиня и я резко закладываю руки за спину, чтобы в сердцах ее не придушить.

Нет, Рэйвен, это не монашка.

Это дочь человека, которому ты с радостью и почти удовольствием оторвал руки, ноги и голову. И огорчился, что жирный боров слишком рано сдох.

Ну да могила ему гнилым болотом!

Не о том речь.

Я все-таки отхожу от девушек, делаю приглашающий жест в сторону двери и торжественно сообщаю, что самое время «пудрить носы» перед встречей с Его Величеством.

А когда все выходят, задерживаю шаг около Сайфера, вспомнив, что собирался высказать ему свое негодование.

— Ты дал ей эту свою «веселую дрянь? — спрашиваю уже без улыбки и намека на желание хором посмеяться над этой проделкой. — И? Что было?

Почему-то не хочу услышать, что она отплясывала перед ним голая. Или, что похуже.

— Маленькая герцогиня просто нуждалась в успокоении, Рэйвен. Не будь таким серьезным, это же... просто Лу'На. Ты ведь только рад будешь, если она себя опозорит и запрется в своих землях еще лет на десять.

Я прикрываю глаза, желая себе в подмогу все терпение мира.

— Сайфер, эта мелкая дрянь, формально, королевская невеста. И если ты, кудесник, тронул ее хоть пальцем, хоть дунул в ее сторону, видел ее голые колени или... — Смотрю на него в упор, прежде чем схватить за шиворот и подтянуть к себе одним рывком. — Поверь, свернуть тебе шею — не великая радость для меня. Но я сделаю это и не пролью ни слезы.

Химер недовольно фыркает, но всё-таки быстро открещивается от всех поползновений. Отпускаю его и отряхиваю руку. — Ты — бессердечный ублюдок, — обиженно бросает мне в спину. — Ну что ты, — салютую ему со спины, — я просто милая булочка с изюмом.

Глава двадцать третья

— Это просто возмутительно! — недовольно возмущается та красотка, чтобы раньше была с красивым ободком, а теперь, пока мы возвращаемся в замок, пытается как-то распушить жидкие волосы, которые, чтобы она ни делала, все равно выглядят печально. — Никто не предупреждал о таких проверках. Это вообще законно? Что дальше? Нам будут... под юбки заглядывать?!

Я, как обычно, сижу в стороне. То, что теперь мы вроде как все равны, ничего не изменило — меня по-прежнему предпочитают даже случайно не трогать

Но мне такое положение дел даже в радость.

Есть время подумать.

Обо всех тех вещах, которые случились буквально полчаса назад: мои странные и совершенно необъяснимые знания ужасного, противного богам языка, то, что на меня не подействовало зелье мастера Соула. Ожог, который оставила на ладони Орви и потом взрыв в подвале, только благодаря которому мы с настоящей герцогиней и смогли спастись.

И кошмары, которые преследуют меня сколько себя помню.

Может, я и родилась как-то не так и поэтому родители решили отказаться от меня, чтобы я, ненароком, не сожгла дом?

Но, самое главное: о чем или о ком говорил химер, когда предупреждал меня об опасности под самым носом?

Когда экипажи останавливаются, и гвардейцы проводят нас во внутренний двор замка, я то и дело ловлю на себе вопросительный взгляд Орви. И если раньше он видел лишь крайне похожую на меня девушку, но разодетую и надушенную, то теперь он видит меня: так же просто одетую, гладко причесанную и без намека на макияж.

Я стараюсь не поддаваться желанию подать ему хотя бы какой-то знак, потому что чувствую себя предательницей. Он ведь... столько делал для меня, он поклялся никогда и никому не выдать мою тайну. И он... единственный человек во всем этом ужасном месте, которому я могла бы доверить все тяготы души.

— Что-то не так, сержант? — слышу резкий голос куратора, потому что, когда нас снова выстраивают для смотра невест, Орви оказывается рядом и задерживается дольше положенного, теребя край платка на раненой ладони. — Вы с леди Лу'На...

— Нет, капитан! — тут же вытягивается по струнке Орви. — Просто... Она...

Я прикусываю нижнюю губу, когда мы снова смотрим друг на друга.

— Просто леди очень... красива, — краснея, говорит Орви.

— Какие милые сантименты, — иронично отмечает герцог.

Не знаю, откуда это чувство и какая его природа, но стоит ему оказаться поблизости, я чувствую себя словно сжигаемой изнутри. Как в те тяжелые дни, когда я страдала от тяжелой лихорадки и сестры уже молились, чтобы Плачущий принял меня с радостью. Тогда я металась в горячечном бреду и думала, что горю в Очищающем пламени за ту утащенную с кухни булочку.

Рядом с герцогом Ноксом я чувствую себя в десять раз хуже.

Как будто все мое тело сопротивляется необходимости находиться рядом с ним.

Предостерегает.

Я снова вспоминаю слова мастера Соула но успеваю на них сосредоточиться, потому что герцог не собирается отпускать бедного Орви просто так.

Обходит его, разглядывая с таким же любопытством, с каким я разглядывала каждую статую в замке герцогини.

— Ну и где она? — спрашивает Орви, лениво закладывая руки за спину.

— Кто, капитан? — глядя строго перед собой, по-военному отвечает Орви.

— Ваша вторая голова, сержант. Она ведь у вас точно есть, я не ошибаюсь? Иначе не понимаю, какого Хаоса вы так смело пялитесь на невесту Его Величества и позволяете себе отпускать

комплименты ее внешности.

Орви немного бледнеет, и еще сильнее выпрямляется.

Я открываю рот, чтобы сказать бессердечному герцогу, что сама в состоянии кто и как может говорить мне комплименты, но в это время остальные девушки почти одновременно громко и трепетно выдыхают, и я понимаю, что самое время познакомиться с человеком, которого герцогиня намерена во что бы то ни стало окольцевать.

Глава двадцать четвертая

Мне всегда казалось, что король должен являться миру словно солнце: опалять, одаривать теплом, вызывать трепет своим превосходством и могуществом, и оставаться в памяти навеки, как ожог на коже.

Может показаться смешным что в свои полных восемнадцать я ни разу не видела человека, чьей волей и военными талантами Артания начала укреплять свои границы, и становиться не просто огрызком земли посреди разрозненных баронств, герцогств и земельных наделов самопровозглашенных кланов, а королевством, постепенно набирающим силу, мощь и право диктовать условия соседним государствам.

Но в монастыре не особо в чести никакие портреты кроме ликов Плачущего.

Единственный портрет короля Артании я видела лишь однажды — в фолианте о жизнеописании предыдущего короля. Но на нем Эвин Скай-Ринг был еще ребенком. По правде говоря, с белокурыми локонами и идеально красивым лицом он больше походил на милую принцессу, чем на будущего военного завоевателя.

Так что, моя голова поворачивается вместе с головами остальных, и чтобы хоть что-то рассмотреть, приходится встать на цыпочки и молить Плачущего не позволить мне упасть от слабости, которая поселилась в моих ногах с самого утра.

Он идет уверенной пружинящей походкой.

Спокойно, скользя почти безразличным взглядом по ровному строю девушек.

Это намеренно, чтобы не оскорбить ни одну из титулованных барышень меньшим вниманием или не превознести кого-то заметным интересом? Или ему просто безразлично?

Каждая старается изобразить идеальный глубокий реверанс, но Эвину Скай-Рингу как будто вообще все равно. Мимолетное приветствие, ленивый кивок, шаг к следующей.

С таким же интересом он мог бы разглядывать строй солдат на плацу.

Хотя, возможно, тогда ему было бы даже интереснее.

Но, когда он подходит достаточно близко, чтобы я, наконец, смогла рассмотреть его лицо, приходится непроизвольно пошарить вокруг себя, чтобы найти хоть какую-то точку опоры.

Странно, почему я не подумала об этом сразу.

Ведь если герцог в тот день изображал из себя простого солдата. То его красивый, как бог — Плачущий, прости за святотатство! — мог быть его другом. Тем, ради кого этот судья и палач стришет головы, словно цирюльник. По крайней мере, всю дорогу из салона до замка девушки говорили только об этом, строя теории, для чего королю понадобилось назначить своего головореза главным в таком деликатном и важном государственном деле, как поиск будущей матери наследника престола.

— Гмм... — Этот звуки — единственный, который издает король, когда, наконец, доходит в самый конец ряда, до меня. — Вам нездоровиться, миледи Лу'На?

Этот тот самый красивый «брат» герцога.

Одного его открытого ясного взгляда достаточно чтобы у меня свело дыхание.

А сердце пустилось в галоп, как будто сумасшедшая овечка на цветущем клеверовом лугу.

Он был волшебным красив в одежде простого гвардейца, но в красном мундире с перевязью, узкий, облегающих длинные ноги штанах и высоких сапогах с золотыми пряжками, кажется сошедшим со страниц сказок принцем.

— Миледи? — Он немного наклоняется ко мне, цепляя взгляд словно опытный рыбак — строптивую рыбку.

И только теперь я замечаю, что он нарочно как будто уводит мой взгляд вправо.

Следую за ним.

Все это время я что есть силы сжимаю в кулаке край рукава куртки герцога.

И он в ответ одаривает меня таким холодным негодованием, что я тут же разжимаю пальцы и

оторопело пячусь назад, лишь бы оказаться как можно дальше от этого человека.

Путаюсь в ногах.

Слишком неловко и слишком сразу, чтобы успеть предпринять хоть что-нибудь.

Понимаю, что падаю прямо на спину, но даже не взмахиваю руками, чтобы, не дай Плачущий, снова не вцепиться в чью-нибудь руку.

Меня утягивает назад.

На миг как будто даже слышу легкий свист ветра в ушах...

... и все-таки не падаю, потому что Его Величество король-бог успевает меня поймать.

Двумя руками обхватывает талию, словно у марципановой куколки и притягивает к себе, чтобы восстановить равновесие.

Мои ладони сами собой ложатся ему на грудь.

И все это... так похоже...

Недовольный ропот над головами девушек, непонимающе грустное лицо Орви, ухмылка короля и злой, очень злой взгляд герцога Нокса.

Поздравляю, Матильда, кажется, ты уже вылетела. — Кто-то решил не терять времени, — слышу еле слышимый голос главной фаворитки отбора, и ее «веселую шутку» подхватывает хихиканье остальных.

Может, здесь и будет смертельная конкуренция, как предупреждала герцогиня, но одно ясно — Фаворитке будут подпевать просто потому, что ее голос всегда будет иметь вес и значение. Ей всегда будут пытаться угодить, потому что никто не хочет запомниться будущей королеве неблагодарной, дерзкой и слишком свободолюбивой.

— Кто-то решил, что за грехи отцов дети не в ответе, — поддакивает та блондинка в черной каменной короне, которая кажется старше всех нас. — И решил...

К моему огромному удивлению все это недовольно презрительное кудахтанье прерывает...

Нет, не герцог, потому что он, кажется, всерьез вознамерился испепелить меня взглядом, а вкрадчивое, но очень выразительное женское покашливание.

Откуда-то за спинами всех нас.

У меня от него непреодолимое жаленое отодвинуться подальше и сделать вид, что это не я вишу на шее Его Величества. До того, как меня заклеймят еще более ужасным словами.

— Леди, прошу вас... — Легкая усмешка в голосе. — Что за манеры? Что о вас подумает Его Величество? Что вместо невест ему привезли невоспитанных горничных?

Я бы и рада сказать, что эта короткая речь — в помощь мне, но внутренне чутье подсказывает, что это лишь попытка навести порядок. А я... До меня просто еще не дошла очередь.

Нужно что-то делать.

Что-то... достаточно адекватное в этой ситуации, а не бухаться на колени и вымаливать прощение. Это поступок безродной сиротки-монашки, а герцогиня и наследница огромного приданого, пусть даже дочь предателя короны... как поступила бы она?

Осторожно, стараясь не делать резких движений, снимаю руки с его груди.

Делаю шаг назад, моля Плачущего хотя бы в этот раз не дать мне ни обо что и ни об кого не споткнуться.

Делаю поклон, достаточно низкий, чтобы это было похоже на извинения, но и не превращало меня в бедную овечку. Кто-то снова пытается уколоть тем, что герцогиня явно не приучена гнуть спину, но маркиза и на этот раз успокаивает всех щелчком языка.

— Прошу прощения, Ваше Величество, — говорю искренне дрожащим голосом.

Он же — король.

Он же может просто так сделать... что угодно. Посадить меня в темницу, приказать выпороть или, в

конце концов, просто сейчас же выгнать.

— У меня и в мыслях не было как-то оскорбить вас или...

— Встаньте, герцогиня, — не глядя, приказывает король. — Будем считать это недоразумением.

Я быстро занимаю свое «почетное» место в конце строя и благодарю Плачущего за то, что в этот раз отделалась всего лишь порцией насмешек.

Хотя, может это и преждевременная благодарность, потому что герцог Нокс, следуя за Его Величеством, на мгновение задерживает шаг и, не скрывая издевку, бросает:

— Далеко пойдете такими темпами, юная леди. Думаю, если ваша цель — королевская койка, то Его Величество может удостоить вас такой чести этой же ночью.

Он даже не дает шанса сказать в ответ хоть слово.

И это куда хуже, чем нелепая ситуация, в которую я попала не по своей воле.

Потому что этот «комментарий», хоть и сказан негромко, но все равно услышан моими соседками и, могу поспорить, уже завтра обрстет немислимыми грязными подробностями.

Чтоб ему провалиться, этому герцогу!

Глава двадцать пятая

— Меня зовут маркиза Фредерика Виннистэр, — называется красивая женщина, чей голос до сих пор вызывает у меня желание прикрывать уши руками. — Милостью и волей Его Величества я буду распорядителем этого отбора. Это означает, что все вы теперь находитесь под моей теплой и заботливой опекой, и я сделаю все, чтобы лучшие девушки королевства, а так же принцессы, провели эти дни в достойном их комфорте, почете и со всеми удобствами, положенными их высокому статусу.

Маркиза одета очень... вызывающе.

Мне приходится держать себя в руках, чтобы не перекреститься пару раз, когда она проходит вдоль ряда девушек и как бы невзначай выпячивает грудь с таким декольте, словно торгует этой частью тела.

На фоне нас, без намека на косметику и прическу, одетых в простые белые платья, она выглядит настоящей яркой птицей. Только, пожалуй, слишком уж грудастой. Или так только кажется из-за ее наряда?

— Черный сад, — маркиза элегантно указывает в сторону замка, который кажется слишком огромным, чтобы передвигаться по нему без карты, — готов к вашему заселению. Я покажу вам комнаты. Каждая получит в свое распоряжение служанку. Ваши комнаты будут убирать горничные. Если возникнет потребность в чем-то особенном — вы всегда можете передать мне свои пожелания, и я сделаю все от меня зависящее, чтобы вы это получили.

Никто не смеет ее перебить.

И когда с подготовительными и приветственными речами закончено, маркиза предлагает следовать за ней.

Где-то на бесконечных, ведущих вверх ступенях, я немного отстаю от остальных и вдруг слышу вкрадчивый шепот Орви мне в спину:

— Ваша Светлость...

Немного отвожу голову, чтобы дать понять — я слышу.

— Будьте осторожнее с этими ведьмами. А я буду присматривать за вашей спиной.

Меня раздирает от желания хоть бы на миг сбросить маску, повернуться к нему и сказать, что это я — его Матильда-сиротка, которую он обещал оберегать. И что только ему во всем этом змеином логове я и доверяю. Но... могу ли я?

Герцогиня предупреждала, что любая правда может ударить и по мне, и по тем, кто ее узнает. Если меня поймут на лжи — я понесу наказание. Но Орви не должен нести такой груз. И рисковать своей жизнью и мечтой о военной карьере только потому, что одна монашка струсила и не смогла держать язык за зубами.

— Благодарю, лейтенант, — отвечаю ему таким же осторожным шепотом. — Теперь я знаю, что моя спина в абсолютной безопасности.

Внутри замок просто поражает своими размерами.

Салон Мастера Соула выглядел просто гигантским, но стоит переступить порог Черного сада, и я у меня едва не случается приступ головокружения. Здесь слишком много места, слишком много колонн, которые тянутся куда-то словно прямо в небеса. И вокруг картины, стойки с доспехами, деревья, растущие прямо посреди разбитых тут же маленьких садов.

И еще лестницы. Их так много, будто это муравейник. Или такое испытание храбрости тех, кто рискнет передвигаться тут без помощи проводника.

— Не спешите, мои хорошие, — продолжает «щебетать» маркиза. — Или рискуете превратиться в призрак, которыми Черный сад кишмя кишит.

— Это ведь шутка? — трясется красotka с пухлыми губами, нервно сжимая в руках свой красивый ободок с фрегатом. — Разве души умерших не следует отправлять на Обратную сторону?

Маркиза вскидывает бровь.

Многозначительно прикладывает палец к губам и уже громче просит не отрываться от нее ни на шаг, ради безопасности всех нас и общего блага.

На третьем этаже, лестницы расходятся на три части. Сначала маркиза выбирает пятерых девушек и отводит их в левое крыло, потом забирает остальных и отводит в правое. Остаюсь только я и последний коридор, и это уже не сулит ничего хорошего. Видимо, для дочери предателя короны придумано особое «гостеприимство».

Маркизы нет очень долго. За это время успеваю рассмотреть портрет на стене — мужчина в короне, очень статный, кажущийся молодым, но уже в заметной седине. В его чертах угадывается явное сходство с теперешним королем и, хоть отсюда я не могу прочесть надпись на золотой пластине внизу, нет никаких сомнений, что это — отец Эвина.

Странно, что нигде поблизости нет портрета королевы.

Хотя о ней я почти ничего не знаю, несмотря на то, что прочла уйму книг по истории.

Она была наследницей какого-то обнищавшего рода, правила не долго и умерла родами вместе с младенцем. Но, кажется, это было около двадцати лет назад, а нынешнему королю гораздо больше лет. Так кем же была его мать?

— Ради вашего же блага и если хотите прожить дольше — не повторяйте этот вопрос ни вслух, ни мысленно.

Я резко оборачиваюсь на возникшую словно из пустоты маркизу.

— Прошу прощения, леди Виннистэр, — быстро спохватываюсь, — я просто задумалась.

— Мой дорогая, вам это явно не идет, — не пытается быть вежливой маркиза и молча уходит в средний коридор — самый плохо освещенный из всех.

Я послушно следую за ней.

Здесь очень холодно — резкие и шипящие, словно змеи, сквозняки, пробирают до костей.

Под ногами неприятно хрустит каменная крошка.

Пара светильников на стенах моргают, лишая возможности нормально рассмотреть дорогу вперед. Благо, она тут почти прямая. Лишь с двумя ответвлениями, одно из которых перекрыто тяжелой железной решеткой.

— Ваша комната, леди Лу'На, — останавливается перед дверью маркиза, давая понять, что не собирается тратить на меня любезность, чтобы открыть ее самой. — Надеюсь, вы оцените... ммм... королевское великодушие, которое он проявляет к вам несмотря на все зло и оскорбления, которые ваш отец нанес ему лично.

Что я должна на это ответить?

Ничего.

Поэтому просто толкаю дверь вперед, уже понимая, что «королевская милость» для дочери предателя будет поистине значительной.

В этой комнате темно — свет дает лишь маленькое круглое оконце где-то под самым потолком. Кровать в углу явно не новая, хоть на ней свежее белье, а на тумбе рядом — ваза с цветами.

Еще есть старый шкаф, ковер на полу, скорее для вида, чем для тепла. За аркой справа наверняка купальня.

Зеркало в рост в растрескавшейся каменной раме.

Комната и правда выглядит подготовленной — в этом маркизу не упрекнуть.

Но если сравнивать ее с комнатами герцогини... Плачущий, да в ее замке даже слуги жили в тепле и большем уюте.

Все это — попытка щелкнуть по носу, показать дочери бунтовщика, кто она и где ее место.

Горло сдавливает от желания высказаться, но стала бы герцогиня унижаться до мелочных склок?

Я, как умею, распрямляю спину, улыбаюсь, хоть зубы сводит от отвращения к этой «королевской милости» и, не подав виду, благодарю:

— Передайте Его Величеству мою благодарность, леди Виннистэр. Я более чем всем довольна.

Маркиза прищуривается и впервые, пусть и ненадолго, маска показного радушия сползает с ее

красивого лица.

Так что громкий хлопок дверью, пусть и маленькая, но компенсация за эту порцию унижения.

Глава двадцать шестая

Герцог

Моя комната находится на втором этаже и, хоть она обставлена более чем идеально, я не могу отделаться от мысли, что это все равно ниже, чем мне бы хотелось. В своем родовом рассаднике термитов и пауков, я сплю в комнате под самой башней, и чувствую себя отлично под завывания ветра и скрип балок на крыше. А здесь...

Осматриваю огромный, выложенный черным гранитом и мрамором камин, в котором красивым «домиком» сложены дрова, и думаю о том, что камин, впрочем, может стать хорошей заменой.

Еще у меня просто огромных размеров кровать на возвышении, шкаф, явно для женского барахла, потому что в моей дорожной сумке всего пара мундиров, сорочек и еще два комплекта сменной одежды и белья, и это едва ли займет десятую часть этого огромного деревянного пылесборника, но не вытаскивать же его. В крайнем случае, если меня снова доконает боль в коленях, разберу его на доски и буду греться.

Я как раз даю поручение служанке, отутюжить и развесить мои вещи, когда на пороге комнаты мелькает знакомое кроваво-красное платье и выдающаяся грудь в нем. Хотя скорее уж за его пределами — так все это выглядит.

Не помню, чтобы приглашал ее или дал повод думать, что захочу провести пару минут в ее компании перед тем, как отойти ко сну.

Хотя...

— Маркиза, — «рисую» повседневную вежливую улыбку. — Полагаю, раз вы здесь, королевские невесты уже отдыхают в своих комнатах?

— Именно так, герцог.

С моего молчаливого одобрения, входит в комнату. Осматривается, изображая заботливую и привередливую хозяйку и от моего внимания не ускользает тот факт, что служанка, схватив мои вещи, старательно откланивается и чуть не пробкой вылетает за дверь.

— Что вы с ними делали, маркиза? — не могу удержаться от замечания.

— Провела воспитательные меры, — пожимает плечами она, и я снова на короткое мгновение позволяю себе насладиться видом ее выдающейся груди. Причем делаю это настолько нагло, что маркиза, конечно же, замечает.

— Считаете мой наряд слишком смелым? — интересуется она, проходя мимо, и останавливаясь около кровати, которую почти ласково поглаживает рукой.

— Считаю, что женщина, умеющая использовать свои главные достоинства, заслуживает восхищения, — не теряюсь с ответом.

Любая другая женщина была бы рада услышать комплимент такого толка, но только не ручная мартышка Тайного совета. И маркиза не скрывает своего недовольства. Во всяком случае, когда усаживается на кровать и поднимает на меня взгляд, я на долю секунды чувствую себя игольницей в руках раздосадованной портнихи.

— Мое главное достоинство, герцог, гораздо выше, но не все мужчины способны принять и признать тот факт, что под красивой прической у женщины так же находится еще и голова, которой она умеет думать.

— Благодарю за урок физиологии, маркиза. — В шутку кланяюсь.

— Может, мы перейдем на «ты»... Рэйвен? — вдруг предлагает она. — Раз уж нам предстоит долго и плодотворно вместе трудиться на благо короны и государства.

Я бы от всей души высказал все, что думаю о «плодотворном труде» тайного совета, но вскрывать карты еще толком не начав партию — это совсем не интересно. А раз уж Эвин решил устроить мне такие невеселые каникулы, буду развлекать себя сам.

Впрочем, как обычно.

— Нет, маркиза, — отвечаю я.

— Нет? — переспрашивает она.

— Не хочу портить наше плодотворное сотрудничество и опозлять его неуставными отношениями, — поясняя свой ответ. — Я старый солдат, люблю правила, порядки и протоколы.

— Вы, герцог, хитрый бюрократ! — Фредерика сопровождает свою, как ей кажется, удачную издевку, грудным смехом, который, конечно же, придает еще больше пикантности ее выдающейся груди. — Но я действительно искренне считаю, что нам нужно постараться и найти общий язык. Каждый будет отвечать за свою часть работы и взаимный обмен информацией так или иначе не будет лишним ни мне, ни вам.

В тот день, когда я хотя бы на миг допущу возможность такого сотрудничества, я с чистой совестью сдам свои обязанности преемнику, толкну ему циничную, грязную, но правдивую напутственную речь и увезу свои старые промерзлые кости в родовое гнездо Ноксов.

А пока, пожалуй, нужно подумать, как воспользоваться этим «топором войны», который мне пытаются всучить в руки прежде чем с чистой совестью исподтишка всадить в башку.

Делаю вид, что размышляю над ее предложением. Причем, уже полностью интуитивно, зная, какие сигналы нужно подавать, чтобы маркиза поверила, будто я настолько «влип» в ее декольте, что поверил в эти благостные речи о счастье короны.

— Неужели Глава Тайного совета наделила вас настолько широкими полномочиями, маркиза, что вы вот так, преспокойно являетесь в логово врага и предлагаете ему ветвь мира? Не боитесь, что Альберта сживет вас со свету?

Маркиза немного наклоняется вперед, видимо желая закрепить эффект «декольте».

«Я весь ваш, Фредерика!» — надеюсь, что именно это сейчас орет мой жадный взгляд.

«Надеюсь, возня с тобой будет того стоить», — мысленно иронизирует моя темная, навсегда испорченная демонической кровью душонка.

— Я в состоянии сама принимать решения, — фыркает маркиза.

И вот это уже ее личное.

Первая вежа, которую я заслуженно записываю в счет своей первой блестящей победы.

Она слишком тщеславна и слишком хочет власти, как и всякая женщина, которая долго подчинялась тирану-мужу. Ну это же настолько очевидно, что отсутствие хотя бы элементарных попыток скрыть свой самый страшный грех, делает маркизу пусть и сочной, но почти не интересной добычей.

— Ваша решительность, леди Виннистер, делает вам честь, — сдержано, но все же хвалю я.

— Кстати, герцог, довольны ли вашими апартаментами? — резко меняет тему маркиза. — Я лично проследила за тем, чтобы кровать доставили из лучшей мастерской столицы. И, конечно, каждый стежок на этот покрывале, — ведет по вышивке длинным ногтем, — выполнен лучшими швеями королевства.

— Куда больше я ценю вашу заботу, — улыбаюсь и решительно шагаю к ней.

Маркиза охает, когда я нависаю над ней всем своим ростом, давая понять, что сейчас я заинтересован не в нитках и деревяшках, а в возможности проверить «лояльность» члена Тайного совета.

— Могу ли я... — начинаю красивую соблазнительную речь, но громкий женский крик заставляет нас обоих в унисон задрать головы. — Что это, демон задери, такое?

Маркиза поджимает губы, поднимается, снова мажущим касанием скользая грудью по моей руке, но сейчас это вообще не впечатляет.

У меня всегда прекрасно работала интуиция. А с годами я отточил внутренний нюх до идеальной остроты. Так что, готов спорить на все свои заслуги перед короной, что этот громкий вопль принадлежит той маленькой монашке.

То есть, стоп, Рэйвен.

Мелкой герцогине-стерве.

Я успеваю первым выбежать из комнаты, в несколько прыжков поднимаюсь по лестнице.

Конечно, герцогиня на этом отборе — пятая нога у старого мерина, но только потому, что у нее

особая роль. Написанная лично мной и одобренная Эвином. И роль эта абсолютно не предполагает рождение наследника.

Но чтобы вот так, сразу, в первый же день...

Это будет слишком подозрительно, и точно не принесет пользу. Скорее наоборот — до поры до времени всем будет лучше, если мелкая дрянь будет сыта, довольна и «прощена» милостью Его Величества.

По крайней мере тогда ее «внезапная» смерть точно не вызовет никаких подозрений.

Глава двадцать седьмая

— Ради Хаоса, маркиза, надеюсь, у вас есть разумное объяснение этому...!

То, что я вижу, когда Фредерика проводит меня длинным сырым и вонючим коридором, вызывает желание немедленно снести пару голов. Не важно чьих, но лучше бы причастных к происходящему.

Конечно, у Тайного совета в этом отборе уже давно есть своя «ставленница» и я уверен, что почти угадал одну из двух, которые выбрал бы я сам, если бы преследовал их цели. И, конечно, маркиза получила указания на этот счет. В том числе о том, как вставлять соперницам палки в колеса.

Но вот ЭТО слишком даже для мелкой заразы Лу'Ны.

Сырая, холодная, убогая, больше похожая на темницу комната в той части замка, который больше всего пострадал после штурма.

Ничего удивительного, что рано или поздно крыша здесь просто рухнула.

Причем, одна из тяжелых каменных плит торчит в кровати, словно лезвие гильотины, и до сих пор удерживает пришипленный острым краем кусок ткани.

Того же цвета, что и домашнее платье на герцогине, которая трясется в углу словно осиновый лист, кое-как пытаюсь прикрыть голые до самых колен ноги.

Сложить одно и другое, и сделать выводы — задача на один щелчок пальцев.

Но мой мозг немного туманится, потому что вид этих круглых маленьких коленей, покрытых еле заметными золотистыми веснушками, заставляет думать о... разном... непотребном.

Бездна ее задери!

— Леди Виннистэр, — ледяным тоном еще раз интересуюсь я, — немедленно жду ваших вразумительных объяснений, как так случилось, что герцогиня Лу'На оказалась в этом клоповнике, и в результате этого ее жизнь подверглась риску!

Маркиза нервно и недовольно поджимает губы, но не торопится с ответом.

Я и так знаю, что она скажет, потому что тут достаточно самых элементарных умозаключений, на которые я способен даже несмотря на то, что взгляд то и дело норовит опуститься вниз, туда, где из дыры в платье, просвечивает белая кожа на стройных ножках.

Совершенно точно, эта «ужасная случайность» не может быть случайностью априори. Нет, мизерный шанс на это я бы все же оставил, если бы речь шла о спальне в другом крыле или если бы это была постель любой другой кандидатки. Но тут и лешему понятно, что рухнувшая крыша должна была превратиться в не очень симпатичное надгробие для герцогини. Что-то такое я и сам планировал устроить, но только если других вариантов не останется.

Но, совершенно очевидно, что ни я, ни Эвин — он вообще ясно дал понять, что его интересует лишь результат, а о средствах он предпочитает даже не знать — не приложили к этому руку.

Так что, маркиза явно выполнила приказ своих «хозяев».

Но, как любая слишком дерзкая женщина, думающая, что за ее спиной стоит целая силища, поторопилась.

И сейчас лихорадочно пытается придумать оправдание, которое отведет удар теперь уже от нее самой.

— Я... полагаю, это просто недоразумение, — наконец, говорит она, и очень сильно падает в моих глазах.

Демонов корень, маркиза, а как же ваши смелые утверждения о том, что вот той болванкой, на которой у вас красивая, должен признать, прическа, вы умеете думать? Вы бы хоть ради приличия попытались изобразить мыслительный процесс!

Прежде чем устроить разнос тумачков, все-таки обращаю свой взгляд на герцогиню.

В этом платье в мелкий цветочек, с расслабленной на груди шнуровкой и распущенными по плечам волосами, переступая с ноги на ногу на холодном полу, она выглядит такой... подходящей жертвой, что порочная кровь в моих венах начинает медленно вскипать, доводя меня до той опасной грани, после которой я вполне могу потерять контроль. Когда это случилось в прошлый раз, я проснулся в

борделе, в компании шести голых девиц, которые едва были способны шевелиться.

Спокойно, Рэйвен, просто сосредоточься на том, что папаша этой мелкой бестии, нанял дрессированных Хлестателей, которые чуть не содрали с тебя кожу. И что ее красивые глаза — это его глаза. И что, в общем, будь ее воля, она бы не отказалась видеть тебя под этой плитой, аккуратно — ну или не очень — разрезанного пополам.

— Я... не знаю, что... должна... — испуганно шепчет герцогиня.

— Какие-то предположения, что могло послужить причиной этого бардака на вашей постели? — наседаю я, чтобы поскорее решить эту проблему, которая компрометирует и мою компетентность в том числе.

— Не уверена, что...

— Ради богов, юная леди, не могли бы вы сделать усилие и попытаться включить вашу голову!

— Я читала, милорд Куратор! — вдруг выпаливает она. — И собиралась отойти ко сну! Мне и в голову не могло прийти смотреть в потолок и размышлять о том, что если так случится и он рухнет мне на голову, будет ли это намеренная попытка меня убить или просто ужасная случайность!

Она тяжело дышит.

Ее губы слегка приоткрыты, а глаза распахнуты и буквально искрятся праведным гневом.

Я снова готов спорить даже на свою длинную жизнь, что передо мной — та монашка с телеги, чтоб ее Бездна взяла!

— Герцогиня Лу'На! — громко вторгается в нашу перепалку маркиза. — Вы повысили голос на герцога?! Да что вы...!

— Леди Виннистэр, — останавливаю ее жестким холодным тоном, который, абсолютно в этом уверен, ломал хребты даже суровым мужикам, заставляя их опускать взгляд и трястись от страха, — я не понимаю, отчего вы до сих пор здесь, а не заняты подготовкой новой комнаты?

Она пятится к двери очень быстро.

Приятно быстро, я бы сказал.

— Да, Ваша светлость, я немедленно...

— И постарайтесь, чтобы в этот раз у леди Лу'На были апартаменты, приличествующие ее высокому статусу и происхождению. Уверяю вас, маркиза, прежде чем герцогиня войдет в них, я лично проверю каждый угол.

Она выходит, и нервное торопливое цоканье каблуков дает надежду на то, что по крайней мере какое-то время эта выскочка Тайного совета будет помнить, что если уж влезла в чужую игру, то для начала следует выучить хотя бы базовые правила.

Ну да Бездна с ней.

Самое время вернуться к жертве.

То бишь — к малышке герцогине и ее злющим глаза.

Но лучше бы конечно к ножкам, и вообще...

Я снова мысленно прикрикиваю на своих демонов, поворачиваюсь — и почему-то натываюсь на мелкие босые ступни, которыми герцогиня чуть не отбивает энергичный басский танец.

Очевидно, от холода.

— Бездна, дай мне терпения, — ворчу себе под нос, шагаю к окну, рывком сдергиваю плотную занавеску.

Накидываю ее на плечи девчонки, заворачиваю ее так, чтобы наружу торчал только нос.

Это — для ее же безопасности, пока я еще не сорвался и не натворил такого, о чем придется пожалеть.

— Что вы делаете, милорд? — испуганно шепчет герцогиня, когда подхватываю ее на руки и выношу прочь из комнаты.

— Собираюсь вас поджарить, конечно же, — не могу удержаться от шутки.

Хотя, учитывая nepотpeбный характер мыслей в моей голове, это слово носит совсем другой подтекст. Абсолютно точно не имеющий ничего общего с кухней.

— Эта крыша совершенно точно упала не по моей вине, — хлопает глазами она.

— Я бы очень удивился, реши вы свести счета с жизнью таким негуманным способом.

— Тогда что вы... намерены со мной делать, милорд Куратор?

Почему-то хочется услышать, как она назовет меня по имени — Рэйвен.

Но к бесам все.

Это просто обзленная девица, очень хорошо — идеально, безупречно! — прикрывающая ненависть маской смирения и невинности.

И все же, герцог я или как?

— Вам нужно где-то провести ночь, юная леди. Полагаю, моя комната для этого отлично подойдет.

Ох уж эти вспыхнувшие щеки!

Так бы и сожрал ее вместе с ними.

Пожалуй, пойду-ка я чуть медленнее.

Глава двадцать восьмая

Сиротка

Если герцог пронесет меня вот так еще хотя бы десяток шагов, то мое несчастное тело совершенно точно сгорит, обуглится и вообще превратится в прах.

Меня никто и никогда не брал на руки.

Только когда схватил живот, наставница отнесла в телегу, но я была ребенком, а наставница волокла меня на спине, словно оглоблю, и не было в этом ничего, кроме желания поскорее отмучиться.

А сейчас я словно заяц в волчьих лапах — даже пискнуть страшно, не то, что пошевелиться.

Хотя, герцог скрутил меня на славу — хорошо, что могу хотя бы дышать.

Правда, через раз, потому что по телу проходят совершенно непонятные и незнакомые мне судороги, от которых сердце заходится в сумасшедшем галопе.

Даже через плотную кань шторы невозможно не почувствовать крепкую мужскую грудь, на которой я почти что размазана, словно подтаявшее масло.

И где-то в этой груди бьется сердце — сильно, уверенно, жестко.

Как будто не живое, а одно из тех, которые суют в грудь марионеткам и механикусам.

Мне даже хочется сильнее прижаться ухом, послушать — точно ли там не щелкают шестеренки?

Но герцог, наконец, замедляет шаг перед красивой резной дверью, пинком открывает ее и останавливается посреди богато отделанной комнаты.

Только теперь я понимаю, насколько убогой и неподготовленной была моя.

Как написано в Томе Мудрости: посмотри на плод — и он покажется тебе свеж, посмотри на тот, что свежее — и узнаешь, что первый испорчен и прогнил.

Герцог ставит меня на пол.

Я, конечно же, теряю равновесие, потому что чувствую себя тем одноногим рыцарем из сказки.

Герцогу же явно по душе мое замешательство и шаткое положение, потому что он как ни в чем не бывало тянет за край занавески, заставляя меня снова буквально упасть на него.

— Милорд Куратор, вы не могли бы...! — От стыда не могу закончить мысль.

И еще потому, что за расстегнутым мундиром и распахнутым воротом белоснежной сорочки, видна смуглая шея, глубокая ямочка у ее основания и ниже — треугольник крепкой мужской груди.

Перечеркнутый тонким старым шрамом.

Шрамы — это же... нормально, когда мужчина служит капитаном элитной королевской гвардии? Это — самая сильная линия обороны и защиты Артании, те, кого Его Величество отобрал лично и кому не задумываясь доверяет свою жизнь, кого сам ведет в бой, если защита государства отказывается под угрозой.

Наверное, герцог часто бывал на поле боя.

Наверное, этот шрам...

— Что-то вы притихли, юная леди, — нависает надо мной насмешливый простуженный голос и я, чтобы снова не начать шататься, кое как высвобождаюсь из занавески, придерживая ее вокруг, словно плед.

Герцог внимательно следит за каждым моим движением, прищуривается, стоит сделать шаг назад. На всякий случай оглядываюсь и быстро шархаюсь в сторону камина.

Боги праведные, там же... кровать!

Герцог что, правда решил, будто я...

В памяти всплывают слова, сказанные им накануне, по поводу моего рвения и королевской постели.

— Я еще не испытывал ее удобство, — ухмыляется герцог, лениво скрещивая руки на груди, — но маркиза уверяла, будто это ложе — одно из лучших, какие только можно приобрести за золото.

— Не сомневаюсь, — неуверенно говорю я. — Леди Виннистэр определенно высоко ценит вашу... персону, — наконец, подбираю, как мне кажется, самое безопасное слово.

— Вы так думаете?

— Да, — в придачу зачем-то еще и киваю.

Рядом с ним неуютно.

Хотя нет. Неуютно было на той телеге, когда он смущал меня непотребными разговорами и намеками, неудобно было, когда подстрекал насмешками, когда язвил насчет моего рвення и королевской постели.

А сейчас, когда пространство вокруг нас ограничено четырьмя стенами, мне... ужасно и горячо одновременно.

Пару лет назад, когда вольные каперы Ригии напали на соседние с монастырем поселения, я нос к носу столкнулась с одним из них — ужасным, в черной маске с огромными стеклянными окулярами. Я тогда пыталась перевязать раненного гвардейца, и не заметила, как капер спикировал прямо на нас. Помню, что за те пару мгновений, что я пыталась справиться со страхом, он ухмылялся и готовился бросить на нас маленькую сверкающую сферу.

Тогда я думала, что умру.

Вот точно умру — и ничего меня не спасет.

К счастью, гвардеец успел закрыть нас Аспектом защиты, хоть это и стоило ему жизни.

Но и тогда я не испытывала такого страха, как сейчас.

И уж точно в груди так не жгло, будто... что-то там разгорается, стоит нашим взглядам встретиться.

Нужно немедленно уносить ноги, пока я не выдала себя какой-нибудь глупостью. Если настоящая герцогиня — дочь предателя короны и герцог так презрительно к ней относится, что позволяет отпускать скабрзные шуточки в присутствии других леди, то вряд ли бы она стала пользоваться его внезапной помощью.

Значит, и мне нельзя.

Хоть, признаться, от одного вида этой кровати меня обуревают желание забраться под одеяло и как следует выспаться.

— Спасибо за помощь, герцог, — легко и сдержанно кланяюсь, — но я не могу злоупотреблять вашим гостеприимством.

Шагаю к двери — к счастью, она открыта и моя репутация хотя бы отчасти не скомпрометирована. Пока герцог нес меня сюда на руках, мы не повстречали ни единой живой души, но вряд ли новость о том, что он приволок в свою спальню одну из кандидаток, покроется пылью и канет в лету. Ведь даже у стен есть уши.

— Далеко собрались, юная леди? — посмеивается мне в спину герцог. — Вы в курсе, который сейчас час?

Я смотрю на стоящие в углу песочные часы — две огромные хрустальные колбы в витиеватой серебряной подставке. На циферблате, который расположен над верхней — семнадцать минут после полуночи. Ничего удивительного, что замок был пуст, когда герцог нес меня в свою комнату.

Но, на мой крик, они с маркизой пришли вдвоем.

Хотя постель и в полном порядке.

Я прикусываю себя за щеку изнутри, чтобы сдержать неуместный вздох.

Мне-то какое дело, чем они тут занимались!

— Я подожду пока маркиза подготовит мне комнату, — отвечаю, но боюсь ступить за порог.

— Где, позвольте поинтересоваться?

Так и хочется бросить ему в лицо: «А вот и не позволю, и не вашего ума это дело, и что вам вообще»

от меня нужно?!» Но сдерживаюсь, потому что настоящая герцогиня вряд ли позволила бы себе такие неуместные грубости.

— Я видела гостиную между третьим и вторым этажом, полагаю...

— Полагаю, герцогиня, — перебивает он, — вам следует подтянуть ваши знания истории.

Что? При чем тут история?

Глава двадцать девятая

Пока я, уже совсем ничего не понимая, продолжаю мяться у двери, герцог, как ни в чем не бывало, заваливается в кресло и вытягивает ноги к огню. Его вообще не смущает, что он сидит в присутствии стоящей дамы, а также, что сидит от к ней спиной.

Или это нарочитое выражение «особого отношения» к герцогине Лу'На?

— Три года назад Черный сад принадлежал одной знатной, но очень нелояльной к короне семье, — немного с ленцой и нотками менторского тона, начинает герцог. — Его Величество, как мудрый правитель, сделал этой семье некое предложение, само собой, по-королевски щедрое. Семья имела глупость и смелость отказать, и Его Величеству пришлось сделать то, что необходимо — показать, что в его королевстве нет и не может быть вассалов, не готовых прислушиваться если не к здравому смыслу, то хотя бы к элементарным инстинктам выживания.

Несмотря на то, что герцог говорит все это не повышая голос даже на полтона, я чувствую ползущий по спине неприятный холодок.

— Случилась небольшая потасовка, — продолжает герцог, немного, едва заметно, поворачивает голову в мою сторону, — и жертвы.

Плачущий, помоги.

Я потихоньку осеняю себя охранным знаком и мысленной скороговоркой прошу милосердия для умерших.

— Что вы там бормочете, юная леди? — Теперь он сидит так, что я хорошо вижу его профиль: точеный ровный нос, длинные ресницы, выразительные высокие скулы. — Уж не молитву ли? Вы это бросьте, или я решу, что несмотря на королевское прощение, вы все еще на стороне тех, кто считает короля недостойным трона.

Сейчас даже задумываться не хочу, что все это значит, и даю себе зарок не открывать рот и не произносить ни звука, даже если герцог вздумает размозжить мне голову.

— Так вот, юная леди, — урок истории — или послушания? — продолжается. — Пострадали не только обитатели Черного сада, но и сам замок. Некоторые башни были разрушены боевыми машинами Его Величества, некоторые стены были полностью уничтожены. Как вы знаете, умерших следует отправлять на Обратную сторону в срок до трех дней. Но многие тела оказались под завалами и, увы, даже лучшим Проводникам не удалось избавиться ото... всех не упокоенных.

Я вздрагиваю и потихоньку пячусь обратно в комнату.

— Надо признать, маркиза Виннистер буквально сотворила чудо, превратив руины в пригодное для проживания место, но одно дело — организовать ремонтные работы, и совсем другое — избавиться от голодных злых призраков. Второе ей не по силам. Так что, если не хотите повстречаться с одним из тех, кто горит духом мщения и жаждой поживиться первой встречной жизнью, искренне советую не бродить одной по замку после полуночи.

Мелким шагом, практически, вплотную к стене, пробираюсь вглубь комнаты, туда, где между окном и шкафом расположена тахта.

Призраки? Здесь? Он это серьезно?!

Это вообще законно?!

— Разве призраки не несут угрозу жизни кандидаткам? — все-таки рискую заговорить, и стыжусь, что этот мерзавец нагнал на меня такого страху, что теперь зуб на зуб не попадает. — Разве это не противоречит правилам?

Герцог Нокс запрокидывает голову и негромко, но явно от души смеется.

— Если кандидатка будет шляться по замку после полуночи и повстречает призрака, то в том случае, если она каким-то чудом уцелеет, прежде чем предъявлять претензии Короне, девице сперва придется объяснить, какого дьявола ей не спалось в своей постели.

Мне кажется или он правда считает это интересным решением в пользу того, чтобы заставить девушек максимально соблюдать правила приличия?

Хотя нет, он, по-моему, абсолютно доволен своей выдумкой.

— Юная леди, не составит ли вам труда помочь старому вояке? Раз уж мне предстоит ночевать где

придется, а не в этой роскошной постели.

Я, подумав, подхожу ближе, но все равно стараюсь держаться от него подальше.

Если этот странный тип считает призраков — средством обеспечения безопасности, одни Боги знают, что там еще у него в голове.

— Разведете огонь? — Герцог кивает на аккуратно сложенную стопку дров.

Мысленно выдыхаю, присаживаюсь перед камином на колени и берусь за дело.

Мне это — как раз плюнуть.

В монастыре такому учили еще с детства: все послушницы должны уметь обращаться с огнем кухонной утварью, уметь готовить и штопать, и вспахивать поле. И еще много чего.

— Скажите, леди Лу'На, — мне в затылок спрашивает герцог, и тут же напрягаюсь, едва не пропустив выскочивший из очага уголек. Быстро стряхиваю его в порванного подола обратно в камин, мысленно гадая, чего ждать на этот раз: еще один урок истории или...? — Довольны ли вы вашей нынешней жизнью?

Простой вопрос.

И настоящая герцогиня без заминки на него бы ответила.

А что говорить мне, если я даже не представляю, как живетя дочери предателя короны? Если она даже ни словом об этом не обмолвилась, хоть мы проводили вместе каждый час каждого дня всю ту неделю, что я жила в Горностаевом приюте и разучивала премудрости богатой жизни?

Думай, Матильда, думай, иначе Палач Его Величества еще быстрее придумает, куда насадить твою бедную головушку.

О чем там судачили девушки? Вспоминай!

Я делаю вид, что от ответа меня отвлекает исключительно попытка поддать жару в огонь и энергично орудую кочергой, переворачивая дрова так, чтобы огонь расползся на соседние поленья.

Кажется, кто-то сказал, что после неудачного заговора, часть земель казненного герцога отошли короне. И еще было что-то о расстроившемся браке, потому что семья жениха отказалась брать в семью негодную кровь.

Герцогиню Лу'На не очень-то жалуют, если не сказать — позволяют в открытую над ней насмеяться. Причем даже те, кто явно ниже ее по классу. Маркиза, опять же, определила ее в самую ужасную комнату. И этот внезапно рухнувший потолок...

Я подавляю внезапный приступ дрожи, вспоминая, как чудом перекатилась на другой край постели как раз в тот момент, когда на голову упали тяжелые балки и каменные плиты. Случись это парой мгновений раньше — я была бы уже мертва.

— Так сложно ответить? — немного раздраженно поторапливает герцог, подвигаясь ближе, чтобы устроить пятки на небольшом приставном стульчике рядом с каменной решеткой.

— Полагаю, Ваша Светлость, вам известен ответ на этот вопрос, — говорю я.

— Я не предлагаю вам полагать, что мне известно или неизвестно. Просто ответьте. И, ради Хаоса, перестаньте мешать дрова, словно кашу в котле — теплее от этого не станет.

Приходится отложить кочергу.

Хочу встать, но герцог останавливает властным:

— Нет, герцогиня, оставайтесь там.

Взглядом показывает, что ему нравится моя почти коленопреклоненная поза, потому что, если посмотреть со стороны, все так выглядит, будто одна опальная герцогиня бухнулась в ноги всесильному надменному мужчине.

Даже мне это неприятно, а герцогиня, наверное, уже метала бы гром и молнии.

— Не примите на свой счет, юная леди — я просто потянул шею и предпочитаю смотреть на вас сверху вниз, а не на оборот. — Он немного жмурится, и снова не пытается скрыть, что целиком доволен ситуацией и моим унижительным положением. — И так, повторю вопрос — всем ли вы

довольны сейчас?

Я, хоть и сижу почти что у его ног, словно ручная собачонка, все же распрямляю спину и вздергиваю подбородок. Герцогиня без конца повторяла: подбородок держать приподнятым, держать лицо и гордость, потому что гордость — это оружие женщины.

Единственное, которое у меня вообще есть.

Глава тридцатая

— Я всем довольна, герцог, — отвечаю, стараясь выдержать ровный тон. Нельзя показывать слабость и тем более нельзя показывать недовольство. Дочери предателя королевской милостью сохранили жизнь — это самое важное. — У меня есть крыша над головой, есть деньги, чтобы жить и еда, чтобы не умереть с голоду. Многие люди Артании не владеют и малой частью этого.

Вот так, кажется, в самый раз.

Герцог прищуривается и его темные глаза изучают меня так пристально, что хочется плотнее закутаться в занавеску.

— И вам не смущает, что корона отхватила самый лакомый кусок пирога с вашего стола?

О чем он говорит?

Те земли, о которых шептались кандидатки — он был таким важным?

— Я рада, что король решил воспользоваться им с большей пользой, чем мой покойный отец, — говорю почти наобум, тыкая иголкой в стог сена.

Плачущий, пусть он скажет хоть что-то, даст хоть какую-то подсказу, пока я не наговорила на смертный приговор.

— Король всегда отличался мудростью, — многозначительно отвечает герцог. — А еще милосердием и терпимостью.

Почему мы вдруг заговорили о короле?

— Просто чтобы вы понимали, юная леди. — Герцог так резко меняет положение, что я даже не понимаю, почему вдруг его лицо — над моим, и почему тень от его мощной рослой фигуры закрыла тусклый мельтешащий свет где-то за его спиной. — Никто и никогда не забудет «заслуги» вашего отца. И то, что вы оказались в числе претенденток, никак не отменяет того факта, что кости вашего отца гниют в неизвестной могиле и никогда не будут возвращены в родовой склеп.

Я просто теряю способность мыслить, когда он так близко.

Та странная горечь в крови, которая подталкивала бежать от него куда глаза глядят, становится такой сильной, что я с огромным трудом проталкиваю в горло вязкий липкий ком паники.

— Милорд, вы...

Хочу сказать «слишком близко», но он наклоняется еще ниже и на этот раз огонь освещает его лицо, бросая острые резкие тени на смуглую кожу, впалые щеки и губы, сжатые в тонкую линию презрительной усмешки.

Мои глаза округляются, когда он сбрасывает на пол мундир, заводит за спину руки и грубо, так что ткань трещит по швам, стаскивает рубашку.

Что он собирается делать, боги меня сохрани?!

И только через минуту, когда мой взгляд непроизвольно спускается ниже его шеи, я начинаю понимать, что герцог пытается мне сказать.

Вернее, показать.

Боги, это просто... ужасно.

Человек правда может выжить после... этого?!

Его грудь, плечи, руки и даже живот покрыты рваными ожогами и шрамами. Их столько, что кажется, будто все это — просто искусно сшитый костюм, подогнанный к телу один к одному, стежок к стежку. Шрамы старые — это хорошо видно по их плотности, толщине и цвету, который теперь едва ли сильно темнее самой кожи. Той ее небольшой части, которая видна за всем этим ужасом.

Герцог грубо хватая меня за запястье, тянет вверх, заставляя встать на ноги.

Поворачивает спиной к огню, и я, чтобы не закричать, залепляю рот сразу двумя ладонями.

Спина вся исполосована. Его не то, что хлестали плетью.

Его словно пытались лишить кожи, так плотно и мастерски лежат шрамы — вдоль и поперек, до самой поясницы и ниже, убегая за пояс штанов.

«Плачущий, спаси его душу...» — мысленно шепчу слова прощения, но герцог снова поворачивается ко мне, и на этот раз грубо хватает меня за лицо, сжимая щеки пальцами, будто вознамерился раздавить мой череп.

— Что, юная леди, вам не по душе такое не приятное для ваших благородных глазок зрелище? — зло шипит сквозь зубы, наклоняясь к моему лицу слишком близко.

Дышит прямо мне на губы.

Я пытаюсь освободиться, потому что кровь буквально загорается под кожей.

Мне очень страшно.

Очень-очень страшно.

Ужас сковывает волю, не дает трезво мыслить, контролировать себя.

Что, если случится одна из тех «странностей», и я случайно разобью стену или, еще лучше, подожгу герцогу руки? Он точно не станет молчать и с радостью передаст меня в руки Инквизиции.

Плачущий, помоги...

— Вы делаете мне больно, герцог, — пытаюсь сказать хоть что-то, но в ответ он склоняется еще ближе, и я теперь между нашими губами расстояния меньше, чем между моими ладонями во время молитвы!

— Я? Вам? — Он как будто наслаждается моей беспомощностью, смакует ее. — Герцогиня Лу'На, помните тот день, когда я стал таким «жгучим красавцем»? Помните, что вы тогда делали?

Я сглатываю.

Интуиция подсказывает, что на этот вопрос лучше не отвечать.

Что сейчас вообще лучше просто молчать и делать вид, будто я не хочу отвечать на его вопросы из упрямства и гордости.

— Хорошо, я не гордый — могу и напомнить.

Хватка на моих щеках внезапно слабеет.

Но герцог не убирает руку, а опускает пальцы ниже, к подбородку. Поглаживает его подушечкой большого пальца, поднимает выше, очерчивая линию нижней губы.

И еще выше, чтобы закрыть пальцем мой распахнутый в немом возмущении рот.

— Вы стояли рядом с вашим любимым отцом, юная леди. Такая маленькая, такая... еще почти ребенок. Стояли и улыбались, — он уводит палец в уголок моего рта, чуть с нажимом приподнимая его вверх, как будто хочет сам «сделать» ту же улыбку. — Улыбались, когда Хлестатели, по приказу вашего отца, сдирали с меня кожу шипастыми плетками.

По моему телу проходит дрожь.

Этого не может быть.

Никто в здравом уме и вере в богов не сделает с человеком... подобное.

— Вы улыбались, когда меня растянули на кресте и палачи вашего отца прижигали меня всякой дрянью. — Герцог почти-что рядом с моим ртом, его губы так близко, что я не понимаю — целует он меня или только собирается? — Каждый раз, когда я терял сознание от боли, надеясь, что сдохну и мучения прекратятся, но меня снова и снова окатывали водой, знаете, что я видел? Смеющееся лицо вашего отца и улыбку его милой дочурки.

Если бы герцогиня сказала мне об этом, я бы никогда не стала ею даже на мгновение.

Может быть... мне нужно признаться?

— Потому, леди Лу'На, — герцог улыбается одними губами, и тени от огня в камине делают эту улыбку нечеловеческой, зловещей, — я никогда не смогу забыть того, что сделало ваше сраное семейство. Даже если бы хотел — а я, поверьте, хотел бы — все равно не смогу. И никогда не прощу ни вас, ни людей, которые были настолько глупы и беспечны, что протянули вам руку помощи.

Мысль о признании мгновенно умирает под каменным молотом этого обещания.

Я, простая послушница, тоже помогла герцогине и стала добровольной соучастницей чудовищного обмана.

И я даже не смогу сказать ни слова в свою защиту, потому что тогда мне прямая дорога в лапы инквизиторов, которые вряд ли будут гуманнее и человечнее, чем этот истерзанный мужчина.

И все же, он не отстраняется, хоть ненависти и презрения в его голосе столько, что ими запросто можно наполнить самый бездонный колодец Артании. Его пальцы так нежно поглаживают мою щеку, что я перестаю понимать происходящее.

Он хочет меня убить или... поцеловать?

Резкое и как будто удивленное покашливание за нашими спинами заставляет нас обоих отпрянуть друг от друга.

Меня — с ужасом.

Герцога — с облегчением.

— Надеюсь, — маркиза вливается в комнату, словно важная ладья, — не помешала никакому важному разговору?

Эта неприличная многозначительность в ее голосе заставляет меня покраснеть от негодования. И бессилия, потому что, если посмотреть на все это со стороны, то в комнате наедине была молодая девушка в растерзанном платье и мужчина, раздеты до пояса. И они стояли так близко, что все это выглядело почти как... поцелуй.

Тыльной стороной ладони смазано провожу по губам.

Герцог, замечая это, щурится.

Хватает мундир, надевает его на голое тело, потому что сорочка остается валяться на полу белоснежной шапкой дорогого шелка.

— Леди Виннистэр, какого Хаоса вы вторгаетесь в мою комнату без стука? — он продолжает испепелять меня взглядом, даже не трудясь повернуть голову в сторону гостя.

Его вопрос застает ее в трех шагах от порога.

Маркиза расстается с сальной ухмылкой и замирает на месте. Осторожно говорит, что дверь была не заперта.

— Однако это не дает вам права входить, — злится герцог.

— Я лишь пришла сказать, что отдала все необходимые распоряжения, — смиренно склоняясь в реверансе, говорит маркиза.

Герцог косит взгляд в ее сторону.

Кажется, именно туда, где у нее то, что приличным женщинам следует показывать лишь законному супругу, но маркиза почему-то щеголяет в таком виде по замку.

Так, может, это мое здесь присутствие расстроило ее планы, а не она помешала нашим?

Герцог остывает так же мгновенно, как и зажегся.

Теперь он так же холоден, ироничен и самодоволен, как несколько минут назад.

Я стараюсь не думать о том, что причина этого умиротворения — декольте леди Виннистэр, на которое от слишком уж многозначительно пялится.

После того, как почти... поцеловал меня!

Глава тридцать первая

Я провожу ночь без сна, совсем ни на минуту не сомкнув глаз.

Ворочаюсь в этой огромной постели, как угорь на сковородке, снова и снова, и снова пытаюсь вспомнить каждую деталь рассказа герцога.

Потом вспоминаю лицо герцогини Лу'На.

Снова исполосованной тело герцога.

Его обещание никогда не забыть и не простить.

По телу идет дрожь, стоит представить, что было бы, скажи я ему правду за мгновение до того, как он высказался. Меня, наверное, уже давно освежали бы, и никто бы не знал, что случилось с сиротой без роду и племени.

Утром, с первыми лучами рассвета, в комнату приходит служанка.

Застает меня, завернутую в одеяло, немного нервно улыбается и быстро протягивает темно-синее платье простого кроя.

— Меня зовут Анна, — кланяется, и идет напрямик к кровати, — я буду вашей горничной, госпожа. Миледи Виннистер велела позаботиться о вас и помочь вам приготовиться к завтраку.

Мысль о еде еще более неприятна, чем этот ее взгляд, которым она оценивает то меня, то примятые простыни.

Что это вообще может значить? О чем она...

Только когда горничная бросается приводить постель в порядок, я начинаю медленно понимать и эти взгляды, и «свинью», которую мне подложила Распорядительница.

Теперь все будут знать, что одна из претенденток провела ночь в спальне Куратора!

Я нервно сглатываю, лихорадочно соображая, можно ли что-то предпринять.

Как спасти свою репутацию от вот таких, как у горничной, взглядов. Делать вид, что ничего не произошло? Попытаться объяснить? А стала бы герцогиня расшаркиваться перед горничной?

Ответ настолько очевиден, что я молча жду, пока Анна наполнит ванну и выполнит все положенные обязанности: поможет мне выкупаться, одеться и уложит волосы.

— Всех леди просят спуститься вниз, — с поклоном, говорит горничная, прежде чем исчезнуть из комнаты, на прощанье не удержавшись от насмешливого взгляда.

Я что есть силы сжимаю кулаки и мысленно читаю молитвы о смирении.

Столько раз, сколько нужно, чтобы немного успокоить голову, взять себя в руки и спуститься вниз, в просторный залитый солнцем зал, где уже собрались остальные претендентки.

И все мои старания идут насмарку, потому что все эти лица слишком уж красноречивы.

Я с трудом дохожу до отдельно стоящей — как нарочно для меня — маленькой софы и присаживаюсь на ее край. Расправляю юбку с таким видом, будто складки на ней — единственная вещь в мире, способная вывести меня из себя.

Теперь все будут думать, что дочь предателя короны планирует не только влезть в постель короля, но и неплохо продвинулась в этом же деле с самым важным после Его Величества человеком на этом отборе — Куратором, и по совместительству — Палачом короля.

— Леди, доброе утро! — Маркиза wpłyвает в зал, словно свадебный кортеж: сегодня в белом, с перьями и блестками. И хоть на этот раз ее грудь прикрыта почти до самой шеи, вырез на спине «компенсирует» монашеский вид ее «фасада».

На мой взгляд, она выглядит вульгарно.

А если посмотреть на других девушек — они чуть не пищат от восторга. Массовое подлизывание? Вряд ли. Скорее всего, я просто ничего не понимаю в моде.

— Надеюсь, вы хорошо выспались в ваших комнатах? — Почему-то маркиза поворачивает голову в мою сторону. — Я получила от ваших горничных записки и могу уверить, что необходимые вещи вы

получите через два-три дня. К сожалению, даже мои безграничные возможности имеют предел. Но постараюсь приложить максимум усилий: Его Величество желает, чтобы у лучших девушек Артании и принцесс, были идеальные условия для полноценного отдыха и крепкого здорового сна. И мне было бы очень печально узнать, что некоторые из вас предпочитают тратить это драгоценное время на разного рода... странные вещи.

Я смотрю в пол, но всем телом чувствую, как девушки в унисон обращают взгляды в мою сторону.

— Вещи, которые не к лицу юной леди благородной крови, а скорее под стать женщине слабой морали. Но, — леди Виннистэр идеально разыгрывает печальный вздох, — благородная кровь и душевная чистота, увы, в наши смутные времена далеко не всегда идут рука об руку.

Приходится изо всех сил сжать зубы, чтобы не дать себе огрызнуться.

Герцогиня не дала бы втянуть себя в такую грязную игру.

А сделать вид, что я обижена — значить, дать понять, что я принимаю эти гадкие намеки на свой счет. Не будет никому в этой комнате такого подарка — видеть, как Матильда подберет юбки и сбежит.

Что-то во мне как будто оживает.

Яркое и колкое, как будто проглотила осколок упавшей звезды.

Но чем больше я думаю о том, что даже у сироты-монашки есть цена и она точно не меньше, чем у девушек, которые родились с золотой ложкой во рту, тем ярче становится это странное тепло в груди.

И когда я вдруг с ужасом понимаю, что перестаю его контролировать и... может случиться все, что угодно, меня, как ледяной водой, окатывает взглядом темных глаз.

Откуда-то сверху.

Герцога здесь нет, но я каким-то непостижимым для себя образом ощущаю его незримое присутствие. Там, на лестничном пролете, в тени, до которой еще не добрались солнечные лучи.

Он как будто наблюдает.

Он как будто наблюдает именно за мной.

Если бы не маркиза, которая становится как раз напротив меня, ничто, никакие голоса разума, не удержали бы меня от того, чтобы взлететь по лестнице и как следует врезать этому мерзавцу по его идеально выбритой... лицу.

— Герцогиня Лу'На, вы собираетесь отвечать на мой вопрос или ждете, что я исполню для вас наиглубочайший реверанс? — насмехается леди Виннистэр.

Герцог немного выступает из тени — замечаю его рослую фигуру, края пальцев, которыми напряженно держится за перилла, склоненную голову.

Откуда эта мысль в моей голове, что он как будто... ждет, что я дам отпор?

Настоящая герцогиня не стала бы молчать. По крайней мере сейчас. Слишком уж сильно маркиза выводит ее на ругань и склоки, слишком грубо провоцирует.

— Леди Виннистэр, — я мысленно уговариваю себя не испортить этот идеальный холодный и поучительный тон, — поправьте меня, если я вдруг ошибаюсь, но ваш титул по рождению стоит гораздо ниже герцогского. Поэтому, как мне кажется, раз вы удивили нас всех своими выдающимися хозяйственными талантами, самое время показать и уровень вашего воспитания, выказав герцогине все положенные почести.

После этих моих слов тишина повисает такая, какой не было и при появлении короля.

У меня нет иллюзий на счет маркизы. Она не того полета птица, чтобы начать отвечать колоне девице, которую, кажется, решила втоптать в грязь максимально быстро и эффектно. А, может, у них с герцогом это было задумано?

Не поднимать голову, не смотреть вверх.

Только на маркизу.

Пришпилить ее взглядом к полу, как какое-то мерзкое насекомое. И пусть не думает, что ее

«модный вид» действует абсолютно на всех.

— Герцогиня, — леди Виннистэр впервые, пусть и на мгновение, сбрасывает маску показной благости, глядя на меня с совершенным отвращением, — если вы полагаете, что мы с вами равны или, упаси Боги, вам хватает наглости считать себя выше, то вы еще глупее, чем ваш заслуженно казненный отец.

Это уже удар в самое болезненное место.

Кем бы ни были настоящая герцогиня, но об отце она всегда вспоминала с любовью и теплом. Мне, сироте, эти чувства были незнакомы, но то, что она искренне скорбела по этой утрате, можно не сомневаться.

— Маркиза, — отчего-то очень быстро вскипаю я, — вы не смеете пачкать своим черным ядом светлую память о моем отце!

Тишина сгущается до состояния толщи воды над головой, которая давит на макушку, на ушные перепонки, на веки. Однажды я едва не утонула в пруду, и то ощущение мне хорошо знакомо — когда мир вокруг вдруг становится убийственным, хоть едва ли меняется.

Так и эта тишина — она вот-вот меня прикончит, если не случится чудо и...

— Леди давно пора завтракать, — стальным, как лом приказом, вторгается в нашу потасовку герцог.

Когда успел спуститься? Его появление не заметила только я?

Когда девушки не двигаются с места, бормочет себе под нос грязные проклятия, а потом так звонко хлопает в ладоши, что разноцветная стая высокородных девиц, словно птицы, срывается с места, на короткое время образуя в дверном проеме настоящую давку.

В зале остаемся только мы втроем, и стоит мне сделать шаг к выходу, как герцог останавливает мое бегство коротким приказом:

— Вас, юная леди, я не отпускал.

Да что ж за напасть!

Глава тридцать вторая

Герцог

И вот из-за этой дрянной девчонки я полночи не спал, ворочался из стороны в сторону, как окорок на вертеле, пытаюсь решить, чему удобнее лежать на треклятом диване — моему заду, моей спине или лучше все-таки вытянуть ноги с проклятущими коленями? А потом, когда, наконец, уснул, приснилось такое, что не приведи Хаос.

Так что можно смело сказать, что эту ночь я провел, как во времена бурной солдатской молодости, когда и окоп был вполне себе койкой, и шлюха — вполне себе красоткой.

Зато еле-еле нашел разумное логическое объяснение своему вчерашнему «акту невиданного милосердия». Герцогиня просто до язвенного зуда сильно похожа на ту сладкую малышку в скучной одежке послушницы, а после того, как я «вкусил» демонической крови, у меня появилась какая-то нездоровая тяга испохабить все чистое и невинное. В тех формах, о которых не следует знать милым, не вкусившим мужской поцелуй девицам, краснеющим от стыда до самых ушей от одних лишь намеков.

Бездна задери!

Я же спустился сюда, чтобы прекратить надвигающуюся грозу, а вместо этого размышляю о том, будет ли моя постель пахнуть ее девичьим ароматом.

Ну его к бесам! Нужно приказать горничной сменить каждую тряпку, чтобы от мерзавки не осталось и следа.

— Я... голодна, Ваша Светлость, — спокойно и даже почти смиренно говорит герцогиня.

Ну просто ангел во плоти.

Так и хочется разодрать на ней это скучное платье кладовой землеройки и поглядеть, не прячет ли девица Лу'На крылья.

А самое прискорбное, что я вынужден признать — вела она себя просто идеально.

Порода — она и в Артании, и в Барре и даже в Бездне — порода. И тут маркизе с ее титулом, приколоченным к не самому изысканному коктейлю ее родословной, противопоставить нечего.

Проклятье, я ведь любовался на эту перепалку.

И в глубине души надеялся, что девчонка не даст себя сломить и не станет молча вытирать очередной плевок.

Но сейчас, когда разум все же возобладал над чувствами, я вынужден устроить ей взбучку.

Потому что, какой бы милой и славной не казалась герцогиня, она — все равно та смеющаяся соплячка, которая хлопала в ладоши, когда палач брал из жаровни раскаленное до бела клеймо.

— Герцогиня Лу'На, полагаю, вам следует принести свои извинения маркизе.

Она поджимает губы, слегка отводит голову назад, словно получила оплеуху.

Но все-таки находит силы снова посмотреть в глаза Фредерике — открыто, без страха.

Порода, мать его!

— Леди Виннистэр, я сожалею, что своими словами могла нанести тяжелый удар вашим чувствам. Обещаю впредь быть разборчивей в словах.

Я чувствую приятный зуд где-то чуть ниже груди, в том месте, где у меня до сих пор иногда побаливает старый шрам от проклятого кинжала тех головорезов.

Так извиниться — это еще надо уметь.

Но маркиза, увы и ах, слишком... ограничена, чтобы понять, что вместо извинений ей только что принесли обещание в следующий раз оскорблять изящнее, чтобы уж наверняка не докопался даже такой мозгоед, как я. Поэтому на лице Фредерики злорадство и триумф.

Самое время это исправить.

— Маркиза Виннистэр, — смотрю на нее, и испытываю извращенное удовольствие, предвкушая, что

станет с этим лицом а ля «Императрицы» уже через миг, — ваша очередь.

— Что? — переспрашивает Фредерика. Как и предполагал — маска надменности и самодовольства сползает с ее лица быстрее, чем мгновенно. — Простите, герцог, но...

— Ваши извинения, маркиза, — повторяю тоном, не терпящим возражений. — Мы с герцогиней желаем их услышать прямо сейчас.

Маркиза поджимает губы.

Я уже однажды видел подобный взгляд — когда просил свою невесту освободить мой дом от ее присутствия. Она тогда тоже сначала не понимала, что с ее персоной могут обращаться таким образом, а потом, видимо, очень сожалела, что человека нельзя испепелить взглядом.

Так что, можно сказать, у меня выработался иммунитет, и все эти молчаливые «герцог, вы — дерьмо!» на меня уже не действуют.

Маркиза медленно, поджав губы и безуспешно пытаясь скрыть отвращение, исполняет реверанс.

— Прошу вас принять мои извинения, герцогиня Лу'На, — цедит сквозь зубы. Так жадно, словно боится дать лишнего.

Девчонка смотрит на нее с легким недоумением, потом переводит взгляд на меня, и я к своему огромному удивлению вижу в ее зеленых глазах немой вопрос — что делать дальше?

Она это серьезно?

А куда подевалась мелкая мегера?

Не собираясь облегчать ей задачу, отворачиваюсь, но ловлю каждый звук.

— Я принимаю ваши извинения, маркиза, — слегка растерянно и неуверенно, говорит она.

И это все?

Мысленно огорченно вздыхаю.

Нет, я никогда не был любителем женских склок, и как только весь этот маскарад закончится — обязательно припомню Эвину его эту «дружескую просьбу», но должен же я получить хоть какое-то удовольствие?

— Герцогиня, полагаю, вам пора, — отпускаю ее, не поворачивая головы.

Не хочу снова видеть ее невинные глаза и потом полдня убеждать себя, что эта и та — совершенно разные девушки, даже если до дьявола похожи.

Она как будто только того и ждет — мигом подбирает юбки и уносится прочь.

И только когда мы с маркизой остаемся одни, Фредерика, наконец, стаскивает это «лицо смиренной женщины», налетая на меня, словно ураган.

— Герцог, вы просто... просто...! — Ей не хватает запала подобрать нужное слово — боится перегнуть палку.

Вот и славно, что боится.

Я вопросительно медленно поднимаю бровь, и когда становится ясно, что узнать, что же я за нехороший человек в этот раз точно не суждено, закладываю руки за спину, напирая на маркизу с видом черного проклятия.

Она оторопело пятится.

— Леди Виннистэр, раз уж у нас случился незапланированный разговор по душам, то позвольте дать вам пару советов. Нисколько не сомневаюсь, что ваши «хозяева» тоже озвучили свои рекомендации, но вам придется проявить остроту ума и гибкость мысли, лавируя между молотом и наковальней.

Фредерика сглатывает, пару раз кивает с наиглупейшим выражением лица.

— Я понимаю ваше рвение устроить герцогине Лу'На... особенные условия пребывания здесь — назовем это так. Но, пытаясь ее скомпрометировать, вы выбрали крайне неподходящее время и компанию для слухов. Потому что, ставя под сомнение ее морали, вы, тем самым, ставите под сомнение и мое уважительное отношение к Его Величеству. И тот факт, что я, его верный слуга,

могу позволить себе низость грязных поползновений в адрес одной из девушек, которая, возможно, станет его невестой, нашей будущей королевой и матерью наследника Артании. Вы всерьез полагаете, что я могу допустить подобные вещи?

Фредерика снова зачем-то кивает.

— Можно использовать язык, маркиза? — подначиваю я. — Ваши эти... бессловесные попытки не дают мне ни малейшего представления о том, что именно вы поняли и вынесли из моих слов.

Она прочищает горло кашлем.

— Я ни в коем случае не хотела, чтобы ваша репутация пострадала, герцог Нокс. Я лишь посчитала крайне сомнительным, что благовоспитанная юная леди пришла бы в личные покои мужчины, ночью, одета в крайней степени вульгарно, не имея в голове желания воспользоваться его слабостями.

— Какие конкретно мои слабости вы имеете в виду?

— Конечно же, присущие всем мужчинам! — посмеивается она.

— Полагаете, я настолько бесхребетное существо, что не в состоянии держать под контролем свое мужское начало? — Добавляю своему голосу тихих ноток предостережения, давая понять, что даже мне — любителю поиграть с иронией — вся эта ситуация уже начинает надоедать. — Я верно вас понял?

— Я совсем не это...

— Вот и славно, что не это. Впредь, я надеюсь, вы не будете расплываться на вещи, недостойные женщины вашего положения, и с таким же рвением займетесь своими основными обязанностями — комфортом наших леди. Ступайте.

Фредерика растворяется, будто ее и не было.

А я снова даю себе обещание при случае вытребовать у Эвина парочку личных «наград» за моральное издевательство надо мной.

Глава тридцать третья

Сиротка

После завтрака, который я снова провожу как прокаженная, сидя за отдельным столом и стараясь не вслушиваться в насмешливый многоголосый шепот, маркиза собирает всех нас в зале и оглашает распорядок на весь сегодняшний день.

— Его Величество желает узнать, насколько хорошо его будущая невеста знает историю страны, которой собирается править, поэтому, через полчаса и до заката вы проведете время в компании мастера Йорка, демонстрируя ему ваши познания. Или их отсутствие.

Мастер Йорк?

Меня так и тянет переспросить, не ослышалась ли я, но после утренней перепалки, я скорее откушу себе язык, чем по своей воле заговорю с ней первой.

— Ну и кто это такой? — слышу недовольный шепот одной из девушек.

— Если вам не знакомо это имя, баронесса, — снова этот надменный тон Фаворитки, — то я не понимаю, на что вы рассчитываете? Полагаете, Его Величеству нужна супруга, не знающая всех острых и тонких нюансов истории Артании?

Мастер Йорк — королевский хронограф.

Один из тех, чьи трактаты считаются наиболее полными, самыми объективными и лишенными предвзятости, чего нельзя сказать обо всех предыдущих, чьи хроники невозможно читать из-за потока желания угодить короне буквально в каждом слове. Даже проигрыши короля Дарека, которые, конечно же, были, они умудрялись превозносить как победы.

Все, кроме мастера Йорка, который не боялся высказывать свою, часто нелестную, точку зрения.

Я прочла все его хроники.

Прочла и перечла по несколько раз, потому что после того, как карающая рука настоятельницы избавила монастырскую библиотеку от всех «непотребных книг», эти хроники остались единственным источником хоть чего-то интересного.

— Трех из вас, кто сегодня проявит себя лучше всех, — продолжает маркиза, — Его Величество пригасит на вечернюю прогулку верхом. Та, которая проявит самые слабые познания... покинет нас.

Когда маркиза уходит, зал мгновенно наполняется недовольным рокотом.

— Разве история не является обязательным предметом для образования мужчины? — возмущается так красотка с губами-бантиком, которая сегодня снова в ободке, на этот раз в форме странной птицы. — Женщины изучают музыку, шитье и...

Он захлебывается собственным негодованием.

Кто начинает громко рыдать.

Кто-то обещает обязательно спросить Его Величество, почему он решил выбрать именно ту тему, которая «женщине не по уму».

Я же украдкой осматриваю зал и понимаю, что из всех двенадцати девушек спокойными — явно уверенными в своих силах — остаемся только я, Фаворитка и та темноволосая любительница поумничать, благодаря длинному языку которой я так много узнала о королевских отборах невест.

Возможно, это немного самонадеянно, но я правда уверена в своих силах.

И единственная вещь, которая заставляет меня немного нервно тереть ткань юбки — встреча с самим Мастером Йорком.

Когда в положенный срок мы занимаем подготовленную аудиторию, я с удивлением замечаю, что у меня впервые появилась соседка. И не потому, что больше нет места — огромный зал уставлен скамейками и здесь легко поместилось бы еще человек двадцать. Рядом усаживается та девушка, которая была чуть ли не единственной, кто проявил ко мне хотя бы намек на симпатию.

Она лучезарно улыбается.

— Меня зовут Примэль, графиня Керн. — Она, незаметно для всех, пожимает мою руку, и мне еще больше не по себе от такого внезапного радушия. — По-моему, сегодня вылетит больше, чем одна

девушка, как ты считаешь?

Я считаю, что если были озвучены конкретное количество, то вряд ли что-то изменится «на ходу», но графиню вряд ли интересует мое мнение, потому что, даже не дав открыть мне рта, она продолжает:

— Жаль, что эта выскочка, — указывает взглядом в сторону Фаворитки, — с нами, похоже, надолго. Она тебя не раздражает? По-моему, она всем здесь уже как рыба кость в горле.

Судя по тому, что Фаворитку всегда «преследует шлейф» из желающих заслужить ее расположение, она будет последней, кому открыто выскажут хотя бы намек на раздражение.

«Ни с кем не откровенничай!» — всплывает в памяти предостережение герцогини. Она повторяла его чуть ли не по десять раз в день.

Видимо для того, чтобы в такой момент, как сейчас, я не сказала ничего лишнего.

Поэтому, я лишь слегка, едва заметно, пожимаю плечами и в ответ на слова Примэль, говорю:

— Я хочу пройти, а кто сегодня отправится домой — какая разница?

— Ты такая милая! — восторженно шепчет графиня, и снова потихоньку пожимает мою руку. — Нам нужно держаться вместе.

Понятия не имею, что у нее на уме, но кажется очень странным, что девушка без проблем с репутацией предлагает «держаться вместе» той, от которой шарахаются, кажется, даже комары.

Но что мне на это ответить?

К счастью, с ответом можно и подождать, потому что в аудиторию, пыхтя и чихая облачками черной копоти, вкатывается... странный бронзовый механизм, нижняя часть которого похожа на емкость с вязкой голубоватой жидкостью, а верхняя — абсолютно человеческая, и принадлежит высохшему старику, больше похожему на мумию. Из резервуара с жидкостью к его телу тянутся трубки: в основном, к позвоночнику и затылочной части головы, но есть и парочка, воткнутых в живот, закрепленных прямо с плотью золотыми скобами.

Я сглатываю.

По жалу проносится испуганный ропот.

Благородные леди, забыв о приличиях, спешно покидают первые ряды скамеек, перебираясь подальше.

О том, что эта странная конструкция и есть Мастер Йорк, становится понятно по толстой книге, которую он держит своими тонкими, как сухие ветки, руками.

Это — Летопись времен Единения.

Некоторые ее главы я знаю на память.

Мастер же, окидывая пустым взглядом возню вокруг себя, повыше поднимает книгу и шелестящим трескучим голосом спрашивает:

— Что у меня в руках?

Тишина в зале такая, будто он попросил покаяться в грехах перед всем честным народом.

Потом чей-то тихий и дрожащий голос пищит:

— Книга!

Старик криво усмешается, и подкатывается ближе.

Как он управляет всей этой конструкцией? Нет ни руля, ни рычагов, как у колесных мобилей, которые я пару раз видела на улицах столицы.

— Какая потрясающая догадливость, баронесса. — Прозрачный, как будто слепой взгляд, сканирует нас с придирчивостью жадного покупателя, выискивающего любые изъяны, лишь бы сторговаться на меньшую цену. — Кто еще продемонстрирует свои умственные способности?

Я осознаю, что тяну руку только когда замечаю, что Мастер Йорк с нетерпеливым выжиданием смотрит в мою сторону.

— Это Летопись времен Единения, — говорю не то, чтобы смело. Ведь если я ошиблась — насмешек не избежать.

Но старик кивает.

— И о чем же она, герцогиня?

— Она описывает последние десять лет правления короле Дарека Скай'Ринга.

— Прекрасно. — Мастер Йорк выглядит довольным. — И так, герцогиня, на ваш взгляд, что самое важное король Дарек сделал в эти годы?

На меня смотрят с еще большим отвращением, чем только что тарасились на этого механического старика.

Было бы очень смело с моей стороны, сказать, что у меня от паники не трясутся поджилки, но я, справившись с первой паникой и прочистив горло кашлем, говорю:

— Король Дарек начал объединение земель разрозненных кланов. Благодаря этой политике, Артания значительно укрепила и расширила свои границы, получила выход к портам Верхнего моря и ослабила позиции Эйлана, Скабрии и Барра. Артания заявила о себе как о мощном военном государстве, способном влиять на внешнюю политику.

Мастер Йорк медленно, как будто внутри этой конструкции что-то заедает, пару раз медленно проворачивается вокруг своей оси.

Молча и задумчиво.

Мой внутренний страх превращается в колючую ледышку, от которой замерзают внутренности и становится трудно дышать.

— Прекрасно, герцогиня, — наконец, говорит Мастер. — Вы заработали ваши первые шесть баллов. И... еще два — за смелость.

Глава тридцать четвертая

Будет ли слишком самонадеянно сказать, что мое первое испытание прошло идеально для меня?

Я исправно тянула руку, отвечала, вступала в диалог с Мастером Йорком и иногда ловила себя на мысли, что перестаю бояться открыто высказывать свою точку зрения, особенно когда дело касалось не самых «красивых» политических решений бывшего короля.

Поэтому, когда подходит время подводить итоги, я не нервничаю и молча жду.

Все это время, все шесть часов, я не видела, чтобы Мастер делал какие-то заметки, но с его блестящим острым умом, возможно, это и не нужно?

— Ты такая умная, — восторженно шепчет мне на ухо Примэль. — Под нашей фавориткой зашатался ее трехногий стульчик.

Она считает свою шутку удачной, и хихикает в ладонь, словно маленькая напроказничавшая девочка.

А мне вот совсем не смешно, потому что, когда Мастер Йорк оглашает первую тройку лидеров, Вероника Мор, главная претендентка на победу, смотрит на меня с откровенной враждебностью.

Еще бы — ведь я обогнала ее на целых двенадцать баллов.

И стала первой в сегодняшнем испытании.

Мою победу встречают гробовой тишиной, но когда звучит имя Вероники, аплодисменты и визг стоят такие, что я из последних сил поджимаю губы, чтобы не брякнуть чего-нибудь эдакого. Потому что очень хочется. Потому что это я сегодня номер один, и если бы на моем месте была герцогиня, она бы наверняка придумала способ поставить на место этих любителей ни за что принижать чужие победы.

Но я не она, даже если пока удачно всех дурачу.

И мне остается только молча проглотить очередное унижение.

Третьей звучит имя той умницы, благодаря которой я так много узнала о королевских отборах.

Ее зовут Адмаль Эвил, она — графиня, и по крайней мере мы обе солидарно пересматриваемся, когда понимаем, что наш сегодняшний «подвиг» был благополучно похоронен под именем Фаворитки.

Когда Мастер Йорк официально заканчивает первое испытание, и выкатывается из зала, девушки бросаются к Веронике, словно к мощам святого, к которым обязательно нужно притронуться, чтобы урвать и себе кусок удачи.

И только я замечаю, как медленно, сгорбившись и утирая слезы, вслед за Мастером выходит та, кому сегодня не повезло больше остальных. Со спины я даже не очень хорошо ее узнаю и точно не помню имени. Наверное, тяжело вот так.

— Я бы не смогла, — словно угадав мои мысли, шепчет Примэль. — Вернуться домой и до конца своих дней знать, что из-за тебя твоя семья и твои потомки навсегда потеряли единственный шанс в жизни влиться в королевскую династию.

А я не могу отделаться от жгучей зависти, пока девушка и подол ее длинного цветастого платья, полностью не исчезают в дверном проеме.

По крайней мере для нее все это закончилось.

— Герцогиня Лу'На. — Из меланхолии меня выбивает важный холодный голос.

Даже знаю чей, потому что чтобы посмотреть в лицо его обладательнице, приходится немного задрать голову.

И, пожалуй, это единственное, что доставляет мне дискомфорт в общении с Вероникой Мор. Ее почти что официальный статус Фаворитки нисколько не трогает. Может из-за того, что в глубине души я тешу себя мыслью о том, что к тому времени, как начнется основная грызня, мы с герцогиней уже «поменяемся ролями».

— Графиня Мор, — почти в точности копирую ее интонацию. — Поздравляю с заслуженной победой.

— Этой или вы имеете в виду что-то более глобальное? — «любезно» растягивает губы в показной улыбке.

— Я не сторонник раздавать ордена до конца битвы, — отвечаю я.

— Боюсь, что для вас она все равно уже проиграна, — еще шире улыбается она.

— Боюсь, что в лже-пророков и предсказания я тоже не верю.

К моему огромному удовольствию, даже этой холодной фурии не хватает моральных сил сохранить улыбку. Фальшивая благодать стекает с ее лица, как воск, обнажая бешенство и лютую злобу.

Спаси нас Плачущий от такой королевы.

— Это — твоя последняя победа, Матильда, — шипит Вероника, отбросив официоз. — Советую потренироваться удирать со всех ног.

Я выдерживаю этот взгляд, хотя кажется, что не хватит сил.

Но почему-то перед глазами появляется злая ухмылка герцога Нокса в тот момент, когда он заставлял маркизу принести мне извинения.

Вряд ли у меня получается повторить его оскал в точности, но я очень стараюсь.

— Вы крайне невнимательны, леди Мор, — говорю холодно и вежливо. — Я ведь уже сказала, что не верю в притянутые за уши предсказания.

Из зала выхожу в гробовой тишине, ощущая на себе каждую из одиннадцати пар глаз.

Точнее, только десяти, потому что Примэль снова увязывается за мной и счастливо, будто это она только что «умыла» Веронику, трещит:

— Матильда, ты такая умница! Так ей! Пусть не думает, что особенная. И что ты такая хмурая? У тебя свидание с Его Величеством!

Ага, и с Вероникой тоже.

Глава тридцать пятая

Найти свою новую комнату оказывается не так уж сложно — она в правом крыле, к счастью, максимально далеко от того крыла, в котором живет Фаворитка.

На этот раз у меня уютные апартаменты, обустроенные в светлых тонах, с большой кроватью под расшитым фиалками балдахином, огромным ростовым зеркалом в старинной деревянной раме, и целой отдельной ванной на ножках в виде птичьих лап.

Но не успеваю я перевести дух, как в комнату стучат.

— Да, войдите, — я зачем-то инстинктивно отхожу подальше к окну.

Это, должно быть, герцог.

Пришел проверить, насколько хорошо маркиза выполнила его приказ.

Но нет — это совсем не он, и на долю мгновения, такую короткую, что я не уверена, будто эта мысль существовала в моей голове, я чувствую легкое разочарование.

— Миледи. — В комнату второпях заходит горничная. Не та, что была у меня утром и это несказанно радуется. — Меня зовут Эсми, я — ваша новая горничная.

Держит на вытянутых руках что-то нежно-голубое, даже на вид тяжелое и как будто бархатное, умудряется исполнить реверанс.

— Ваша «амазонка» к сегодняшней верховой прогулке. Я помогу вам одеться.

Я открываю рот, чтобы поблагодарить и, как гром среди ясного неба, почему-то только теперь вспоминаю, что езда верхом была чуть ли не единственной наукой, которую я так и не смогла постичь в Горностаевом приюте.

Потому что те пару раз, которые я с грехом пополам взбиралась на лошадь, закончились моим же невообразимым и молниеносным падением с нее. Герцогиня решила, что если мы продолжим, она рискует потерять единственную уникальную «близняшку» и на этом мои попытки приручить лошадь и седло закончились.

Паника заставляет меня кулем плюхнуться на кровать и нервно, до крови, прикусить нижнюю губу.

Что же делать?!

— Миледи, — слышу немного испуганный, но настойчивый голос горничной, — времени совсем не много...

С трудом, но все-таки поднимаюсь.

Молча изображаю куклу, даю себя раздеть, нарядить в шелковые панталоны и расшитую сорочку.

Послушно хватаюсь за столбик кровати, когда Эсми начинает усердно, будто это тоже еще одно скрытое испытание моего терпения и переносимости боли, затягивать корсет.

Потом так же послушно даю «нарядить» себя в блузу, юбку и жакет.

Все это так наглухо застегивается, что я еле-еле могу дышать.

— У вас такая тонкая талия! — довольно попискивает горничная, пританцовывая вокруг меня с расческой, шпильками и гребнями. — А волосы — ну чистый доррский шелк!

Я должна что-то придумать.

Иначе свалюсь с лошади раньше, чем она успеет сделать десять шагов.

Герцогиню в седле я видела — она запросто, словно срастаясь с лошастью, скакала галопом, брала даже самые невысказанно высокие барьеры и ни разу не то, что не упала — даже не пошатнулась в седле.

А я... Плачущий, даже мешок с картофелем ездит верхом лучше, чем я.

— Ну вот, — слышу довольный вздох Эсми. — Вы такая хорошенькая...!

Даже жаль, что на этот чуть ли не единственный луч тепла в мою сторону, могу ответить лишь натужной улыбкой.

Но все же, выходя из комнаты на шатающихся слабых ногах, не могу упустить шанс взглянуть на себя в зеркало.

Это правда я?

Вот эта тонкая, как оса, юная девушка с высоко подобранными под крохотной синей шляпкой с совиным пером волосами — я?

Не герцогиня?

— Здесь ни у кого нет такой талии, — продолжает нахвалить Эсми, — готова побойтаться!

Пока иду по ступеням вниз, меня провожает самый что ни на есть «похоронный марш» злых и недовольных взглядов остальных девушек. Наверное, это не очень умно с моей стороны, но когда спускаюсь в широкую галерею перед входом, поворачиваюсь к своим соперницам и весело машу им рукой на прощанье.

Счастливую улыбку приходится буквально выцеживать из себя по капле, но зато теперь никто из них не скажет, что герцогиня Лу'На шла на свидание с королем с видом женщины, которая этого не заслуживает.

Хорошо, что галерея длинная и у меня есть возможность немного потянуть время, идя как можно медленнее.

А что, если я скажусь больной? Ну мало ли что, после шести часов напряжённого тестирования знаний истории, у кого хочешь может случиться нервный срыв.

Я мысленно представляю торжествующую улыбку на лице Вероники Мор в ответ на такое мое позорное бегство, и отказываюсь от этой идеи.

Может, если я «случайно» подверну ногу, король смилостивится, и разрешит мне ехать в карете? И что я получу, катаясь в гордом одиночестве, пока две умницы будут развлекать его милым разговором?

От напряжения начинает гудеть в висках, но отступать уже поздно, тем более, что на крыльце, в лучах розового закатного солнца, уже стоят Его Величество, Вероника и та заучка со странными ушами.

И, глядя на них, я понимаю, что каким бы красивым ни был мой наряд, я выгляжу так, словно собралась на исповедь, а не покорять сердце самого завидного жениха королевства. Потому что на Веронике потрясающее золотистое платье из легкой, как будто невесомой ткани, дополненное меховым жакетом, а на той, второй, костюм из пышной романтической юбки и приталенного жакета с глубоким декольте, перетянутым соблазнительной шнуровкой.

А я застегнута на верхнюю пуговицу.

Еще и с камеей «под горлышком».

Наверное, на фоне этих двух, как раз сойду за закупоренную винную бутылку.

— Герцогиня, мы вас... почти заждались. — Голос короля так же строг, как и его взгляд, которым он окидывает меня с ног до головы. Всего мгновение, чтобы потом снова оросить своим вниманием лучезарно улыбающуюся Фаворитку. — Надеюсь, скачете вы так же лихо, как рассказывают, потому что у нас с прекрасными леди как раз возникла идея прокатиться с ветерком.

Я мысленно прошу Плачущего простить мне очередное вранье и коротко говорю:

— Как пожелает Ваше Величество.

Он снова поворачивается, на этот раз как будто даже с удивлением.

— Как я пожелаю? С каких пор вы стали такой смиренной, герцогиня?

— Видимо с тех самых, как ее отец-предатель стал короче на голову, — не упускает случая Вероника, пока я лихорадочно пытаюсь найти ответ, способный закончить назревающую перепалку.

— Мне кажется, леди Мор, — говорит какой-то рассерженный голос внутри меня, — на сегодняшнем состязании вы не были так торопливы в ответах, как сейчас. С чего бы вдруг в вас прорезалось такое острое желание встревать в разговор, предназначенный для другой?

Вероника мечет в меня молнии, открывает рот, чтобы подтвердить их парой таких же убийственных слов, но король заставляет ее умолкнуть, лишь слегка взмахнув рукой.

Делает два шага ко мне, разглядывая уже с явным интересом.

Возможно, слегка кровожадным, но все же это совершенно точно уже не то холодное безразличие, которым окатил меня минуту назад.

— Герцогиня, — король еще немного подается ко мне, наклоняется и, хоть он не такой высокий, как герцог Нокс, но все же мне приходится тоже задирать голову. — Так я жду вашего ответа — откуда вдруг в крови Лу'На прорезалось смирение, особенно после ваших жарких обещаний всегда помнить, кому вы должны быть обязаны своим почетным титулом «сироты»?

Я поджимаю губы.

Понятия не имея, что же ответить.

Глава тридцать шестая

К счастью, пристальный взгляд короля все-таки отрывается от меня, потому что слуги уже ведут оседланных и готовых к прополке лошадей.

Они настолько прекрасны, что на несколько мгновений угасает даже мой страх.

Четыре крепких крупных жеребца, с лоснящимися шкурами, коротко стриженными гривами и длинными вычесанными хвостами. Таких красивых не было даже на конюшне герцогини, а ведь тогда мне казалось, что лучше и быть не может. Вся свою жизнь я думала, что кони — это коротконогие крепко сбитые медлительные животные, которые кое-как тянут телегу и, хвала богам, не падают на середине дороги.

Королевские кони — это почти такое же искусство, как и красота в странном дворце Мастера Соула. Даже еще лучше.

Но мое очарование как рукой снимает, стоит королю легко запрыгнуть в седло. Он сделал это так молниеносно, что я даже не успела заметить, не обошлось ли тут без помощи какого-то Аспекта.

К лошадям Вероники и Заучки слуги приносят маленькие приставные ступени, по которым девушки легко усаживаются в седла на дамский манер — боком. Обе выглядят совершенно спокойными и явно рвутся припустить лошадей вслед за королем.

Я же, когда приходит мой черед, еле переставляю ноги.

Подтягиваюсь, хватаясь за поводья.

Просто чудом, кажется, оказываюсь в седле.

С трудом проглатываю ужас, комком вставший поперек горла.

Перед глазами все плывет, когда лошадь, переминаясь с ноги на ногу, поворачивает голову и косит на меня черным глазом. Как будто поглядывает, готова ли ее всадница проверить, так ли она везуча и удачлива, как была до сих пор.

— Все в порядке, миледи? — боясь поднять голову, интересуется слуга, потому что я никак не решусь пришпорить коня. — Вы не смотрите, что он такой грозный — Его Величество приказал подобрать самым покладисты...

Он не успевает закончить, потому что этот покладистый конь вдруг нетрепливо бьет копытом, громко — как будто зловеще! — ржет — и пускается вскачь.

Я ничего не могу сделать, только разве что не визжать от дикого ужаса, когда в последний момент замечаю ветку «вставшего» у нас на пути дерева, от которой только чудом уворачиваюсь. Ощущение такое, будто меня усадили на бочку с радужными огнями, которую подожгли со всех сторон и теперь одним богам известно, в какую сторону она сделает очередной виток.

В памяти всплывают какие-то обрывки обучения: нужно натянуть поводья, кажется?

Я пытаюсь, но упрямое животное начинает скакать еще сильнее.

Пытаюсь как-то ударить его пяткой в бок — бесполезно!

Я теряю равновесие, когда понимаю, что меня неумолимо кренит назад, словно тот сук, который допилили не до конца, но он все равно уже ломается.

В отчаянной попытке снова что есть силы тяну на себя поводья — жеребец возмущенно ржет и встает на дыбы.

А я, окончательно потеряв контроль над своим телом, все-таки выпадаю из седла.

Прямиком в какой-то цветущий куст.

В глазах темнеет, рот наполняется чем-то приторно-сладким, похожим, кажется, на цветочные лепестки.

Плечо, на которое приходится основной удар, стремительно разбухает от боли.

И как бы я ни старалась встать на ноги — у меня ничего не получается, потому что острые длинные шипы жадно вонзаются в меня со всех сторон, проникая через ткань даже легче, чем нож через растаявшее масло.

— Леди Лу'На! — Мужской голос над моей головой звучит почти как спасительная молитва. — Прокляни меня Хаос, вы там живы?!

Оранжевое небо у меня перед глазами заслоняет рослая фигура Его Величества.

На фоне этого какого-то фантастического заката он кажется настоящим Светлым рыцарем из сказки. Особенно теперь, когда не смотрит на меня, словно на химеру.

А даже почти с беспокойством.

— Полагаю, — предпринимаю еще одну попытку встать, но тщетно, — о том, жива ли я, Вашему Величеству лучше спросить... попозже. Скорее, почти померла.

Его красиво лицо сначала втягивается от удивления, а потом губы медленно, явно против его воли, растягиваются, и все пространство между нами наполняется его громким хохотом.

— Право слово, герцогиня, вам идет разговаривать как крестьянской замарашке! — заливается король Эвин СкайРинг, одновременно протягивая ко мне обе руки.

Опомниться не успеваю, как он выдергивает меня из «лап» хищного куста, прижимает к себе и мои руки снова — инстинктивно! — обхватываю его за шею.

Как раз за миг до того, как к нам подъезжают Фаворитка и Заучка.

Буду считать, что их мгновенно скисшие лица — неплохая компенсация за мои многотрадные синяки и царапины.

Эта немая сцена все же стоит каждой зудящей царапины, которыми, кажется, покрыт каждый сантиметр моего тела. Особенно лицо Вероники, когда она медленно оценивает сперва мои руки на шее Его Величества, потом — его руки на моей талии. Если бы Фаворитка могла, она бы точно отдала пару лет своей цветущей молодости за то, чтобы раскидать нас в разные стороны. Желательно вообще в разные концы столицы.

Но она кое-как — очень топорно — изображает сожаление и елеиным тоном интересуется, что случилось и не пострадала ли я.

— Вам не кажется, герцогиня, — как будто в шутку шепчет мне на ухо король, — что у герцогини Мор просто потрясающая способность менять туфельки прямо на ходу.

Я понимаю, о чем он.

Десяти минут не прошло, как Вероника «тыкала» мне в лицо отрубленной головой отца, а теперь пытается сделать вид, будто обеспокоена, жива ли я, хотя будь ее воля — и меня бы уложила на плаху. Прямо на тот белоснежный мраморный бордюр, об который, если бы лошадь проскакала еще пару метров, я бы точно расшибла голову.

— Мне кажется, герцогиня Мор была бы отличным дипломатом, — поддакиваю я, строя серьезную мину. — Говорят, среди их братии такие таланты приветствуются.

Король немного отстраняется, глядя на меня так, будто с меня вдруг спала непроницаемая маска и он только теперь смог рассмотреть мое лицо.

На миг мне кажется, что он узнает меня. Найдет какое-то никому невидимое отличие между мной и настоящей Матильдой — и тогда этот прекрасный парк в самом деле станет моей могилой. Но ничего такого не происходит.

Хотя, кое-что все же происходит.

То, чего не мог ожидать ни один из нас, возможно, даже сам Его Величество.

Потому что вместо того, чтобы отпустить меня, плюнуть на прощанье в дочь предателя и предаться приятной компании достойных кандидаток, Эвин СкайРинг вдруг подхватывает меня на руки и запросто, так, что на его лице не дрожит ни один мускул, усаживает в седло своего коня. А прежде чем успеваю хоть бы икнуть в ответ, садиться рядом, одной рукой за талию притягивая меня к себе, накрепко фиксируя прижатой к его сильной груди, а второй легко правит лошадей, прищипывая жеребца идти легким шагом.

— Ваше... Величество, — только и могу сказать я, краем глаза замечая, догоняющих нас герцогиню и Заучку.

— Я подумал, леди Лу'На, что моя наипервейшая обязанность следить за тем, чтобы мои вассалы были живы и здоровы. А раз лошади с моей конюшни так строптивы, что даже лучшая наездница

Артании не в состоянии с ними справиться, то придется прокатить ее самому. Надеюсь, вам удобно?

Я оторопело киваю.

И порция слов благодарности стынет на губах, когда понимаю, что король еще сильнее, как будто хочет затолкать меня внутрь своего тела, притягивает меня к своей груди.

Глава тридцать седьмая

Герцог

О том, что мелкая зараза выиграла первое свидание с Эвином, я узнаю как раз в тот момент, когда собираюсь поужинать великолепным куском телятины под сливочным соусом, картофелем, запеченным со стеблями сельдерея и запить все это бокалом молодого красного вина.

Узнаю, потому что даже на террасе, куда сбежал подальше от бабских склок, меня находит маркиза и смотрит таким щенячьим взглядом, что приходится милостиво разрешить ей занять свободный стул, и даже налить вина, к которому она тут же жадно присасывается.

— Тяжелые будни маленькой пешки Тайного совета? — не могу оставить без внимания этот полный вопиющей слабости жест.

Маркиза зыркает в мою сторону глазищами рассетренной кошки и, осушив бокал, выпаливает:

— Вам ведь известно, господин хитроумный Куратор, что предательница, которая попала в список претенденток только и исключительно благодаря вам, в эту самую минуту прогуливается с королем?!

Эммм...

Что за дичь?

Пока я пытаюсь понять, о чем речь, маркиза сама снова наполняет бокал и снова жадно пьет. Правда. На этот раз оставляет на доньшке на еще один глоток. Видимо, чтобы не прослыть любительницей покуролесить с «зелеными демонами».

— Если вы закончили прикладываться к моему вину, маркиза, то ради Хаоса, объяснитесь. — Я немного повышаю голос, хоть обычно стараюсь не применять на женщинах этот легкий акт устрашения.

Фредерика издает полный иронии и насмешки «ха-ха!» и снова тянется к графину.

На этот раз успеваю ее опередить и оттащить бутылку на свою часть стола.

— Мне применить силу, чтобы развязать ваш язык? — подаюсь вперед, упирая ладони в столешницу.

Демоническая кровь вскипает мгновенно.

Мелкая зараза с ее круглыми коленями и невинными глазками — и Эвин?

Кто допустил эту ересь?!

— Герцогиня Лу'На набрала самый высокий бал на сегодняшнем испытании у Мастера Йорка, — скороговоркой выдает маркиза, — и вместе с Вероникой Мор и еще кем-то, — маркиза делает невнятный жест рукой, — в эту самую минуту проводит время в компании Его Величества. У них там... свидание!

Теперь уже я наливаю себе вина.

Но глотка достаточно, потому что я настолько... обескуражен, что вообще ни демоновой печени не чувствую вкус. Как будто выпил воды из старого грязного колодца.

Я выбрал герцогиню совсем не для того, чтобы она ездила на свидания с Эвином.

Я выбрал ее для других целей и Эвин, конечно же, в курсе о них и весь наш план согласован почти до мелочей. Но в этом плане точно не было никаких свиданий.

Поднимаюсь.

Мысленно делаю глубокий вдох, чтобы успокоить раскаленную кровь, от которой мир перед глазами покрывается рябью, будто смотрю на него сквозь пламя.

— Где они? — На маркизу лучше даже не смотреть, а то мне как раз очень захотелось убить гонца, принесшего дурную весть.

— Не думаю, что Его Величество...

Я прищипливаю ее взглядом, как назойливое насекомое.

— Маркиза, ваше дело не думать — вы уже доказали, что с мыслительными процессами ваши дела обстоят гораздо скромнее, чем с содержимым вашего декольте. Так что окажите милость — просто ответьте на сраный вопрос!

— Его Величество пожелал прокатиться с девушками по Белому саду.

Первая мысль, которая поселяется в моей голове — отыскать эту славную компанию, найти любой предлог, чтобы вырвать оттуда мелкую дрянь и посадить под замок, чтобы не протягивала к Эвину свои «далеко идущие намерения», более чем прозрачные и понятные.

Вторая мысль приходит спустя минуту.

Эвин же не младенец беспомощный. И он не хуже моего знает, с кем имеет дело.

А уж если там есть еще и Вероника Мор, то, может, оно и к лучшему? Никто так блестяще не собьет позолоту с одной спесивой девицы, как другая спесивая девица.

С такими мыслями я усаживаюсь обратно.

Закладываю ногу на ногу, стараясь не думать о том, что аппетит ушел и явно с концами.

— Ей здесь не место, герцог Нокс, — неприятно шипит Фредерика.

— Как и вам, маркиза, но вы же здесь, и даже каким-то непостижимым образом все время ухитряетесь испортить мне наслаждение одиночеством и тишиной. У есть в запасе парочка лишних жизней, я полагаю?

Она фыркает и демонстративно уходит, путаясь в складках юбки.

А я, выждав немного, иду к крыльцу. Занимая место на широких гранитных периллах.

Хочу посмотреть, с каким лицом маленькая зараза вернется с прогулки. Возможно, хоть это немного усыпит мою жажду крови, мяса и треска костей.

Ждать приходится долго. Сначала вечер темнеет до темно-серого, потом неумолимо надвигается черная ночь. Выкатывает полная луна, звезды рассыпью.

Сверчки эти, проклятые! Кто додумался сделать их морозоустойчивыми, Хаос задери?

И когда я начинаю терять терпение, со стороны сада, наконец, показывается первый всадник.

Это Эвин, судя по рослой фигуре.

Но...

Я всматриваюсь, напрягая зрение почти до головной боли.

Но сколько бы я не смотрел, картина не меняется.

Рядом с Эвином, на его коне и в его объятиях, сидит румяная и смеющаяся... монашка.

Тьфу ты, Бездна! Герцогиня, чтоб ее демоны сожрали!

Мне кажется или лошадь, на которой они едут, нарочно замедляет шаг?

До крыльца всего ничего, уже и гвардейцы вытянулись в струнку, чтобы встретить короля, но эта проклятая четвероногая скотина еле ползет, как будто где-то в роду породистых харских жеребцов вдруг проклюнулась черепашня кровь. И именно в эту минуту, когда в руках Эвина сидит та самая женщина, чей отец чуть не лишил его короны. Вместе с головой.

Ну хорошо, до настоящего свержения Эвина старому предателю было далеко, но попытка была неплохая. Я бы сказал — единственная за все эти годы, заставившая меня вспомнить, что где-то под моей кожей существуют нервы.

Судя по лицам едущих за Его Величеством всадниц, не одному мне эта «милая картина, полная любви и обожания» набивает оскомину. Особенно печально смотреть на Веронику, раз даже в густых сумерках ее злость горит ярче всех парковых фонарей.

Интересно, Эвину совсем мозг отшибло, что он вдруг решил поиграть с романтика?

Забыл, что эта девчонка, пусть тогда и наматывала сопли на кулак, но при всем честном народе поклялась кровью отца, что отомстит за свою уничтоженную жизнь?

Забыл, что она запросто может держать при себе отравленную шпильку, чтобы при первой же возможности всадить ее ему в глаз?

И что чем невиннее и нежнее она выглядит, тем опаснее на самом деле?

Когда конь, наконец, останавливается у крыльца, Эвин первым спрыгивает на землю и с улыбкой протягивает руки к девочке, спуская ее с седла, словно марципановую принцессу. А когда ставит на ноги, то вообще не спешит убирать ладони с ее талии, а она, кажется, забыла, что ее собственные руки лежат у него на груди.

И выглядит это так, будто Эвин решил наплевать на отбор и объявить имя будущей королевы прямо сейчас.

Боги, надеюсь, он не собирается выкинуть ничего такого?

Первой меня замечает мелкая зараза. Да и то, скорее всего лишь потому, что я, устав «наслаждаться» их идиллией, выразительно откашливаюсь в кулак.

Она смотрит сначала с удивлением, потом, стремительно краснея, убирает ладони и выскальзывает из рук Эвина. Как мне кажется — к его заметному сожалению.

— Рэйвен, — Эвин усмехается, напрочь забыв о существовании двух других девушек. — Печешься о моей безопасности, как всегда?

— Кто-то же должен это делать, — отвечаю с выразительной улыбкой.

— Уверяю, друг мой, во время прогулки сверчки не устроили на меня облаву, хотя... — Улыбка и взгляд на герцогиню. — Был один коварный куст...

— Он лишь хотел избавить вас от моего скучного общества, — краснея, мило отвечает девочка.

И до меня только теперь доходит, что эти двое флиртуют друг с другом.

Причем настолько явно, что это замечает даже Вероника Мор, потому что, не дождавись положенных знаков участия, сама спрыгивает с лошади и нервным резким шагом несетя по крыльцу, изображая фурию из страшной детской сказки. Вторая девица плетется за ней, но, в отличие от девицы Мор, ей хватает мозгов задержаться, чтобы изобразить мне реверанс.

— Потеря вашего общества, герцогиня, — продолжает Эвин, — была бы невосполнимой утратой.

Девочка Лу'На, заливаясь довольным румянцем, словно карамельный петушок на палочке, изображает королю реверанс, смущенно бормочет, что и так злоупотребила его обществом, благодарит за спасение — делаю мысленную зарубку узнать об этом поподробнее — и ускользает, нарочно идя так, чтобы расстояние между нами было максимально возможным.

Будь моя воля — я бы применил к ней парочку своих любимых, развязывающих язык «фокусов», потому что в этом королевстве, да и вообще на этой земле, я буду последним человеком, который поверит в ее искренность.

Даже если я так же готов дать ей сто баллов из десяти за безупречную актерскую игру.

Глава тридцать восьмая

— Ведь у этого всего есть какое-то разумное объяснение? — спрашиваю я, когда мы с Эвином уединяемся в малом трофейном зале, где уже растоплен камин и в кубки налито подогретое до идеальной температуры медовое вино со специями и пряностями.

— Ты о чем? — лениво переспрашивает Эвин, устраиваясь в кресле в своей излюбленной позе — заложив ногу на ногу и подперев кулаком щеку.

— Я о твоих успешных попытках очаровать дочь предателя.

Он делает глоток вина, и продолжает расслабленно улыбаться.

Он вообще слышал мой вопрос?

— Лошадь взбрыкнула, девица свалилась в колючий куст, я спас ее и решил, что не случится ничего страшного, если мы немного прокатимся, — наконец, говорит Эвин.

— Лошадь взбрыкнула, — повторяю за ним, мысленно прикладывая ладонь ко лбу, сокрушаясь над тем, какой, порой, короткой бывает наша мужская память. — Напомнить тебе, что эта мелкая бестия скакала верхом без седла, и если бы не тот счастливый случай — ты был бы как минимум одноглазым?

«А как максимум — мертвым», — добавляю про себя.

— Думаешь, я совсем дурак?

— Думаю, что в нашем плане точно не было пункта «корчить смертельно влюбленного».

Если бы мы с Эвином не пережили все то, что пережили, за одну эту фразу меня запросто ждала бы «роскошная» ночь в подвале, а может даже не одна. Но иногда, когда оба замарались по самые уши в том, о чем лучше не рассказывать потомкам, некоторые условности перестают иметь значение.

Как и некоторые формальности.

— Она могла запросто воткнуть в тебя что-нибудь, Эвин, — перестаю шутить.

— Ради богов, Рэйвен. Думаешь, я бы не справился с этой худышкой?

Не пигалицей, не предательницей, ни как-нибудь еще.

Худышкой.

— Эвин, ты же помнишь, что все это — часть игры, в которой ты — главный приз?

— Помню и собираюсь получить от нее хоть какое-то моральное удовольствие. — Он ленив потягивает вино, и глядя с прищуром на огонь, говорит: — Кстати, я пригласил Матильду на прогулку по озеру.

— За какие такие заслуги?

— Просто так. Король я или не король?

Час от часу не легче.

Мозгом я понимаю, что какими бы ни были наши с Эвином отношения — в основном, неуставными — некоторые вещи, даже если они мне не нравятся, нужно просто принять без комментариев и замечаний. Потому что непостоянство у королей в крови, как ни крути, и я лично был свидетелем тому, как Эвин лично снес голову одному генералу, который выиграл для него три сражения, но в четвертом отказался подчиняться приказам. Это было быстро и молниеносно, как гром среди ясного неба.

Так что, говоря по уму, мне бы нужно было заткнуться и сделать вид, что прогулка на лодке с дочерью предателя — это, в принципе, обычное дело.

Но стоит представить, что они там будут одни, посреди озера, и...

Может же случится что угодно.

— Я благодарен за твою заботу о сохранности моей шкуры и задницы, — словно бы слышит мои мысли Эвин, — но, Рэйвен, клянусь богами, я в состоянии справиться с мелкой пигалицей. Кроме того, она явно непохожа на злостную любительницу всаживать кинжалы в чьи-то глаза.

— Не думаю, что ее интересуют чьи-либо глаза кроме твоих, — отвечаю мрачно.

В голове просто картина, как живая: герцогиня в лодке, Эвин при своей фирменной улыбке, от которой бабы сами в койку укладываются, вечер, звезды, и эти долбанные не мрущие сверчки.

Сжимаю челюсть.

Это же очевидно.

— Она просто втирается к тебе в доверие, — озвучиваю мысль, которая наверняка не найдет нужного отклика.

Он, ожидаемо, закатывает глаза и дает понять, что самое время закрыть тему его свиданий

Я слишком хорошо знаю Эвина, чтобы не понимать, когда он просто флиртует, а когда увлечен всерьез.

В моей голове была пара вариантов развития событий, при которых Эвин мог заинтересоваться одной из конкурсанток. В конце концов, одну из них он официально уложит в койку, а парочку — не официально, на правах возможных фавориток. Но мне и в голову не могло прийти, что среди одиннадцати неплохих вариантов, он выберет двенадцатый — самый неподходящий.

Тот, на который у нас с ним совсем другие планы.

Кстати, о планах.

— Надеюсь, твое желание затащить герцогиню в постель, не отменят ее... участь?

Эвин молчит так долго, что мне начинает казаться — ответа я не услышу.

Но он все-таки есть, хоть и не такой конкретный, как бы мне хотелось.

— Рэйвен, слушай, ты же развлекаешься, как можешь? Даже здесь и даже сейчас. А что есть у меня? Незавидная участь до конца жизни укладывать в постель женщину, которая мне, скорее всего, будет глубоко безразлична? Почему я не могу хоть что-то урвать для себя?

Хочется сказать, что герцогиня Лу'На — не лучший вариант, чтобы урвать то самое земное и приятное, но заталкиваю свой сарказм куда подальше.

Мы сидим так еще какое-то время: пьем, смотрим в огонь, вспоминаем старые-добрые времена, когда доводилось ночевать под звездами, исколотыми и изрезанными, на грязных пополах лошадей. И когда шлюхи казались просто красотками и подарком небес.

Как-то и жизнь была что ли ярче, и вообще.

Но я откланиваюсь, когда понимаю, что каким-то образом умудрился перебрать свою норму и в мозгах появился приятный, но немного раздражающий шум. Мыслить трезво он не мешает, но почему-то образы мелкой заразы с плотно сжатыми коленями и собранными в молитве ладонями теперь практически не выходит из моей головы.

Тревожный звоночек.

Лучше бы от нее отделаться и подождать, пока Эвин с ней наиграется, чтобы, наконец, раз и навсегда закрыть эту большую проблему.

Но, когда я выхожу из малого трофейного зала, мой взгляд привлекает полоса света, выбивающая из-под двери библиотеки.

Кто еще может читать в такой поздний час?

Еще немного — и девицам придется укладываться, если, конечно, какой-то из них не взбредет в голову провести ночь в компании призраков.

Но, Хаос меня задери, я уверен, что там, за дверью — девчонка Лу'На.

Это тяжело объяснить, но стоит ей появиться поблизости — моя кровь настраивается на нее, будто компас.

Нет, Рэйвен, ты знаешь, что сейчас не время туда идти.

Ты не повернешь в ту сторону, потому что, чего доброго, придушишь девчонку.

Ты не...

— Ваша Светлость, — слышу голос в спину, и останавливаюсь на середине лестницы. — Если вы не заняты важными государственными делами, не могли бы мы... кое-что обсудить?

Я собираюсь напомнить ей, который час, и даже открываю рот, но, когда поворачиваюсь — мысль резко меняет вектор.

Потому что на мелкой заразе длинное темное платье в пол, целомудренно застегнутое на верхнюю пуговицу, где-то у нее под самым подбородком. Волосы распущены по плечам, словно какое-то дорогое шелковое полотно. И единственные нагие части ее тела — ладони, которыми прижимает к груди маленький томик в кожаном переплете — кажутся такими тонкими, хрупкими и белоснежными, что вся моя демоническая кровь закипает в венах, желая сделать с заразой столько... всего, что самым верным было бы уйти от нее как можно быстрее. И как можно дальше.

Но вместо этого я, изображая интерес, направляюсь прямым ходом в ее сторону.

Глава тридцать девятая

Сиротка

Прогулка с королем была... чудесной.

После возвращения я силюсь найти в нем хоть какие-то недостатки, но их как будто нет вовсе.

Его Величество был настолько любезен, насколько это вообще можно представить.

И, самое главное — всю прогулку, что я сидела рядом с ним в седле, двух других девушек как будто не существовало вовсе. Об их присутствии изредка напоминало только отдаленные ржание лошадей и обрывки слов непонятного разговора, явно абсолютно не интересного.

А в конце, когда мы почти вернулись в замок, Эвин предложил прокатиться на лодке. Просто так. Без условий, без конкурсных отборов. Без ничего, лишь потому, что ему понравилось мое общество.

Я долго не могла найти себе места, бродила из угла в угол, пытаюсь навсегда запечатлеть в памяти все те слова, что он говорил, хоть в основном это были впечатления о прочитанных книгах. Плачущий, он даже декламировал стихи на память, и так безупречно, что интонации его низкого голоса можно было смаковать, словно мед с первоцветов.

В конце концов, я не выдержала затворничества и решила спуститься в библиотеку, чтобы насладиться всеми теми книгами, которые мне вряд ли еще когда-либо доведется увидеть.

Я долго выбираю что-то по вкусу, потому что, будь моя воля — прочла бы каждую от корки до корки. Остановив взгляд на Летописях Полуночи, тяну ее с полки, подношу к носу и с наслаждением вдыхаю аромат старых, исписанных чернилами страниц.

А когда выхожу, взгляд натывается на рослую фигуру герцога.

Первая мысль — быстро спрятаться в библиотеке, чтобы не сталкиваться с этим ужасным человеком.

Вторая — что я не должна его бояться, потому что герцогиня тоже вряд ли стала бы перед ним трусить.

И, наконец, мысль последняя — раз уж все так удачно складывается, самое время кое-что обсудить. Даже если от одной мысли, чтобы остаться наедине с этим монстром, меня бросает сперва в холод, а после — в жар.

— Я весь ваш, юная леди, — с мрачной усмешкой говорит Рэйвен, проходя мимо меня в полу открытую дверь.

От него слегка, едва слышно, пахнет вином и теплыми специями. И еще немного жженными можжевельными ветками. Странное сочетание запахов, а уж я аромат крепких напитков так и вовсе на дух не переношу. Но невольно, едва ли соображая, что творю, разворачиваюсь «носом» в его сторону, громко и жадно втягивая сумасшедше дурманящую смесь запахов.

Хвала Плачущему, успеваю взять себя в руки за миг до того, как герцог разворачивается в мою сторону всем корпусом.

— Леди Лу'На? — вопросительный темный взгляд как будто мне в самую душу.

Я предательски краснею.

Сама не знаю почему, но от его темных глаз хочется закрыться сразу всеми стенами и заборами, какие только можно найти.

Ох, Матильда, зря ты все это затеяла.

Но ради несостоящей герцогини и ее будущего с Эвином...

Меня неприятно царапает мысль обо всех этих играх с масками и переодеваниями, но я быстро беру себя в руки и, стараясь выглядеть максимально спокойной, взвесившей каждое слово, говорю:

— С оглядкой на неприятную ситуацию, которая произошла сегодня утром, я полагаю, нам нужно обсудить возможность полного отсутствия какого-либо общения между нами. Тем более такого, которое может скомпрометировать мою честь.

Это снова как будто говорю не то, чтобы я.

Но и герцогиня меня этому не учила.

Герцог смотрит на меня долгим непроницаемым взглядом. Настолько долгим и настолько непроницаемым, что я начинаю думать, будто всматриваюсь в бездну и оттуда мне вот-вот начнут отвечать.

Проходит так много времени в нашем полном взаимном молчании, что, когда герцог, наконец, открывает рот, я чувствую себя титаном из мифов о Создании мира, который сбросил с плеч вековую ношу.

— Герцогиня, полагаю, вот так вы изволите шутить? — Мужчина немного подается вперед, как будто переживает, что может не расслышать мой ответ.

— Я абсолютно серьезна, — не даю себя испугать.

Но он, похоже, не собирается брать меня напором своей злости и угроз.

Он... просто смеется.

Громко, без предупреждения, взрывается заразительным смехом, словно фейерверк в Первую зимнюю полночь. Его грудь так содрогается от хохота, что мне приходится сделать пару шагов назад, на всякий случай, если вдруг ребра сейчас треснут и оттуда полезет всякая нечисть, которой этой мужчина наверняка напичкан по уши.

Я все жду и жду, а герцог все смеется и смеется.

Минуту или даже больше. В любом случае достаточно, чтобы это услышали даже под куполом самой высокой башни. С опаской оглядываюсь на дверь, которую, помня наше прошлое общение, нарочно не стала закрывать.

Как будто никого.

Но кто знает, не стоит ли поблизости маркиза. С нее станет использовать против меня любую мою оплошность.

— Юная леди, должен отдать вам должное, — герцог кое-как, но определенно с сожалением, подавляет свое веселье, и заметив мой взгляд, идет к двери своей дьявольской, тяжелой походкой. Берется за ручку, смотрит на меня, потом — боги, он серьезно?! — подмигивает — и с громким хлопком захлопывает дверь. Запирает ее на ключ изнутри. — У вас исключительное чувство юмора... Матильда.

Я вздрагиваю, будто он произнес не мое имя, я притронулся к моей ладони своей... обнаженной ладонью, своими длинными пальцами с выразительными костяшками.

Завожу руки за спину. Отступаю поближе к камину, потому что меня начинает пробирать озноб напополам с нехорошим предчувствием.

Плачущий, и чем я только думала, когда звала его сюда, поговорить наедине?!

Определенно не головой.

— Ваша светлость милорд Куратор, — пробую изобразить максимально холодный тон, — вот как раз об этом я и хотела поговорить. О вашем... недостойном поведении, которым вы ставите под сомнение мое пребывание на этом отборе.

— Разве не вы хотели поговорить... Матильда?

Я снова вздрагиваю, и на этот раз многозначительная усмешка, которую герцог почти что и не пытается спрятать, выдает его мысли — ему нравится выводить меня из себя. Нравится раскачивать лодку.

И почему-то для этого достаточно просто назвать меня по имени.

— Я все сказала, милорд герцог, — делаю шаг в сторону двери. — Полагаю, вы так же все услышали.

— Полагаю, вы слишком много полагаете, как для мелкой пигалицы, — чуть понижает голос герцог. — И так же полагаю, что девица, чей отец имел неосторожность немного скомпрометировать ее состряпанным на коленке заговором против короны, не имеет никакого морального или любого иного права заявлять, будто ее могу скомпрометировать я.

Что?

Стыдно это признавать, но мне необходима пауза, чтобы переварить его слова.

Чтобы вникнуть в их смысл.

Дочь предателя, ну да. Что может быть позорнее, чем быть единокровной дочерью человека, посягнувшего на корону?

— Милорд герцог, тем не менее...

— Не вам, Матильда, упрекать меня в том, что на вашей безупречной репутации вдруг оказались отпечатки чьих-то грязных сапог. И если так хочется влезть в койку к королю, то советую не особо беспокоиться на сей счет, потому что Его Величество буквально горит от нетерпения — так желает поскорее раздвинуть ваши чертовы ноги!

Желает... раздвинуть... что?!

Я чувствую, как закипаю изнутри.

Какая-то дикая волна смывает все на своем пути, выплескиваясь абсолютно стихийным приступом ярости, который глушит все прочие мысли, кроме одной.

Я просто налетаю на него.

Замахиваюсь.

Сжимаю зубы, предвкушая сладкую ноющую боль в ладони от щедрой пощечины нахалу.

Но...

Ничего не происходит, потому что герцог запросто перехватывает мое запястье.

Сжимает его, рывком притягивая к себе, практически, размазывая по своей груди мое беспомощное слишком тонкое и слишком несоизмеримо слабое тело.

— Очень советую хорошенько подумать, прежде чем снова попытаться врезать мне по роже, юная леди. — Его дыхание пряное и крепкое от выпитого, глаза абсолютно непроглядно черные, а кожа пахнет так... странно притягательно, что у меня снова кружится голова. — В следующий раз я могу и не сдержаться.

— Мне больно! — выкрикиваю, пытаюсь освободиться.

— Капля боли как раз то, что нужно, чтобы ваши мозги протрезвели и встали на место, Матильда.

— Не называйте меня по имени!

Бесполезно. Если я и освобожусь, то без руки.

— У вас прекрасное имя, герцогиня. — Пальцы стискивают запястье еще сильнее, и мне приходится прикусить нижнюю губу, чтобы не закричать и не взмолиться о пощаде. — Почему бы мне не использовать его, раз уж я все равно имел честь вас... скомпрометировать.

— Потому что вы мне омерзительны, герцог Нокс! — практически выплевываю ему в лицо. — Потому что мне омерзителен ваш голос, ваше лицо, ваши глаза и все те гнусности, которые вы говорите вашим омерзительным языком! И потому что мне омерзителен ваш... ваш... запах!

Что-то трещит между нами.

Громко, практически оглушая.

Я честно пытаюсь мыслить трезво, но от прежней испуганной Матильды сейчас, кажется, не осталось и тени, потому что все, о чем я могу думать, это — Плачущий мне помоги! — что в это мгновение губы герцога слишком близко.

Что они у него тонкие, совсем не как у короля, но мне хочется почувствовать, что случается, когда мужчина с такими губами, целует такую замарашку под чужой личиной, как я.

И прежде чем понимаю, что этого ни в коем случае нельзя делать, сама тянусь к нему, поднимаясь на носочки, чтобы быть хоть чуточку ближе к этой безразмерной каланче.

Дали же боги роста, прости меня Плачущий!

Глава сороковая

Герцог

Знал же, что нужно было отправить ее к демонам и не заходить в чертову библиотеку.

Задом чувствовал, что наш разговор не закончится ничем хорошим, но, признаться, опасался совсем не того, что в приступе болезненных воспоминаний, чего доброго, сверну герцогине ее такую восхитительно беззащитную тонкую шейку.

Потому что с того самого момента, как она вдруг включила свой высокопарный тон маленькой хозяйки жизни, мне хотелось лишь одного — бросить ее прямо на пол, разорвать платье и посмотреть, какого цвета становится эта белоснежная кожа, если прикусить ее чуть ниже ключицы, там, где модницы вроде герцогини обычно носят каплю дорогих духов.

Но девчонка, судя по всему, духами пренебрегает, потому что единственный аромат, который я улавливаю — это аромат свежего белья и, почему-то, запах обледенелых листьев королевской чайной розы.

Откуда, Бездна меня разорви, в моей голове взялась эта романтическая чушь из мерзких рыцарских романов?

Упаси меня боги стать страдающим влюбленным, скребущим сонеты на поле брани, для большей трагедии, макающим перо в собственную кровь из смертельной раны.

Мне категорически нельзя было к ней прикасаться.

Особенно после того, как Эвин фактически признался, что заинтересован в ней.

Но я запер дверь и уже тогда знал, что что-то такое между нами обязательно случится, потому что, по какой-то совершенно неведомой мне прихоти богов, демонам в моей крови нравилось пускать слюни на Матильду Лу'На.

Потому что в этом платье, с огромными то злыми, то испуганными глазами, она вся — слишком большое искушение.

Я бы сказал — соблазнительно-невыносимое.

Особенно в ту секунду, когда ее руки, словно ветки хрупкого растения, тянутся ко мне, оплетают шею и она вся тянется, прикрывая глаза, распахивая губы для поцелуя.

«Давай, Рэйвен, — противно хихикает демон внутри моей испорченной и порядком прогнившей души, — срывай это яблочко. Ты же хочешь — не отрицай».

Хочу.

Так хочу, что едва держусь, чтобы не вцепиться зубами ей в шею.

Хочу попробовать эту заразу, вкусить, как запретный плод — и пусть бы все горело пропадом до самого утра.

Но есть еще один голос.

«Это просто игра, Рэйвен. Она просто вертит вами обоими: сначала втерлась к Эвину, теперь хочет охмурить тебя, а потом будет упиваться свершившейся мстостью, глядя, как два друга будут грызть друг другу глотки за право владеть ею единолично. Простая игра, Рэйвен, все на поверхности, даже не нужно додумывать».

Ее губы так близко, что на долю мгновения мне хочется придушить того умника во мне, и послушать демона, потому что сейчас я более чем готов сорвать с девчонки одежду, и вряд ли она будет сопротивляться.

Но.

Я моргаю, избавляясь от пелены наваждения.

Не особо получается, но по крайней мере мне выдержки взять ее за подбородок и задержать эту довольно примитивную попытку меня охмурить.

Зелены глаза удивленно распахиваются.

Да будь же ты проклят, хорошенький трезвомыслящий Рэйвен! Из-за тебя я, кажется, теряю какое-

то нереальное удовольствие.

— Ваша... Светлость? — вопросительный шепот.

Такой искренний, что будь я хоть чуточку помоложе и будь на моем теле на десяток шрамов меньше — я бы, чего доброго, клюнул на эту уловку.

— Матильда, вы право слово полагаете, будто меня в вас прельщает... хоть бы что-нибудь? — улыбаюсь, но в душе охота вывернуть мясом наружу чью-нибудь тушу.

Она изумленно моргает.

— Уверяю, — держу ее лицо на расстоянии, но скорее, чтобы не поддаваться искушению и не смять эти распахнутые губы своим ртом, — я предпочитаю женщин иного сорта. Более... — опускаю взгляд на ее весьма скромное декольте, к тому же, туго перетянутое плотной тканью платья, — соблазнительных и женственных. Угловатые не оформившиеся мальчишки вообще не в моем вкусе. Они мне глубоко омерзительны.

Матильда выдыхает.

Ее дыхание обволакивает мои губы, и тот умник внутри все-таки замолкает.

Потому что...

Звонкая и, вынужден признать, крепкая отрезвляющая пощечина, приводит меня в чувство.

Честно говоря, давно никто так лихо не давал мне по роже.

Нет, конечно, искры из глаз не валят, и голова не кружится, но я сразу вспоминаю, что происходит, кто передо мной и почему мне нельзя отпустить мысли слишком далеко из головы.

Хаос, я правда пялился на ее декольте?

И правда сказал, что у нее там все «не в моем вкусе»?

Пальцы, стискивающие упрямый подбородок мелкой бестии, разжимаются сами собой.

Отхожу назад и жестким взмахом руки указываю на дверь.

— Ради вашего же блага, герцогиня Лу'На, уходите так быстро, как только можете.

«Пока мои демоны не сожрали вас и не перемолотили ваши кости в труху!»

Матильда мешкает только секунду, но и этого времени мне достаточно, чтобы разглядеть в ее глазах что-то похожее на сожаление. Снова игры? Ничто и никогда не заставит меня поверить, будто той сопливой девчонке, которая хихикала, глядя на мои пытки, есть дело до того, насколько мне вообще комфортно ходить с побитой рожей.

Наверняка бы всадила в меня серебряный кол, чтобы уж наверняка подох.

Но когда она, подобрав юбки все-таки сбегает, и дверь за ней с чудовищным скрипом возвращается, я вдруг чувствую себя странно... опустошенным.

Особенно, когда взгляд случайно цепляется за книгу, которую Матильда обронила по пути.

Поднимаю, верчу в руках.

Это стихи какого-то тревожного и мнительного юноши, посвященные, очевидно, не менее тревожной и мнительной барышне, иначе зачем он в каждой строчке клянется беречь ее покой, сон и израненную душу.

Надо же, еще одна попытка соорудить трепетную лань?

Я продолжаю сжимать книжицу, даже когда усаживаюсь в кресло и впитываю в себя тепло очага.

Не слишком ли много попыток играть в того, кем она не является, Рэйвен?

Слишком много просчетов, как для девицы, одержимой банальной мстью.

Она же все-таки девица, пусть и излишне кровожадная, а не шпион.

Да, но.

Она дочь человека, которому почти удалось снять с Эвина корону.

И это тоже никак нельзя сбрасывать со счетов.

— Герцог? — голос маркизы, которая думает, что крадется бесшумно, совсем не застает меня врасплох.

Я слышал ее шаги еще когда она только подходила к двери, чувствовал удушливый и слишком навязчивый, как и она сама, запах ее духов.

— Маркиза, — отзываюсь только из вежливости, но головы не поворачиваю.

— Старый верный пес короля решил погреть свои косточки, — произносит голосом заправской соблазнительности, становясь прямо передо мной, и демонстрируя, как обычно, более чем завлекательное декольте. — Могу составить вам компанию.

«Только с закрытым ртом», — говорю мысленно, и тут же ловлю себя на том, что не хочу ее присутствия ни в каком виде. Даже в том, о котором накануне пару раз подумывал.

— Леди Виннистэр, называть меня старым псом с вашей стороны очень уж опрометчиво и смело.

— Ну, если мужчина предпочитает одиночество и скучное чтение обществу свободной женщины...

Моим демонам все-таки нужна кровь, потому что раззадорившая их жертва бросила жирную кость и сбежала, и мои попытки посадить тварей на цепь абсолютно не увенчались успехом. Вся разница в том, что на одной хотелось разорвать платье, а другую просто хочется разорвать — в мясо.

Я встаю.

И когда Маркиза пытается прильнуть ко мне, за плечо разворачиваю ее, словно механическую куклу. Довольно грубо усаживаю в кресло, стряхивая пальцы со своего мундира.

— Герцог, а вот это было грубо, — кривит губы она, фыркая, как недовольная лошадь.

— Маркиза, — я говорю тихо, но она снова вжимает голову в плечи, уже помня, что таким тоном я обычно говорю все то, что не сулит ей ничего хорошего. — Старый пес короля не бросается на старые ничейные кости, даже если они сами приносят себя на блюдо. Но если вам так одиноко и не с кем скоротать ночь, полагаю, среди гвардейцев Его Величества найдется парочка юнцов, падких на дамские прелести веселых вдовушек.

Маркиза так плотно поджимает губы, что ее рот как бы вовсе исчезает с лица.

Было бы славно, если бы она и дальше делала вид, будто его нет.

Это сделало бы меня почти немножко счастливым.

Глава сорок первая

Сиротка

За ночь я так ни разу и не смыкаю глаз.

Пытаюсь уснуть. Пытаюсь укрыться с головой, сделать вид, что в безопасности и вокруг меня нет ничего, кроме безопасных монастырских стен. Кто бы подумал, что пройдет совсем немного времени, прежде чем я начну скучать по скучной и размеренной монастырской жизни?

Только под утро, когда я окончательно замерзаю, потому что не нахожу в себе сил даже развести огонь, а звать служанку не хочу, забираюсь под одеяло, укутываясь им до самого носа.

Закрываю глаза... и как-то мгновенно проваливаюсь в тот ужасный сон.

Где я бегу по лесу, босая и испуганная, где меня преследуют огромные черные псы.

И мужчина.

Я падаю, и чуть подсказывает, что больше мне никогда не подняться, и что спасения не будет. Что вся моя жизнь вот-вот оборвется, потому что Он уже рядом. Его тяжелая поступь давит пожухлую прошлогоднюю листву.

Я боюсь его так сильно, что горло сводит до невозможности дышать.

Он рядом.

Так близко, что чувствую его запах: почему-то, от него пахнет дымом и пеплом.

Поднимаю голову, когда говорит что-то, глядя на меня сверху вниз. Слов не разобрать, как и лица, и какая-то часть меня усилием воли покидает тело, стремится вверх, смахивая с лица незнакомца пелену и рябь сонной дымки.

Кто ты?

Почему ты так меня пугаешь?

Я тебя знаю?

Кожа руках горит и кровоточит, потому что из-под нее снова прорываются костяные шипы и странные, похожие на ожоги, символы костей и рогов.

Я подавляю боль, хоть терпеть уже почти нет сил.

Нужно увидеть его лицо.

Почему-то это очень важно. Важнее всего, что я делала за все восемнадцать лет жизни.

Я почти добираюсь до его лица.

Вижу заметную темную щетину на подбородке.

Вижу выразительные губы.

Чувствую, что от него нужно бежать со всех ног, потому что пощады не будет, но...

Настойчивый стук в дверь, вырывают меня из сна буквально за миг до того, как я протягиваю руку к лицу незнакомца, чтобы, наконец, сдернуть с него личину безымянности. С чего я взяла, что он мне знаком?

— Ваша Светлость герцогиня Лу'На, — встревоженный голос моей новой горничной, — Ваша Светлость, вам надлежит спуститься к завтраку через полчаса!

Я барахтаюсь в простынях, пытаюсь выбраться из кокона одеяла, в которой сама же себя и завернула.

В конце концов, просто падаю с постели и невнятно мычу, что уже почти иду.

Вчера, после нашего с герцогом «приятного разговора», я была так напугана, что заперлась на ключ изнутри.

А сегодня утром хочется врезать себе хорошенько за ту минутную слабость, когда я... кажется...

действительно собиралась подарить свой первый поцелуй вот этому мужчине.

Самому недостойному из всех.

Когда с горем пополам открываю дверь, Эсми — так, кажется, зовут мою новую горничную — стоит с растерянным и встревоженным видом, держа в руках большой кувшин и отрез белоснежной ткани.

— Я... плохо спала, — пытаюсь объяснить свою нерасторопность, одновременно пряча руки за спину.

Сон был слишком реальный и, как в прошлый раз, еще когда я была «пленницей» монастыря, мне кажется, что все те страшные символы и наросты каким-то образом прорвались из грез в реальность, и поместили меня своей уродливой красотой.

Девушка даже не смотрит на меня — быстро несется в купальню, отворачивает пару вентилях, из которых почти сразу пускается горячая вода. Густой белый пар почти сразу укрывает нас обеих с головой. Пользуясь случаем, потихоньку осматриваю свои руки — ничего, хотя прикосновения пальцами к поверхности кожи доставляют боль, словно под пальцами действительно есть ожоги, только невидимые. Но, к счастью, и эта боль быстро утихает.

— Ваша Светлость, нам лучше бы поторопиться, — говорит Эсми, быстро стаскивая с меня сорочку.
— Если опоздаете к завтраку — миледи Виннистер с меня три шкуры снимет.

С огромным трудом поджимаю губы, чтобы не воспользоваться случаем сказать все, что я думаю о «миледи» и в особенности о ее любви к вызывающим нарядам. Почему-то очень некстати в памяти всплывает брезгливый взгляд герцога, с которым он изучал мою... мои формы.

Ну да, конечно, куда уж мне до маркизы с ее барельефом на фасаде!

Пока горничная моет и сушит мне волосы, пытаюсь уговорить себя не брать в голову слова человека, который даже не скрывает, что не упустит возможности сказать или сделать мне гадость. И даже если они направлены на другую, ту, которую я вынуждена изображать — от этого вообще не легче.

— Кто-то пришел, Ваша Светлость, — говорит Эсми и через мгновение я тоже слышу стук в дверь.

После моего кивка, горничная торопливо открывает.

Я в последнее мгновение успеваю запахнуться в тяжелую домашнюю накидку, потому что на пороге стоит Орви.

С корзиной цветов в одной руке, и какой-то большой коробкой, украшенной роскошными лентами — в другой.

Мы смотрим друг на друга и у меня мурашки по коже.

Он принес все это... мне, настоящей? Он меня узнал?!

— Миледи, — Орви, краснея, быстро опускает взгляд. — Его Величество просил передать... знак его... восхищения.

У бедняги будто спица в горле — говорит еле слышно, и как-то хрипло.

Хочется броситься к нему, сказать, что это — я, Матильда, и что никакая я не леди и нечего тут передо мной краснеть, словно перед писаной красотой. Не будь между нами Эсми, я бы точно поддалась порыву, не думая о последствиях.

Но, наверное, это и к лучшему, что мы не одни.

— Король прислал вам знак внимания... — Глаза моей горничной наполняются таким восторгом, будто она наперед знает, что со всего этого добра что-то обязательно перепадет и ей. — Вы знаете, что это значит?!

Рассеянно мотаю головой, потому что все мои мысли сосредоточены лишь на том, стоит ли дать понять Орви, что я — это на самом деле я, а не герцогиня, которая слишком знатна для такого простака, как он, чтобы даже бояться без разрешения на нее смотреть.

Во всем этом хаосе и странных резких поворотах — вот как, к примеру, эта корзина и коробка — мне нужна хотя бы одна живая душа, которой можно пожаловаться на жизнь.

— Благодарю, лейтенант, — мой собственный голос звучит не лучше.

— Там записка! В цветах! — успевает выкрикнуть Орви, прежде чем горничная ловко выпихивает его за дверь.

Глава сорок вторая

Коробка довольно внушительных размеров, и пока Эсми бережно ставит ее на софу около постели, я разглядываю букет из какого невероятного количества нежно-розовых лилий, между которыми шмыгают маленькие призрачные феи. Сначала даже кажется, что они настоящие, но стоит притронуться к ним пальцами — иллюзия развеивается с маленьким хрустальным звоном. Я слышала, что Аспекты могут использовать и для создания вот таких милых мелочей, но своими глазами вижу впервые.

— Ваша Светлость?— нетерпеливо напоминает о себе горничная, как будто это не мне, а ей принесли цветы и коробку. — Там записка...

Я молча вытаскиваю маленький конверт, внутри которого такая же изящная открытка, исписанная, кстати говоря, весьма корявым почерком, но с размашистой королевской подписью.

— «Спасибо за прогулку, леди Матильда, и надеюсь увидеть вас к завтраку в том маленьком знаке внимания, который прилагаю к этому букету». — Я читаю вслух, чтобы мою бедную помощницу не разорвало от любопытства. Еще раз смотрю на коробку — не очень похоже, чтобы там был «маленький знак внимания». При желании, в нее можно было бы упаковать полцарства. — «С восхищением к вашей красоте, король Эвин Первый Скай-Ринг».

Эсми восхищенно закатывает глаза и едва дождавшись моего одобрительного кивка, бросается развязывать ленты, чтобы выудить наружу подарок Его Величества.

В ворохе упаковочной бумаги и облаке мягких кружев, которых хватило бы, чтобы сшить занавески на каждое окно в моем монастыре, лежит... чокер.

Он как будто соткан из радужного тумана, капель утренней росы и дымки, которая часто поднимается над цветущими вишнями. Что-то настолько тонкое, изящное и почти прозрачное, что страшно даже пальцем тронуть.

В центре, на маленьком кольце висит оформленный драгоценной филигранью медальон: круг, в центре которого сверкает огромный изумруд.

— Мамочки мои... — Оторопело шепчет Эсми. — Тут не обошлось без лучших мастеров Артании, Ваша Светлость.

Это... дорого.

И это все, что я могу сказать о знаке внимания Его Величества.

Потому что не представляю, как эту вещь носить и что со мной будет, когда мои конкурентки узнают, чей это подарок. А они узнают — можно не сомневаться.

— Давайте примерим? — не терпится горничной. Она чуть не пританцовывает от восторга.

А мне словно ком в горле и какое-то внутреннее противоречие нашептывает, что лучшее применение подарку Эвина — завернуть его обратно, завязать банты и спрятать с глаз.

Но все же послушно сажусь на пуф перед зеркалом, давая Эсми наспех собрать мне волосы и медленно, с благоговением и не дыша, застегнуть украшение на моей шее.

Кожа покрывается мурашками, когда ее обжигает ледяным холодом драгоценного металла.

Горло сводит.

Это потому что я никогда раньше не носила ничего подобного?

Или... что-то не так?

Я не успеваю ничего сказать, лишь протянуть руки к шее, прежде чем тонкий ободок украшения превращается в удавку.

Перед глазами все темнеет, потому что в легких стремительно заканчивается воздух, и я с ужасом слышу противный хруст натянутой под ожерельем кожи.

Все еще пытаюсь сорвать себя это смертельное украшение, но пальцы немеют, и хватают только пустоту.

Я заваливаюсь на бок — удержаться за стол уже не получается.

Где-то у меня над головой вопит горничная.

Я вижу только мелькающие перед гаснущим взором юбки ее форменного платья и башмаки с тяжелыми каблуками. Почему-то в голове вертится мысль о том, что если бы я до сих пор была простой монашкой — отдала бы что хочешь за пару вот таких же башмаков на крепких приземистых каблуках.

У меня таких никогда не было.

И не было даже такого платья.

А единственная драгоценность, которую подарили лично мне, кажется, вот-вот меня же и прикончит.

Эсми, наконец, начинает звать на помощь, и я благодарю Плачущего, что у моей горничной такие крепкие развитые легкие, потому что от звука ее голоса дрожит даже пол подо мной. Или это вот так отзывается мое агонизирующее воображение?

Я столько раз видела смерть, что и не сосчитать. Особенно, когда в монастырь привозили раненых и они умирали у нас на руках, иногда тихо, словно провалились в глубокий сон, а иногда громко крича и умоляя богов дать им еще хоть бы день.

Но я никогда не думала, что моя собственная смерть будет такой... нелепой. Монахини доживают свой век в семье сестре по вере, в окружении тех, с кем выросли и состарились, спокойные и готовые ко встрече со своим богом. И уж точно не валяются на полу, пытаюсь глотнуть воздуха еще хоть бы раз, прежде чем дорогое ожерелье свернет им шею.

Кажется, это конец? Из глаз катятся слезы, и я едва-едва чувствую их соль стынущими губами.

В груди что-то жжет. Так сильно и резко, словно из меня растет дерево сразу размером с о столетний дуб.

Эхо шагов.

Тяжелая уверенная поступь. Шаг быстрый, но без паники.

Прикрываю глаза, почему-то уверенная, что так я сохраню остатки сил.

Перед мысленным взором снова та страшная сцена из сна и шаги, которые преследуют меня теперь уже наяву. Или я уже... того, умерла?

Подошвы тяжелых ботинок прямо перед глазами.

И снова по коже озноб, как будто прям сейчас я, наконец, досмотрю ту сцену, от которой кровь стынет в жилах.

Как будто хоть перед смертью разгадаю преследующую меня много лет загадку.

Какая-то сила переворачивает меня на спину, крепкие руки с длинными тонкими пальцами тянутся к шее.

Острая боль прожигает тело в тот момент, когда я чувствую сильный рывок.

Кожа горит — я могу поклясться перед всеми богами, что вижу красные всполохи на кончике собственных подрагивающих в предсмертной агонии пальцах.

— Бездна задери, Матильда! — злой мужской голос. — Что за...?

И поток отборной ругани.

Совсем не приличествующей положению и рождению герцога Нокса.

Я, наконец, теряю сознание.

Уж не знаю — к добру ли это, но за миг до этого проклятое украшение перестает стискивать мою шею.

Глава сорок третья

Когда я открываю глаза, первое, что вообще чувствую — запах.

Пахнет... странно. Теми травами, которые иногда курят богатые господа, приезжающие на ярмарки. Они набивают ими длинные деревянные трубки и втягивают дым, словно какое-то целебное свойство от всех недугов. Ну или по крайней мере тех, которые невозможно увидеть снаружи.

Я провожу рукой по горлу, в панике сглатываю густую слюну.

Кожа под пальцами тут же вспыхивает от боли. Веду по тонкому следу, опоясывающему шею, словно самое уродливое украшение в мире.

— Я не умерла? — зачем-то произношу вслух, и громкое недоверчивое хмыканье заставляет резко обернуться.

— Мне кажется, леди Лу'На, есть что-то странное в том, что я задаюсь тем же вопросом вот уже битый час!

Сажусь, подавляя приступ головной боли и рвоты.

Тяну одею до самого носа, когда из стоящего напротив камина кресла, поднимается черная, больше похожая на тень фигура герцога.

И почему-то его шаги в мою сторону снова до боли похожи на ту зловещую поступь из моих кошмаров.

Плачущий помощи, кажется, я слишком много обо всем этом...

Герцог резко нависает надо мной, без всякого стыда и приличия, ставя руки по обе стороны моей головы, хватаясь пальцами за высокую спинку кровати, словно вознамерился ее сломать.

Я в ужасе вздрагиваю, когда замечаю на его щеке уродливый свежий ожог: словно кто-то выплюнул ему в лицо сгусток огня, и прилипчивое пламя потекло вниз по коже, до самой шеи и дальше, оставив дыру в вороте мундира.

— Что такое, юная леди, вас более не привлекает мой вид? — скалится герцог, и как нарочно, наклоняется еще ниже. От его искривленных в злой ухмылке губ пахнет тем самым дымом. — Вы больше не горите отчаянной страстью, Матильда? Не желаете меня... поцеловать?

Я тяну одеяло еще выше, но герцог в один рывок сдергивает его на пол, лишая меня последней хлипкой преграды перед ним.

В последней попытке хоть как-то отгородиться от этого человека, пытаюсь вытянуть из-за спины подушку, выставляю ее вперед, но и она летит на пол. Как будто герцог и впрямь собирается разорвать меня на кусочки, выпотрошить, чтобы вдоволь натешиться происходящими со мной метаморфозами.

— Что... произошло? — спрашиваю, заикаясь, и громко вздрагиваю от страха, когда спиной натыкаюсь на спинку кровати. Все, дальше отползать уже некуда. Я в ловушке и, если герцог захочет свернуть мне шею — он сделает это мгновенно, всего одной рукой. — То ожерелье...

— Да, Матильда, то чудесное ожерелье, которое чуть вас не придушило и которое я, по доброте душевной, решил с вас снять! — Он все-таки открывает ладонь от спинки кровати и тычет ее мне под нос, прямо раскрыто пятерней.

Я снова вскрикиваю, зачем-то мотаю головой и жмурюсь, как будто если закрыть глаза — все это будет происходить с кем-то другим.

Но даже так я все-равно «вижу» на ладони герцога длинный широкий ожог, ярко алый, ввевшийся в кожу намертво, навсегда.

Я уже видела что-то похожее.

На руке Орви, когда он просто пытался до меня дотронуться.

— Откройте глаза, юная леди, либо мне придется применить к вам силу, — тихим злым шипением предупреждает герцог и я послушно исполняю приказ.

Послушно, но медленно, как будто тот этого действительно не так быстро снова ворвется в мой хрупкий внутренний мир.

Кожа на ладони герцога болезненно красная.

Остается лишь догадываться, какую боль он испытывает, весь покрытый отметками этой навсегда изуродованной плоти. Мой взгляд снова поднимается к его лицу, которое всего в паре вдохов от моего: смуглая кожа, плотно сжатые губы, широко раздувающиеся от бешенства ноздри.

У него уже есть шрам на лице, но каким-то непостижимым мне образом, я никогда не могла думать об этой отметке как о чем-то уродливом, что делает герцога безобразным. Но ожог...

Мое сердце словно превратилось в игольницу — болит, колет со всех сторон.

— У вас... — вскидываю руку и прикасаюсь пальцем к прожженной дыре на вороте мундира, — испорчена одежда.

Хочу сказать совсем другое, но почему-то получается лишь это.

Герцог молчит.

Только нервно сглатывает, когда неосторожно задеваю красный след на шее — кожа здесь болезненно вздутая.

— Я могу сделать мазь — боль будет легче. Нужен корень белого ириса, настойка коры...

— Какие удивительные познания в деле, недостойном девицы благородного происхождения, — ухмыляется герцог и я тут же прикусываю губу. — Когда именно, юная леди, вы поняли, что испытываете непреодолимую тягу к врачеванию? Когда ваш дражайший отец пытал пленников или когда это делали вы?

Он обвивает пальцами мое запястье.

Я проглатываю крик боли.

Наши взгляды так близко, что я могу без труда разглядеть все оттенки его темных глаз. Там что-то горит, очень глубоко, так глубоко, как вряд ли заглядывал хоть кто-нибудь из ныне живущих. Красное пламя злости, раскаленные всполохи ненависти.

Тягучий багряно-золотой дым... желания?

Плачущий, спаси, откуда во мне все это? Почему я, вместо того, чтобы звать на помощь, как будто отчаянно жду хоть какого-то знака небезразличия?

— Я пытался спасти вашу проклятую жизнь, — его голос становится тише, мягче. — Вы лежали на полу и задыхались. Такая маленькая и беспомощная. Нужно было просто подождать еще пару мгновений — и судьба сама подбила бы счеты между нами. Чего уж проще?

— Вы желаете мне смерти? — спрашиваю шепотом.

— Всем сердцем, — не лукавит он.

Но подушечка большого пальца скользит по коже моего запястья все выше и выше, до самого сгиба ладони, где находит маленькую ямочку, прикосновения к которой посылают россыпь мурашек по моему телу.

— Тогда зачем же...

У меня не хватает сил закончить фразу, но герцог заканчивает ее сам, на свой манер.

Мы все еще смотрим друг другу в глаза, держим эту хрупкую связь, как будто лишь она отделяет его от желания закончить то, что не сделало смертельное украшение, а меня — от смиренного принятия этой незавидной участи.

Герцог поднимает мою руку.

Подносит ее к губам, тем самым местом, которое только что поглаживал пальцем, словно играл на дорогом инструменте.

Мне нужно позвать на помощь, нужно одернуть руку, потому что его намерения так очевидно непристойны, что самое время подумать о своей непорочной душе, которую я вот-вот покрою грехом.

Но когда губы герцога прикасаются к моей коже, мысли о чистоте, заветах Плачущего, дозволенном и недозволенном, тут же покидают мою голову.

Мы все так же смотрим друг на друга, и когда я немного притягиваю руку, герцог склоняется вслед за ней. Лишь немного прикрывает глаза, пряча взгляд за длинными ресницами.

Его губы на моем запястье такие горячие, что сердце замирает в груди.

Влажное приятное касание, от которого голова кружится словно я весь день провела на ярмарочной карусели.

Меня словно поджигают изнутри — медленно, сначала приятно, до покалывания в кончиках пальцев, а потом стремительно, как ком с горы.

Снова нечем дышать, но на этот раз мне не страшно.

Он все-таки закрывает глаза, яростно сжимает пальцы вокруг моей руки и вгрызается в кожу с каким-то остервенением.

Я будто растекаюсь по кровати — силы стремительно покидают меня, оставляя лишь волну слабости, которая медленно топит меня под собой.

И, хоть взгляд затуманивается, я успеваю заметить, как уродливое пятно ожога медленно тает на коже герцога, опадая пеплом, будто и не было.

Глава сорок четвертая

Герцог

Я должен желать ей смерти.

Причин для этого у меня больше, чему кого-либо из ныне живущих.

Я не должен был спасать мелкую гадину, когда она лежала на полу и, задыхаясь в агонии, беспомощно скребла ногтями по полу.

Но... я не смог просто стоять и смотреть, как Вселенский закон справедливости, наконец, выполнит свою миссию. Умри она тогда — мне не пришлось бы марать руки, хоть вопросы совести я всегда ставил на последнее место, если вообще вспоминал об этом несвойственном мне атавизме человеческих эмоций.

Но девчонка оказалась... с секретом.

И это еще больше укрепило меня в мысли, что либо я схожу с ума, либо герцогиня Лу'На сделала то, что уже многие годы не удавалось сделать никому — заключила контракт с демоном.

Стала такой, как я.

Другого объяснения всему произошедшему после того, как мои руки коснулись ее кожи, я так и не смог найти.

Я притащил ее к себе в комнату, послал за лекарем, и был полон решимости привести мерзавку в чувство, чтобы вытрясти из нее либо признание, либо душу.

Я был готов к тому, что придушу ее собственными руками, если она снова состроит невинно-чистое личико, прикидываясь не той, кем есть на самом деле.

Я был готов избавиться от нее, хоть сам же вырвал из лап Костлявой.

Я был...

... просто притянут, как чертов магнит.

То ли ее дьявольской сущностью, то ли собственными голодными демонами. Теми самыми, что которую ночь подряд нашептывают о единственной причине, по которой я регулярно и жестко пресекаю все попытки маркизы согреть мне постель.

Я хотел заставить ее каяться, просить прощения, сознаваться во всех своих коварных планах на Эвина. Пользуясь ее слабостью, получить свое — и вышвырнуть, живую ли, мертвую — все равно.

А в итоге, стоило увидеть эти огромные влажные зеленые глаза — и мои рогатые дружки завыли от жуткого голода.

Завопили от потребности насытиться.

Не маркизой.

Не любой другой женщиной Артании.

Не любой другой женщиной вообще.

Лишь этой.

Единственной, как будто созданной нарочно для меня.

Я хотел сорвать с нее одежду, посмотреть, какой беспомощной она будет полностью нагая на белоснежных простынях. Посмотреть, как покраснеют ее щеки, когда буду целовать и трогать, оставлять следы укусов на этой безупречной коже.

Я хотел ее всю, для себя. На один раз, чтобы использовать и сожрать, и сбросить бремя навязчивой идеи.

А когда понял, что мы с ней каким-то непостижимым образом слились в одно целое, и я выпиваю ее жизнь слишком жадными глотками, девчонка снова лишилась чувств.

Как раз в ту минуту, когда я крепко схватил ее в объятия, прямо под взглядом ввалившегося в мою комнату Эвина.

Твою же Хаоса задницу!

Мы с Эвином были в таких переделках, что обсуждать какое-то непонимание между нами просто бессмысленно. Он доверяет мне даже больше, чем когда-то доверял своему отцу, а я, взамен, всегда верен в каждой своей мысли и поступке.

И тем более, даже в самые черные времена, когда наша дружба проходила испытание верностью и золотом, я никогда бы не позволил себе прикоснуться к женщине, которую выбрал мой друг. Они просто не представляли для меня интереса, никогда, на каком-то глубинном уровне, о котором любят говорить любители теории «внутреннего мира», чтобы их Бездна взяла.

Эвин стоит посреди моей комнаты и первое мгновение тревога и бешенство на его лице сменяются непониманием. Или недоумением? Он выглядит примерно так же, как в ту нашу первую битву, когда мы были еще мальчишками, и в него всадили арбалетный болт. Роба у Эвина была очень странная, как будто он правда верил, что заговоренный и его не возьмет ни стрела, ни меч, а когда это случилось и вдруг стало очень больно, сначала пришло удивление — как же так?

Я знаю, что нужно бы сбросить мелкую заразу и поскорее избавиться от связи, которая образовалась между нами, когда притронулся губами к ее руке. Как знал, дьявол, что именно здесь у нее то, что нужно моим демонам — сила, насыщение, источник жизни, их которого глотнул слишком сильно.

Потому что уже давно не делал ничего подобного.

Кажется, с тех самых пор, как однажды проснулся в борделе в окружении десятка голых девиц, не помня, ни как я туда попал, ни что я с ними делал. Хотя о втором по их замученному и измотанному виду, догадаться было не сложно.

— Что тут, Хаос подери, происходит? — спрашивает Эвин, приходя в себя. Пинком закрывает дверь за своей спиной, отрезая все любопытные носы по ту сторону порога. — Рэйвен, что ты с ней делаешь?! Совсем спятил?!

Задницей понимаю, что сейчас не время объяснять, что произошло, поэтому оттягиваю момент, бережно укладывая девчонку на кровать. В глаза бросается красный след на ее запястье. В том самом месте, где я как ненормальный буквально впился в ее кожу, высасывая жизненную энергию, потому что сдерживаться уже больше не было сил.

Голова до сих пор кружится от вкуса ее души.

Будь оно все проклято!

— Это не то, что ты думаешь, — говорю раньше, чем понимаю, как глупо звучит это банальное оправдание для человека, который прекрасно знает, на что я способен.

— Ради богов, Рэйвен! — Эвин обходит меня по широкой дуге, присаживается на край кровати и легкими похлопываниями по щекам, пытается привести герцогиню в чувство. — Матильда, очнитесь. Матильда, что...

Его взгляд сперва опускается на выпуклый красный след от украшения-удавки, потом — на безжизненно откинутое запястье. И в третью очередь — на меня.

— К ее шее не имею никакого отношения, Ваше Величество. Я пытался спасти ее и...

На одной из моих ладоней до сих пор остался след ожога, но в остальном — я это чувствую — выпитых жизненных сил мне хватило, чтобы исцелиться. Стараясь не привлекать внимания, немного отвожу за спину покалеченную руку, и в двух словах быстро объясняю Эвину, что произошло.

Но об ожогах — умалчиваю.

Впервые за все время, что мы знаем друг друга — много лет! — я умалчиваю. И умалчиваю именно о том, о чем следовало бы сказать в первую очередь.

Даю себе обещание держать рот на замке ровно до тех пор, пока Матильда не придет в себя и не объяснит мне, что все это значит. Потому что если мелкая мерзавка нашла способ прорвать Печать и заключить контракт с демонами, это может быть... очень большой проблемой.

— Ты присылал ей украшение, Эвин? — Я настолько готов услышать «нет», что его внезапный утвердительный кивок на мгновение даже вышибает из равновесия. — То есть... это ты...

— Демонова дюжина, я просто прислал украшение женщине, на которую хочет произвести впечатление, — шипит Эвин, и в один рывок поднимает герцогиню на руки. Она такая маленькая и беспомощная, что где-то внутри меня в конвульсиях дергается еле живая совесть — я же мог убить ее, если бы Эвин появился хоть на минуту позже. — Я не собирался отправлять ее к праотцам, Рэйвен!

По крайней мере, ничего такого в наши планы не входило и у меня нет повода сомневаться в его словах.

— Куда ты? — делаю шаг за ним, но он останавливает меня грозным взглядом.

— Отвезу Матильду к единственному, кто сейчас может ей помочь.

Киваю.

К химеру. В Артании больше нет никого, кто бы мог исцелить душу.

— И пока меня не будет — разберись, что все это значит, — приказывает король. Жестко и безапелляционно, потому что сейчас я больше не друг, я — его цепной пес и инквизитор. Распутывать такие загадки — моя работа. — А когда найдешь — сделай так, чтобы с головы «умника» не упал ни один волос, потому что открутить эту голову — моя королевская привилегия. Хоть с этим ты справишься в состоянии?

Молча склонив голову, проглатываю где-то даже заслуженный укор.

Хороший урок на будущее: любая женщина, вдруг возникшая на пороге моей жизни и задержавшаяся там чуть больше положенных нескольких часов, обязательно станет источником проблем.

Глава сорок пятая

Сиротка

Я прихожу в себя совсем не от того, что жесткие губы герцога впиваются в мою руку.

Я просыпаюсь от навязчивого желания чихнуть.

Словно кто-то щекочет тонким перышком у меня под носом.

Неосознанно даже пытаюсь его смахнуть, но щекотка никуда не девается и совершенно точно, нет никакой руки, которая бы держала это перо.

Зато я отчетливо, несмотря на противный звон в ушах, слышу знакомый мелодичный голос. Совершенно точно, так мурлыкать герцог Нокс не способен.

— Вам пора открывать глаза, маленькая герцогиня, — прищелкивание языком, — потому что если через минуту вы этого не сделаете, один очень нетерпеливый коронованный красавец свернет мне голову, а она мне, как вы должны понимать, еще пригодится — где еще я буду носить свои роскошные рога? Ну не на плечах же, в самом деле!

Медленно, с трудом открывая сперва один, потом второй глаз, осматриваюсь.

Над головой — крона цветущего дерева, и крохотные, похожие на серебряные звезды цветочки, медленно опадают вниз, но странным образом исчезают до того, как коснуться моего лица.

Где-то там же чирикают птицы, даже слышна музыка.

И когда я делаю первый вдох, причина моей щекотки становится ясно видна — радужное облачко у меня над головой, похожее на тучку, из которой вот-вот пойдет карамельный дождь.

— Уже лучше? — Рогатая белоголовая голова склоняется надо мной и глаза со странными зрачками шуряются, словно у меня что-то не в порядке... со всей мной.

— Я... кажется... — Провожу рукой по шее — след от удавки все еще там. Только теперь к моим телесным увечьям, если их можно так назвать, прибавился еще и красный кровоподтек на запястье. — Герцог Нокс...

— ... чуть-чуть перестарался, — мрачно кривит губы Сайфер, одновременно помогая мне сесть. — Так бывает, когда в тебе дюжина демонов и ты не прислушиваешься к добрым советам иногда давать им свободу.

Что?

Дюжина... демонов?

— Но, думаю, — Мастер склоняется еще ближе ко мне, кладет когтистую лапу мне на сгиб локтя, сжимает... и откуда-то, словно изнутри, проступают те уродливые символы из моего сна, — у нашего милого Нокса был повод потерять голову.

Сначала я пытаюсь прикрыть руку, слишком быстро и нелепо загораживаю ладонью то, что впервые за годы преследований меня во сне, вдруг стало явью. Но когда через мгновение понимаю, что моя рука все так же нетронута, а кожа — чиста, становится понятно, что меня только что обвели вокруг пальца.

Правда, совершенно непонятно как.

Мастер Сайфер загадочно улыбается и протягивает мне красивый кубок, наполненный прозрачной жидкостью с пузырьками. Кивком подбадривает просто выпить все без объяснений. Почему-то, хоть он только что и затуманил мне разум, и за минувшие несколько часов меня дважды пытались убить, я не сомневаюсь, что по крайней мере в этом бокале точно не яд.

Глоток за глотком, выпиваю все, и практически сразу чувствую прилив сил, от которого понемногу проясняется в голове.

Сажусь, опираясь на услужливо протянутую руку Мастера.

— Чтобы вы со мной сделали? — Вопрос, который вертится на языке, срывается оттуда сам собой.

— С тобой, малышка Матильда, я сделал лишь то, что мне приказал наш потерявший голову король. — После минутного молчания, видимо поняв, что у меня нет мыслей на этот счет, с горьким вздохом поясняет: — Его Величество был крайне обеспокоен твоим душевным и физическим

состоянием, в особенности после того, как застал тебя, почти бездыханную, в жадных лапах милашки Нокса.

Меня почему-то передергивает от всего этого: герцог, я в его постели, и король, с которым накануне мы провели незабываемый вечер. И где-то за кулисами всего этого — мой явно недовольный тем, что я осталась жива, убийца.

Внезапная страшная догадка приходит мне в голову одновременно с неприятной вспышкой боли, и я даже не сразу понимаю, от чего страдаю больше — от этого колющего приступа в висках, или потому что то украшение прислал мне... король.

— Нет, — словно читает мои мысли химер, — если ты думаешь, что вот это безобразие, — брезгливо показывает пальцем в сторону моей шеи, — придумал сотворить с тобой наш красавчик в короне, то ты совершенно точно ничего не знаешь об Эвине. Он хоть и душка, и заноза в заднице, каких еще поискать, но чтобы вот так, исподтишка — нет. Даже с оглядкой на ваши «теплые отношения» в прошлом и всю ту боль, которую ему причинил твой отец — Эвин никогда бы не поступил так низко. Он из тех, кому нравится убивать, глядя в глаза. Я бы уж скорее поставил на душку Нокса, но это слишком... просто для него.

Я вспоминаю свирепый взгляд герцога и его «Я желаю вас смерти от всей души».

Плачущий защити, да он и так сделал со мной что-то... после чего я чувствую себя словно старый дырявый сеник!

Рука снова неприятно зудит, и я опасливо, на всякий случай, прикрываю ее краем легкого пледа, которым Мастер Сайфер заботливо меня укрыл.

Слишком много всего странного происходит в моей жизни, чтобы не сойти с ума, пытаюсь разобраться во всем этом. В особенности в том, что реально, а что — лишь страхи из моего сна.

Сайфер понимающе кивает, и я даю себе обещание больше не удивляться этим его безупречным попыткам угадать ход моих мыслей. Взамен уверенно беру протянутую мне когтистую лапу, и молчаливое предложение прогуляться.

Надеюсь, по крайней мере в обществе этого странного... существа, мне нечего опасаться.

Хотя события последних дней показали, что теперь нужно перестать доверять даже собственной тени.

Глава сорок шестая

О том, что в Салоне химера полно скрытых коридоров, комнат и даже целых залов, я поняла еще в свой первый визит сюда. Но когда он ведет меня по маленькой хрустальной лестнице куда-то вверх, за крону громадного волшебного дерева, и там открывается целый новый мир, я все равно узнаю с замиранием сердца.

Это похоже на сад, в который не ступала нога человека: заброшенные островки первозданной зелени, мшистые камни, причудливые ручейки и отсутствие выложенных или даже протоптанных дорожек — мы идем прямо по свежей, блестящей от росы изумрудной траве. Она пригибается под нашими шагами, но когда оглядываюсь — все девственно нетронуто.

Волшебство?

Даже страшно представить, сколько здесь Аспектов, и какая невиданная сила заставляет их работать.

— Это мой dha'ly maas, — говорит Мастер.

Я знаю, что это означает «санктуарий» — место, куда нет хода никому, кроме избранных.

Интересно, почему я вдруг попала в их число?

— Пожалуй, маленькая герцогиня, самое время рассказать тебе то, о чем ты, кажется... ммм... случайно забыла? — Химер подводит меня к маленькой скамейке у пруда с водяными лилиями. Сам усаживается напротив и лениво играет со стайкой стрекоз, которые вьются вокруг него, изображая живую радугу.

Холодок страха ползет по спине и даже очарование и умиротворение атмосферы этого места, не дают мне расслабиться.

Он знает?

Он знает про наше с герцогиней притворство?

«Ну конечно он знает! — почему-то голос в моей голове похож на рассерженный крик Настоятельницы Тамзины. — Если он копался в твоей голове и видел твои сны, о которых ты не рассказывала никому, что ему ваши игры в переодевания?!»

— Только, малышка Матильда, давай договоримся, — он понижает голос до шепота, хоть это скорее часть игры, чем реальная предосторожность — сложно представить, что здесь, в его убежище, нас могут подслушать, — обо всем, что я тебе... гмм... напомню, лучше не бежать сразу трубить на главной площади. Считай, я делаю это из сострадания к бедной запутавшейся пташке.

Но звучит это так, что даже у этого существа во всем происходящем есть какой-то свой интерес.

Правду писали в тех книгах, которые потом исчезли из монастырской библиотеки — люди из большого города и люди с властью, всегда в поисках выгоды.

— Полагаю, вы, конечно же, помните историю рождения нашего обожаемого короля-солнышко? — Химер усаживается поудобнее, явно намекая, что разговор будет не быстрый. — Но на всякий случай, чтобы убедиться, что в вашем знании нет пробелов, я уточню. Эвин родился пятьдесят три года назад, от его безвременно почившего короля Дарека Скай-Ринга. Роды были очень тяжелыми и его мать умерла родами, даже не успев взять сына на руки. Бедняжка, — Сайфер выглядит искренне огорченным, словно речь идет о близком ему человеке, — она была очень молода, и так отчаянно любила Дарека, что не желала видеть тревожных предзнаменований. Но, как бы там ни было, на свет появился крепкий здоровый карапуз — Эвин. Он еще с колыбели очаровывал всех, в особенности женщин.

Эту историю знают, кажется, все.

Я не могла бы ее «забыть», потому что об этом пишут во всех исторических книгах.

Но перебивать химера не рискую.

Наверное, есть причина, почему он вдруг заговорил обо всем этом.

— После кончины любимой, король Дарек был убит горем и даже появление наследника не могло заглушить его боль. Долгие годы он попросту сторонился женщин. Думается, он и войну-то начал только чтобы заглушить боль и держаться подальше от всего, что могло напоминать ему о семейном счастье. Согласись, малышка Матильда, на поле боя, когда вокруг смерть, оторванные конечности и

потные грязные мужчины, нет времени думать о семейном гнездышке и руках ласковой женоушки.

Я успеваю прикусить язык и промолчать о том, что почти все раненные, которых приносили в монастырь, перед смертью плакали, что не любили, когда могли, и не говорили, что любят, когда кто-то ждал этих слов.

— В общем, — продолжает химер, — только спустя несколько десятков лет Дарек преодолел боль и, наконец, решил жениться.

Почему-то отмечаю, что когда речь шла о матери Эвина, Мастер Сайфер ни слова не сказал о том, откуда она была и кем.

— Его выбор пал на девушку весьма... странную, из далеких земель, рожденную от крови первых людей, как и сам Эвин. Она прибыла в столицу инкогнито — Дарек очень переживал, что кто-то может отнять его сокровище и до самой кончины бедняжки, берег ее от сглаза. Жаль, что этого все равно оказалось недостаточно.

И эту историю я тоже слышала.

Ее в нашем королевстве слышал каждый и только черствые, и бессердечные не нашли в себе сострадания к ее финалу.

Прекрасная и юная королева Л'лализель скончалась от неизвестной хвори, а ее муж, король, не пережив кончины любимой во второй раз, скончался от горя спустя несколько дней.

Даже сейчас у меня сводит горло и щемит в глазах.

Мастер Сайфер, напротив, выглядит совершенно спокойным, и даже загадочно улыбается.

— Я все это знаю, Мастер, — говорю, справившись с чувствами. — Все жители Артании знают эту трагическую историю.

— Да да, маленькая герцогиня, именно поэтому я расскажу тебе о том, что жители артании знать не могут... Но должна бы знать ты, раз уж твой отец собирался сместить нашего милого Эвина с его престола, опираясь на то неоспоримое доказательство, что наш законный король — рожденный вне брака бастард, чья мать была отдана Дареку в качестве трофея в одной из войн.

Чтобы не сказать вертящееся на языке непотребное слово, которое я частенько слышала от солдат, когда перевязывала и обрабатывала их раны, закрываю рот обеими ладонями.

Химер явно наслаждается моей реакцией, вкушает ее, словно что-то сладкое.

И, насытившись, подливает масла в огонь.

— Дарек Скай-Ринг никогда не называл Эвина своим преемником, никогда не узаконивал его права на престол, потому что его наследником должен был стать ребенок Л'лализель. Ребенок, рожденный в законном браке, с крепкой кровью и хорошей родословной. Ребенок, которого прекрасная и таинственная Л'лализель, увы, унесла с собой в могилу.

Я ничего не знаю о придворных интригах, но даже те знания истории, которые почерпнула из хроник и книг давали очень ясное представление о том, что такое король-бастард. Точнее — что такое «незаконные права на престол».

Химер явно наслаждается моей реакцией, а потом добавляет:

— Между прочим, милая Матильда, хоть вы, безусловно, — звучит как неприкрытое издевательство, — знаете, что о таких вещах не стоит трубить на главной площади, возьму на себя смелость предупредить, что Его Величество предпочитает не афишировать этот факт своей биографии. Так что, если вы по какой-то неведомой мне причине успели узреть во мне врага и разом покончить с моей жизнью, вам стоит лишь шепнуть королю, что я посмел говорить об этих, безусловно, неприятных фактах законности его притязаний на корону, чтобы мое сытое и довольное существование прекратилось.

— Зачем бы мне это делать? — отвечаю как-то сразу, не особо подумав, потому что не могу отделаться от мысли, что прямо сейчас узнаю что-то такое, что поднимает глубин моей памяти что-то совершенно неизвестное.

Это как вдруг отыскать на дне колодца остатки корабельного крушения, которых там попросту не может быть.

Химер снова шуруется, на этот раз так, словно он угадал мои мысли и прекрасно знает, что это был за «корабль» и как он оказался в моем «колодце».

Я прилежно складываю руки на коленях, изображая, как научено, примерную девочку.

Химер посмеивается.

Я стискиваю зубы. Тем местом, на котором сейчас сижу, чувствую, что меня поймали, но не могу понять на чем.

Снова и снова прокручиваю наш разговор и... останавливаюсь.

Бунт отца герцогини, за который его все так ненавидят.

Он был против короны.

Он чуть не стоил Эвину... всего.

Герцогиня Лу'На не могла не знать о том, что права короля на престол натянуты так же лихо, как и мокрая кожа на доску.

— Моя хорошая, тебе не о чем беспокоится, — говорит химер, немного понижая голос. — От меня никто ничего не узнает. И потом — кто я такой, чтобы вмешиваться в игры Богов? Я лишь маленькая милая хлебная крошка под их ногтями, и мне там вполне уютно. Так не будем же ничего менять.

Он помогает мне встать, парой легких движений вспушивает волосы, пощипывает щеки, чтобы к ним снова прилип румянец. Потом берет за плечи, потом поворачивает, заставляя взглянуть в невесть откуда взявшееся зеркало. В отражении у меня весьма печальный вид, так что Мастеру приходится пальцами приподнять уголки моих губ, чтобы изобразить хоть какое-то подобие улыбки. Он стоит позади меня и когда в зеркальной поверхности наши взгляды скрещиваются, я чувствую табун мурашек по коже, потому что химер больше не улыбается.

— Последний совет, маленькая герцогиня, — он наклоняется к моему уху, чтобы произнести продолжение фразы. — Marionетка судьбы все равно может стать главной фигурой. Если будет умнее, хитрее и смелее.

Когда он выводит меня обратно к Его Величеству, я понимаю, что смысл этой фразы еще не раз меня удивит.

Глава сорок седьмая

Герцог

— Я знаю, что все горничные не обладают ни великим умом, ни большой хитростью, и ваш удел — плести косы и разносить сплетни, но на всякий случай предупрежу, что даже отъявленным хитрецам и интриганам не удавалось обвести меня вокруг пальца.

Я намеренно говорю тихо и спокойно, ни на полтона не повышая голос. Люди отчего-то пугаются именно спокойных разговоров. Тем более женщины. От крика они обычно просто грохаются в обморок. А пока служанка герцогини не рассказала, кто передал ей букет, ее беспамятство только усугубит допрос.

Девушка комкает передник трясущимися руками и энергично кивает.

Это почти скучно, потому что с самого начала было понятно, что такие, как она, врать не умеют. Ну разве что придумать мамке, что молоко скисло от порчи, а не потому, что нерадивая дочь забыла вынести кувшин в холод.

Ожидаемо, девушка выкладывает все сразу, как по заученному.

Я задаю пару сбивающих вопросов, намеренно путаю, переспрашивая. Прожженные лгуны знают, что важнее всего не попасться на мелочах, потому что именно там — слабые места. Женщины, к примеру, путают цвет туфель или платья, хотя любая скажет, что точно помнит, во что одевалась и какого цвета были кружева на нижних юбках. Мужчины забывают про бритве. Вариантов много, если знать, за какие ниточки дергать.

Горничная говорит истинную правду: гвардеец принес корзину с цветами и коробку с подарком. Они с герцогиней сразу вскрыли коробку и сразу примерили украшение.

И то, что началось потом, тоже произошло почти мгновенно.

Все на глазах у этой перепуганной бедняжки.

— Клянусь, Ваша Светлость, не я это! — Девушка грохается на колени и начинает завывать, словно припадочная. — Не погубите!

Приходится отдать девчонке носовой платок и выпроводить вон, дав указание привести ко мне мальчишку-гвардейца, которого по моей предосторожности уже давно изолировали и взяли под стражу.

Хотя, конечно, чего уж там — если под носом у инквизитора, случилась такая красивая интрига, тут работают игроки высшего класса. И они обо всем договорились заранее. Изолируй их или усади пировать рядышком за один стол — итог будет равнозначный.

Тем не менее, когда мальчишку притаскивают под руки, словно строптивую девушку на выданье, он бледен и строптив, как и всякий горячий юнец, которому еще не обломали его первые неокрепшие рога.

Но держится молодцом.

Что логично, потому что в королевскую гвардию попадают только смелые и отчаянные. Иногда, правда, еще и слегка сумасшедшие, но кто из нас не без этого недуга?

— Я этого не делал, — не дожидаясь ответа, говорит молодой лейтенант, вытягиваясь по струнке, словно готовится принять удар топора по шее. — И готов присягнуть на том перед любым судом — человеческим или божьим.

Охотно верю и киваю в знак этого.

Вещицу, которая чуть не задушила мелкую заразу, я осмотрел очень тщательно.

Аспекты такого уровня требуют как минимум выдающихся талантов и способностей.

А этот пацан не очень похож на человека, способного освоить хотя бы азы этой науки. Но на всякий случай все равно расспрашиваю его, где родился и как вырос. Пока рассказывает, хожу по комнате, слушая лишь в пол уха.

Ни служанка, ни этот парень не могли использовать такой мощный Аспект. Строго говоря, людей, которые могли бы это сделать, во всем замке не больше, чем пальцев на одной моей руке — лекарь, пара алхимиков, личный колдун Эвина и помощницы маркизы.

Я останавливаюсь.

Мальчишка как раз замолкает, и я использую тишину, чтобы протянуть незамысловатую связь.

Она, конечно, в числе первых, кому не с руки присутствие девчонки, и из всех обитателей замка именно маркизе выгоднее всех избавиться от мелкой заразы.

Ну, после меня, разумеется.

Только я бы не стал действовать такими грубыми способами. И тем более не стал бы так глупо подставляться. Тут уже не след их хлебных крошек, а целая накатанная дорога.

Именно поэтому не спешу хвататься за эту версию. Маркиза, конечно, о форме и размере своих женских прелестей думает куда больше, чем о том, как вывести герцогиню из игры, но даже она не так глупа, чтобы действовать так глупо. Тем более, что каждый ее шаг согласован Тайным советом. А как бы я не принижал умственных способности этих старых пней, они все же не настолько мизерны.

Но, за неимением других вариантов, придется взять тот, что есть.

Для начала.

В конце концов, знавал я и более прожженных интриганов, попавшихся на сущей ерунде.

Поворачиваюсь на каблуках, чтобы отпустить лейтенанта с миром, и успеваю заметить, как он потирает перевязанную ладонь.

Боль собственного свежего ожога звучит как ответное эхо.

— Что у вас с рукой, лейтенант? — спрашиваю, нарочно придав голосу небрежности. — Только не говорите, что это последствия попыток хоть как-то скрасить одинокие солдатские будни.

Лейтенант стремительно краснеет — от макушки до самого края ворота форменной сорочки.

Но вместо ответа поджимает губы и всем видом дает понять, что ответ на этот вопрос я вытяну из него только под пытками.

Очень интересно.

— Лейтенант, вы действительно желаете, чтобы я повторил вопрос? — немного понижаю голос, но щедро добавляю туда ноток доброты. Пусть пацан ломает голову над тем, хочу ли я его запугать или просто не хочу трудить горло.

— Это... — Он прокашливается. — Я был не очень осторожен во время фехтования.

— Какая жалость, — шепотка искренности.

Работать с военными — это всегда такая беспросветная скука, что даже жаль впустую тратить свои нух ищейки.

Пацан врет. Грубо и совершенно бестолково. Уверен, что если взять его за жабры и немного погонять вопросами, когда, где и с кем он так заигрался с зубочисткой, правда вскроется быстрее, чем я подумаю «абракадабра».

Минус в том, что гвардейцы — лучшие воины, привыкшие терпеть лишения и страдания походной жизни, излечиваться от гнойных ран и боли отрубленных конечностей. Его можно так же разорвать на части, но даже пойманный на вранье, он все равно ни в чем не сознается.

Но даже всего этого мне достаточно как минимум для двух выводов, каждый из которых интереснее другого.

Так яростно покрывать солдат будет либо боевого товарища, либо Родину.

Либо женщину.

Сомневаюсь, что перевязанная рука может как-то повредить Артании или кому-то из двух десятков таких же бравых молодцев, которые протирают здесь штаны, защищая «бесценные» бабские юбки.

Значит, дело в женщине.

Собственно, как обычно.

— Будьте аккуратнее, лейтенант, — продолжаю совсем уж миролюбиво. — Его Величеству нужны

солдаты с обеими руками, иначе кто будет защищать наши земли от Свободных кланов? Можете быть свободны.

Он едва ли выдает свое удивление тем, что отделался так легко, щелкает каблуками и маршем, как на плацу, выходит вон.

Я же поудобнее усаживаюсь в кресло, прикрываю глаза, сосредотачиваясь на всех возможных участниках этой странной истории, начинаю плести мысленную паутину возможного заговора.

Глава сорок восьмая

Сиротка

После возвращения в замок, я замечаю сразу несколько изменений.

Во-первых, теперь дверь в мою комнату охраняет пара гвардейцев, и один из них — Орви.

Мне стоит больших усилий пройти мимо него и ни разу не посмотреть в глаза.

Одиночество и страх заполняют, кажется, все пустоты моей души, и никакая охрана у двери не может с этим справиться.

А мне даже поговорить не с кем.

Плачущий, мне даже не на кого положиться, некому рассказать, что я перестала понимать, в какую игру я играю и кто вообще мной играет.

Поэтому, когда я замечаю второе изменение, от отчаяния хочется выть.

Это едва ли заметно, но в свете ярких солнечных лучей, на окнах видны радужные прозрачные нити волшебной решетки.

Уверена, это тоже решение короля. Вряд ли бы маркиза Виннистэр так озаботилась моей безопасностью.

Я усаживаюсь за стол, подпираю щеку кулаком и уже собираюсь погоревать о своей нелегкой судьбе, как дверь без стука распаивается, и все свободное пространство комнаты словно бы сжимается до размеров крохотной монастырской коморки, в которой хранились щетки и метлы.

— Миледи Лу'На, — герцог пронзает меня безучастным ледяным взглядом. — Полагаю, вы уже пришли в себя и готовы дать ответы на все мои вопросы.

Я непроизвольно одергиваю рукав платья в том месте, где на коже до сих пор ощущаются губы этого невыносимого человека. Румянец закипает на щеках от одной этой мысли, но, хвала богам, безэмоциональное лицо герцога Нокса действует отрезвляюще. Лучше чем горькая настойка наставницы Тамзины.

— Я бы предпочла больше не находиться с вами наедине, милорд Куратор, — говорю еще немного неуверенным, но вполне осмысленным и твердым голосом.

— Мне ровным счетом нет никакого дела до того, чего вы там хотите, юная леди, — пожимает плечами Нокс.

— Я обязательно так и передам Его Величеству, когда он придет справиться о моем самочувствии. Надеюсь, у вас есть веская причина снова без спроса врываться в мои личные покои и компрометировать мою репутацию, хоть я уже просила не делать...

Герцог подносит палец к губам, как бы намекая, что мне лучше замолчать.

Точнее, это наглый приказ, которого я не могу послушаться, хоть и очень стараюсь.

Несколько долгих мгновений мы просто смотрим друг на друга, сражаемся мыслями, словно непримиримые соперники, и я снова проигрываю, потому что делаю шаг назад, в то время как герцог продолжает стоять на месте. Мое «бегство» определенно его радует — об этом красноречиво свидетельствуют изогнутые в триумфальной ухмылке губы.

— Юная леди, чтобы внести ясность, — его голос такой сухой, что у меня начинают зудеть ладони.

— Если в вашей определенно наполненной всяким хламом голове вдруг родились мысли, будто мне доставляет великую радость нахождение с вами наедине, то спешу вам огорчить — я бы с большим удовольствием отправился чистить конюшни, чем быть здесь и осознавать, что мы находимся достаточно близко, чтобы дышать одним воздухом. Однако, я — верный и преданный слуга короны, и привык исполнять возложенные на меня обязанности. В часть которых так же входит следить, чтобы все девушки, вверенные моим заботам на время Отбора невест, находились в здравом уме и крепком теле. Сделать что-то с содержимым вашей головы я, увы, абсолютно бессилён, — при этом вид у герцога такой, будто его это определенно радует, — но более чем в состоянии позаботиться о сохранности вашей... гаммм... телесной оболочки.

Сказано с нарочитым пренебрежением. На грани отвращения, будто моя «телесная оболочка» — пренепрятнейшая из всех, которые ему доводилось сохранять.

Одолеваемая желанием плюнуть на все и как следует ему врезать, сжимаю кулаки.

Герцог стоит, где стоял, но демонстративно закладывает руки за спину.

— Вы желаете что-то сказать по сути моих слов, юная леди? — презрение сменяется насмешкой. — Советую сделать этой сейчас, потому что сразу после допроса, я собираюсь покинуть вашу комнату незамедлительно. Исключительно ради того, чтобы не компрометировать вашу безупречную репутацию, а не то, о чем вы подумали.

Мне хочется его ударить. Заехать кулаком прямо в центр самодовольной рожи и посмотреть, как великий и ужасный герцог Нокс завоет от боли.

Монашка из монастыря, которой доводилось защищать свою жизнь и от воров, и от набегов разных голодранцев, запросто могла бы это сделать.

Но герцогине Лу'На рукоприкладство явно не к лицу.

Так что остается последнее оружие — вынуть шпильки, которыми Нокс утыкал меня, словно игольницу, и вернуть каждую с таким же усердием.

— Я подумала, что буду чрезвычайно рада, если вы как можно скорее закончите допрос, и ваша телесная оболочка покинет пределы моего личного пространства. Исключительно потому, что мне дорога моя репутация, а не то, о чем вы подумали.

Герцог все еще улыбается.

И его почти ничего не выдает, кроме разве что нервно дергающегося уголка рта, от улыбки не остается и следа.

— И еще, — вскидываю палец, нарочито привлекая внимания к тому, что следующие слова имеют особое значение. — Полагаю, раз уж моя телесная оболочка доставляет вам столько боли и страдания, всем нам будет лучше, если впредь все возможные вопросы мы будем решать исключительно через наших горничных. Уверяю, милорд Куратор, что никакое, как вы соизволили выразиться, «содержимое моей головы», не помешает мне понять содержимое ваших записок. Давайте же позаботимся о сохранности наших телесных оболочек и сделаем хоть что-то приятное друг для друга.

Я понятия не имею, откуда в моей голове вся эта складная речь, но какие бы силы ее туда не вложили, мысленно от всей души их благодарю.

Потому что проклятый герцог выглядит так, будто его только что окатили помоями с ног до головы.

Мне требуются все усилия воли, чтобы ничем не выдать свой триумф, хоть я полностью заслужила счастье видеть, как с этого напыщенного типа сползет его маска холодного безучастия. В особенности после того, как я по его вине чуть не отправилась на тот свет.

Правда, сперва герцог все же спас мою жизнь.

Пока меня терзают противоречивые чувства и эмоции, Нокс берет себя в руки и снова демонстративно обдаёт меня презрением.

— Я хотел принести свои извинения, юная леди, — говорит четко и сухо. — Полагаю, все дело в аспектах, которыми кто-то заколдовал едва не убившее вас украшение. Уверяю, подобное более не повторится.

Это звучит совсем не как искренняя попытка признать свою вину

Скорее как нарочитое предупреждение о том, что лучшая защита от «подобного» — иметь железные и нерушимые основания вовсе от меня отдалиться. Как можно дальше.

— Мое предложение общаться через горничных, как всегда, в силе, — напоминаю я, подстраиваясь под его холодную официальную речь. — Меня совершенно не интересует, что послужило причиной вашему недостойному и порочающему мою честь поведению, но нам обоим предельно ясно, что каждый раз, когда мы оказываемся слишком близко, происходят очень...

— ... мерзкие вещи? — заканчивает за меня герцог.

— Вообще-то я хотела сказать «опасные», но ваш вариант звучит честнее.

Мы снова замолкаем, но на этот раз, как бы сильно я не старалась не смотреть на него, мой взгляд все равно намертво прикован к темным глазам Нокса.

Плачущий, помоги, все это определенно дурно кончится.

— Полагаю, — продолжает герцог, и я лишь краем мыслей понимаю, что он делает шаг в мою сторону, пока мои собственные ноги словно вырастают в пол, — нет необходимости предупреждать, что все случившееся между нами, следует держать в тайне.

— Согласна, — говорю в ответ.

И снова шаг ко мне, уже ближе, чем на расстояние вытянутой руки.

Что происходит? Мы ведь только что решили, что не испытываем никакого желания находиться слишком близко друг к другу? Что это мерзко и опасно.

— Мне бы не хотелось, — на губах герцога появляется зловещая усмешка, — прибегать к некоторым не самым гуманным методам, которые бы призвали вас молчать.

— Вы мне угрожаете? — не верю своим ушам.

— Предупреждаю, миледи Лу'На.

Мне кажется, что я вот-вот задохнусь от возмущения, но напряженную обстановку нарушает стук в дверь и появление Орви.

Он несколько мгновений молча смотрит на меня и герцога, на дистанцию между нами, растерянно переводит взгляд с меня на Нокса и обратно.

Я слишком резко шарахаюсь назад.

Герцог, конечно же, слишком проницателен, чтобы не заметить этого.

Но все же, именно он первым нарушает тишину, интересуясь, какого лешего гвардеец вламывается в комнату леди без ее разрешения войти.

Бедняга Орви тут же вытягивается по струнке и рапортует, что маркиза Фредерику Виннистэр желает переговорить со мной с глазу на глаз.

— Скажи, пусть катится к демонам, — отбрасывает Нокс.

Орви открывает — и закрывает рот, лишь мельком глядя на меня, едва ли слишком заметную из-за спины герцога, которой он только что меня загородил, будто маркиза заявила, чтобы отнять у него любимую игрушку.

— Милорд Куратор, вы забыли, чья это комната? — От возмущения перед глазами все пылает.

Да кем он себя возомнил, этот тип?!

Воображает, что имеет право расписываться за всех и каждого?!

— Что, простите? — Он поворачивает голову. — Я отвечаю за вашу безопасность, и я...

— Скажите леди Виннистэр, что я ее жду, — обращаюсь к Орви, нарочно повысив голос на тот случай, если Нокс снова вздумает вмешаться со своими командирскими замашками.

Герцог так сильно стискивает зубы, что их злой скрежет почти что ласкает мой слух.

Когда дверь распахивается и маркиза wpłyвает в мою комнату, как обычно, в одном из тех нарядов, которые почти не оставляют места воображению, Нокс железной поступью проходит мимо, не отметив ее ни взглядом, ни словом.

Как будто именно он — тот единственный мужчина на свете, которому ее выдающиеся женские прелести вовсе не интересны.

Понятия не имею, отчего этот маленький и ничего не значащий факт, заставляет меня испытать сладкий вкус триумфа.

Глава сорок девятая

— Я готова приступить к испытаниям, — в который раз повторяю я, потому что маркиза, похоже, вознамерилась во что бы то ни стало убедить меня в обратном. — Случившееся не добавило мне радости, но я не собираюсь убежать, поджав хвост.

Леди Виннистэр, похоже, мое упрямство доставляет ровно такое же раздражение, как и мне — ее попытки убедить меня в необходимости отказаться от испытаний и убраться восвояси.

Даже если у меня есть все основания беспокоиться за свою жизнь, я не готова уходить сейчас.

Хотя бы потому, что какими бы всемогущими не были мои невидимые враги, на моей стороне есть сильный союзник — сам Его Величество Эвин.

Всю дорогу из салона Мастера Соула обратно в замок, король убеждал меня, что сделает все возможное, чтобы подобное больше не повторилось. А если не верить слову самому могущественному человеку королевства — тогда кому вообще верить?

— А ведь я искренне надеялась на ваше благоразумие, — раздраженно бросает маркиза, расхаживая по моей комнате, словно у себя в покоях.

Хорошо, что в монастыре я познала науку смирения, и мне хватает сил не гостить ее парочкой колких замечаний. Хоть искушение слишком велико.

— Мое благоразумие никак не противоречит моей готовности выполнить свой долг и стать невестой Его Величества, если я окажусь этого достойна.

Маркизе мои тщеславные реи определенно не по душе, но она, подобрав юбки, наконец двигается к двери, на ходу бормоча время, в которое мне надлежит явиться в алхимическую лабораторию.

Что? Алхимия?

Хорошо, что леди Виннистэр выходит до того, как я отчаянно поджимаю губы.

Алхимия?!

Я же ни демона не разбираюсь в аспектах!

Плачущий, прости за богохульство!

Но я даже толком подумать ни о чем не могу, потому что возвращается горничная и быстро, дрожа от страха всякий раз, когда случайно меня касается, помогает мне одеться в просто темное платье и передник, а потом собирает волосы в простую гладкую прическу, покрыв их белоснежной шапочкой.

На этот раз — без украшений.

Может, следовало согласиться на предложение маркизы? Я же совершенно точно провалю испытание, потому что я абсолютно ничего не знаю о тонкой науке обращения с Аспектами. Это будет еще хуже, чем прогулка верхом, потому что на лошади хотя бы было дамское седло.

— Все хорошо? — пугливо интересуется горничная, перебирая складки форменного платья. — Вы отчего-то снова бледны... как в тот раз.

Отвечаю ей весьма натянутой улыбкой и медленно, почти что как улитка, ползу к двери.

При виде меня Орви снова хлопает глазами и говорит, что по приказу короля будет повсюду меня сопровождать.

Он идет позади, отставая, как положено по этикету, ровно на два шага.

Мы заходим в галерею с колоннами, высокими потолками и промозглыми сквозняками. Порывы ветра едва не сбивают меня с ног, и когда я зябко обхватываю плечи, Орви все-таки подступает впритык и заботливо укутывает мои плечи в свой мундир.

Я вздрагиваю от неожиданности, когда он так же резко разворачивает меня лицом к себе, пытливо всматривается в мое лицо и, выдохнув, с надрывом спрашивает:

— Ради богов, Матильда, скажи, что я не ошибся и это действительно ты!

От неожиданности я просто теряю дар речи.

Голова, забитая мыслями о предстоящем испытании, едва выдерживает напор новой напасти — меня разоблачили? Так просто? Почему?! Только потому что мы с герцогиней похожи?!

— Я... не знаю... — Орви крепко держит меня за плечи, и я едва не морщусь от боли, потому что его пальцы слишком сильно впиваются мне в кожу, едва ли не до костей. А он как будто и не чувствует, не понимает, что делает больно. — Этот мерзавец хотел причинить тебе боль и поэтому ты... у него...

Он окончательно путается в словах и просто показывает свою перевязанную ладонь.

У герцога рука перевязана так же, потому что на его ладони теперь тоже след от чего-то, что как будто живет внутри меня и оберегает от всего.

Или, наоборот, хочет, чтобы мою порченную натуру поскорее разоблачили.

Я ничего не понимаю, кроме того, что прямо сейчас у меня есть выбор — сдержать обещание и хранить тайну герцогини, но остаться совершенно одной в этом недружелюбном месте, либо смалодушничать и признаться, но обрести друга.

Орви сначала хмурится, потом окончательно меня отпускает, пятясь назад с видом человека, которому только что вынесли смертельный приговор. Если бы на моем месте действительно была настоящая Лу'На, подобная выходка действительно могла бы стоить ему головы.

— Миледи... — Он говорит едва слышно. — Моим поступкам нет оправдания. Я готов... я повел себя недостойно и готов безропотно принять...

Я не даю ему закончить, порывисто, в пару шагов, сокращая расстояние между нами и мимолетно касаясь его руки.

— Это я, Орви, — говорят скорее лишь мои губы. — Это правда я.

Его взгляд, смиренно потухший мгновение назад, снова загорается.

Мы просто таращимся друг на друга с глупыми улыбками, совсем как в тот день, когда встретились на ярмарке, и не могли сказать ни слова. Только тогда вокруг нас была уйма народа, а сейчас — лишь стены и сквозняки, но именно здесь я чувствую себя так, словно на подслушивает весь мир.

— Я написал отцу, попросил его передать тебе весточку, но он сказал, что тебя в монастыре нет. Какие-то люди приехали за тобой и... ты просто исчезла. Я места себе не находил! — Орви как будто хочет обнять меня, но вовремя вспоминает, чем это обернулось в прошлый раз, и ограничивается лишь легким касанием воздуха где-то у меня над ухом. — Я чуть с ума не сошел, Тиль, не знал, что делать и где тебя искать. А потом увидел руку герцога и подумал, что только ты могла так его отделать.

Мы воровато переглядываемся и тихо смеемся в кулаки.

В душе что-то оттаивает.

Совсем немного, но этого достаточно, чтобы мне стало легче.

— Но как ты...

— Потом, — перебиваю его. — Это длинная история. Поклянись, что никому ничего не скажешь!

Он тянется к вороту мундира, расстегивает пару верхних пуговиц и достает висящий на простом кожаном шнурке медальон с локоном моих волос. Крепко сжимает его в кулаке перебинтованной ладони и повторяет те самые слова, которые уже говорил в тот вечер, после ярмарки, когда я едва его не убила.

— Ты мне как свет в окошке, — говорит в конце всего, когда я едва могу дышать, чтобы не расплакаться от облегчения и счастья. — Я на плаху пойду, а никогда тебя не выдам. Я...

Громкий звук где-то над головами заставляет нас отпрянуть друг от друга, словно вороватых возлюбленных.

Это всего лишь потревоженная птица, но шум ее крыльев напоминает, что мы должны быть очень осторожными, если хотим сохранить все в тайне.

Орви заходит мне за спину, правда, на этот раз становясь на полшага ближе, и мы идем в алхимическую лабораторию.

Глава пятидесятая

Я прихожу предпоследняя — в дверях едва успеваю разминуться с Примэль, которая, завидев меня, тут же начинает сиять, словно встретила закадычную подругу, хватая под локоть и торжественно шествует через всю лабораторию, словно я какая-то важная персона, а не местный изгой и первый претендент на вылет.

Чего это она?

Я кое-как осторожно высвобождаю руку, когда мы занимаем последние из оставшихся столов — один напротив другого. И чуть правее, словно нарочно — стол, за которым устроилась Фаворитка. Она поглядывает на меня с видом человека, который костями ляжет, но в этом состязании не даст обогнать себя ни на один балл.

Интересно, если я прямо сейчас, до начала состязания просто откажусь принимать в нем участие, ее лицо взорвется от радости?

Никогда не замечала за собой особенной кровожадности, но мне нравится снова и снова прокручивать в голове безобразную и ужасную картину ее вывернутой наружу физиономии.

— Она постареет лет на сто, когда ты снова ее обойдешь, — злорадствует Примэль, пользуясь случаем, чтобы наклониться ко мне. — Я слышала, на тебя уже делают ставки.

— Кто? — рассеянно интересуюсь я, лишь бы поддерживать вид, что все это мне безумно интересно.

— Солдаты, прислуга, розы под окнами, — хихикает моя «подруга». — Я тоже поставила пару золотых, надеюсь их приумножить.

Так и подмывает сказать, что с ее чутьем на победителей лучше никогда не ввязываться ни в какие споры, но задняя дверь лаборатории с громким скрипом открывается и оттуда вырывается как будто какой-то неудержимый вихрь.

Точнее, женщина в ярко-оранжевом платье. На фоне нас всех, в простых черных и почти что форменных, она выглядит почти как королева красоты, хоть ей уже прилично лет и ее голову украшает шапка растрепанных седых волос.

Слышу, как Заучка шепчет кому-то, что это — леди Кассандра из Блора.

Видимо, какая-то известная личность, раз эта новость рождает восторженный ропот.

Мне это имя не говорит ровным счетом ни о чем.

Женщина занимает место на небольшом круглом возвышении, за большой стойкой с колбами, ретортами и стеклянными змеевиками. Вся эта конструкция уже наполнена жидкостями и газами, и, словно чувствуя приближение хозяйки, начинает активнее бурлить.

Меня прошибает холодный пот.

Я ни за что не справлюсь с этим испытанием, мне даже близко нельзя подходить к аспектам.

— Леди! — У мадам Кассандры из Блора звучный и по-мужски сильный голос. Неудивительно, что в лаборатории мгновенно наступает тишина и не слышно даже шороха юбок. — Рада, что кое-кто уже отрекомендовал меня, но все же я предпочитаю делать это сама. Позвольте представиться: леди Кассандра Блор, Хранитель Первого аспекта и Золотая перчатка Ордена просветленных. Сегодня и сейчас — представитель Его Величества на Втором испытании Королевского отбора невест.

Это звучит как будто она нарочно назвала все свои регалии, чтобы ни у кого из присутствующих даже мысли не возникло, что она даст хоть какие-то поблажки.

Может, мне лучше сразу во всем сознаться?

Я ведь могу подвергнуть риску жизни остальных.

Плачущий ни за что этого не простит.

Пока в моей голове блуждают мысли, одна другой ужаснее, Кассандра Блор быстро откручивает вентиль горелки и прозрачная жидкость в стоящей над ней пузатой колбе начинает пузыриться.

Теперь я точно пропала.

— И так, леди, — Хранительница аспекта демонстративно надевает передник и пару грубых перчаток — все это лежит на каждом столе. — Полагаю, всем вам интересно, что же мы будем

делать сегодня.

Пока по комнате снова ползет робкий шепот предположений, я потихоньку одеваю перчатки, стараясь делать это на опущенных руках, чтобы не так бросались в глаза мои дрожащие пальцы. Не важно, что именно нам предстоит сделать во имя впечатления короля — важно, что я в любом случае этого не сделаю, даже если бы попыталась.

— Его Величество, как вам всем известно, не зря носит титул Первого меча Артании. — Кассандра немного прикручивает огонь в горелке и берет одну из множества стеклянных банок, которые стоят перед ней на большой деревянной стойке. — Как мужчине, которому приходится проводить множество дней на поле боя и в гуще сражения, нашему королю важно, чтобы его будущая супруга знала основы целебного дела. В частности — умела изготовить набор базовых целебных настоек.

Фаворитка так громко хмыкает, как будто хочет, чтобы ни у кого из присутствующих не осталось и тени сомнения в том, что эту задачу она выполнит лучше и быстрее всех.

Кто-то из девушек в ответ на этот неприкрытый преждевременный триумф, понуро опускают взгляд.

А я, чтобы не упасть в грязь лицом, просто смотрю перед собой, запрещая себе даже думать о плохом. По крайней мере до тех пор, пока девушки не заняты делом и могут поглядывать в мою сторону.

Леди Кассандра приподнимает бровь, выходит из-за своего стола и идет прямо к фаворитке, становясь так, чтобы между ней и леди Мор был положенный метр приличия. Уверена, это расстояние выверено максимально точно, до сантиметра.

— Леди Вероника, — леди Хранительница аспекта определенно не собирается разделять общее немое преклонение перед той, которую уже заочно короновали. Участницы отбора так точно в этом уверены. — Я слышана о вашем мастерстве в умении обращаться с аспектами.

Вероника задирает нос и степенно укладывает руки впереди, поверх передника.

— Полагаете, сегодня здесь вам не будет равных? — интересуется Кассандра Блор, и почему-то этот простой вопрос как будто доверху наполнен неприкрытой желчью.

Уже за одно это мне хочется расцеловать ее в обе щеки.

Если бы это еще хоть сколько-нибудь помогло всем нам.

— Я абсолютно уверена в том, что здесь есть лишь один человек, который разбирается в искусстве смешивания аспектов лучше, чем я, — не тушует Вероника, и снова заслуживает порцию восхищенного ропота. — Это вы, леди Кассандра.

Несколько долгих мгновений они как будто соревнуются в том, кто кого переупрямит взглядом, но в конечном итоге, Кассандра лишь передергивает плечами и трижды хлопает в ладоши.

— За работу, леди! — Она проходит в конец лаборатории, к стойке, на которой подвешены гигантские песочные часы, и одним движением разворачивает их песком вверх. — У вас есть ровно шестьдесят минут на то, чтобы сделать аптекарскую воду, антидот и «жидкий сон». И если хотите успеть, советую не тратить впустую ни минуты!

Я мысленно проклинаю тот день, когда бандиты спутали меня с герцогиней, потому что именно тогда начался весь этот невыносимый кошмар.

Глава пятьдесят первая

В то время, как все вокруг за одну минуту превращаются в заправских алхимиков, я едва ли понимаю, что вообще находится в десятке склянок передо мной. В одной жидкость, в другой — какой-то словно бы одушевленный газ, в третьей — масло, в нескольких — непонятного цвета осколки камней. Еще в парочке — песок.

Ничего из этого, само собой, не подписано.

Я отчаянно пытаюсь вспомнить хоть что-нибудь из тех немногих знаний, которые могла почерпнуть из книг в монастырской библиотеке, но это так мало, что вряд ли поможет сделать хотя бы одно пристойное зелье, не говоря уже о трех. Монахини не использовали аспекты из-за извечного конфликта веры, волшебства и механикуса, так что единственное, что мне удастся откопать из недр памяти — аптекарская вода делается из аспекта Аэр, аспекта Галум и аспекта Люкс. В голове возникает черно-белая гравюра из книги: понять, что есть что довольно сложно, но по крайней мере в одно из склянок точно что-то невесомое.

У меня такая тоже есть.

Ее беру первой и... замираю, так и не рискнув вынуть пробку, потому что вся невероятная конструкция колб и реторт передо мной — это еще одна большая загадка. Как и куда можно вылить что-то газообразное? И возможно ли это вылить вообще?

Я украдкой оглядываюсь по сторонам, пытаюсь понять, что делают остальные.

Риванна, та, что с глазами странного слишком яркого синего цвета и темной кожей жительницы южных просторов, как раз берет ту же склянку, что и я, открывает ее и ставит на маленькую подставку в середине стеклянной конструкции. Быстро опускает висящую над ней корковую пробку и вертит какой-то невидимый с моего места рычаг, из-за чего вся конструкция переворачивается с ног на голову. Я быстро повторяю то же самое.

Стыдно-то как!

Я в жизни не делала ничего вод так, подглядывая!

Плачущий, не будь ко мне слишком суров.

Газообразное вещество в моей склянке как раз оказывается над еще одной горелкой, и быстро, буквально на глазах, становится плотнее, превращаясь в некое подобие искрящейся жидкости. Снова поглядываю по сторонам — девушки достают эту жидкость маленькой каменной лопаткой.

Я повторяю. Три порции — по крайней мере это я помню из книги.

Потом Риванна берет склянку с белым порошком, добавляет щедрую щепотку в бронзовую ступку, смешивает с предыдущей жидкостью.

Я повторяю и к своему огромному облегчению замечаю, что как и остальных, над моей ступкой поднимается облачко выразительного голубоватого дыма.

Остается последняя склянка. На гравюре из книги в ней была жидкость, и это значительно облегчает задачу, потому из десяти склянок на столе, лишь в одной есть жидкость. Остальные девушки тоже ее берут, выливая примерно треть в большую колбу над горелкой.

Я делаю то же самое, чувствую легкую нотку облегчения. По крайней мере, не проиграю совсем уж «всухую» — у меня будет по крайней мере одно зелье из трех.

Когда жидкость в колбе начинает пузыриться, вливаю туда содержимое ступки.

Примэль, которая увлеченно занята зельем, начинает косить в сторону смуглой красавицы Риванны.

Я снова поворачиваю голову в ее сторону.

В отличие от остальных, Риванна не берет бутылку с жидкостью, хотя сперва может показаться, что именно к ней тянется ее рука. В последний момент она неожиданно перемещает пальцы на бутылку с железной стружкой, щедро сыплет их в ступку, размешивает и, как ни в чем ни бывало, выливает все это в колбу.

Ее жидкость почти не отличим по цвету от тех, что делаем мы.

Невооруженным взглядом тяжело угадать разницы.

Примэль быстро отворачивается, стоит Риванне поднять на нее взгляд.

Железные стружки.

Это, кажется, аспект Металум.

Даже я, совсем серая и, кажется, единственная в этих стенах, кто знает об аспекта меньше всех, знаю, что Металум совершенно точно нельзя использовать для приготовления лечебных настоек.

Даже странно, что он вообще оказался среди всего набора, потому что этот Аспект используют для создания пушечных ядер.

Но, пока я думаю обо всем этом, Риванна успевает вылить содержимое своей колбы в маленькую склянку, наспех залить ее сургучом и... сжать в кулаке.

Она наклоняется, делает вид, что поправляет чулок, и выпускает склянку из рук. Прямо на пол. Встает. Поправляет передник, нарочно глядя куда-то в сторону, чтобы одновременно метким пинком башмака отправить склянку с жидкостью напрямиком к соседнему столу.

За которым увлеченно «колдует» Фаворитка.

Жидкость в маленьком пузырьке начинает стремительно темнеть — я даже вижу за стеклом крохотные разряды молнии внутри темно-серого облака.

Это точно никакая не аптекарская вода!

Примэль, которая видела то же, что и я, начинает пятиться к стене.

У меня есть лишь мгновение, чтобы сделать выбор.

Даже если он будет стоять мне... много чего.

Я в два прыжка оказываюсь около стола Вероники Мор, не думая о последствиях, локтем отпихиваю ее куда-то в сторону, падаю на колени, пытаюсь схватить проклятую бутылочку. Она как назло вываливается из пальцев, но лишь потому, что раскалена, словно уголь из жаркой печи.

Когда, наконец, хватаю его, ладонь невыносимо жжет.

Кто-то начинает вопить, что я помешалась.

Мне все равно.

Я успеваю замахнуться и швырнуть бутылку в самый дальний конец лаборатории, туда, сейчас спасительно пусто.

Оглушающий взрыв накрывает нас с головой.

А вместе с ним — осколки падающего сверху потолка.

Я едва успеваю отползти в сторону, под навес из рухнувшего стола, когда на то место, где мгновение назад была моя нога, падает огромный скол потолка. От одной мысли, во что бы под таким весом превратились мои кости, начинает ныть все тело. Я прикрываю голову руками, потому что куски потолка продолжают падать, хоть теперь реже и приправленные пылью и песком.

В горле и носу першит.

Дышать так тяжело, что приходится постараться и оторвать кусок юбки, чтобы хоть как-то прикрыть лицо.

Плачущий, надеюсь, все живы?

Если бы эта бомба взорвалась под ногами Фаворитки, ее не собрали бы по кускам даже с увеличительными стеклами!

Проходит еще долгих несколько мгновений, прежде чем внезапную звенящую после взрыва тишину нарушает не менее оглушительный женский вопль.

Потом быстрые шаги, мужская брань, возмущенные женские крики.

Я кое-как пытаюсь выбраться из своего укрытия, но это получается сделать лишь если выползая на четвереньках, одновременно придерживая громадную дыру в юбке, чтобы мои ноги в испачканных чулках не стали достоянием всех мужских взглядов.

— Матильда! — Чьи-то сильные руки подхватывают меня под подмышки, ставят на ноги.

Это Орви — я с облегчением узнаю его голос и позволяю себе минутную слабость прижаться к его плечу, потому что именно сейчас, когда становится понятно, что никто не пострадал, мне хочется, наконец, развеяться от страха.

И я почти готова это сделать, наплевав на последствия и тот факт, что прямо сейчас я, герцогиня Лу'На, рыдаю в объятиях просто лейтенанта Королевской гвардии. В конце концов, имею я равно закатить самую обыкновенную женскую истерику?!

Но стоит сморщить нос и пустить первую слезу, как в мой расшатанный душевный покой вторгается резкий окрик:

— Хаос вас задери, юная леди, почему всякий раз там, где находится ваше очаровательное мягкое место, постоянно что-то происходит?!

Я резко отодвигаюсь от Орви, буквально силой воли заставляю слезу вернуться обратно под веко и, как могу, задираю нос. Даже в ободранном платье и с грязью в волосах, я все равно одна из самых богатых невест Артании, и одна из самых титулованных женщин здесь!

Не будет проклятому герцогу удовольствия видеть меня плачущей и слабой!

Глава пятьдесят вторая

Герцог

Я бы оторвал пацану руки просто за то, что он притрагивался к ней.

А потом я бы открутил ей голову, потому что сил моих больше нет видеть это зареванной кислое личико, даже если мелкая дрянь пытается прятать его за маской напускного спокойствия.

А после всего этого, кажется, собрал бы то, что от нее осталось и уволок куда-то туда, где смог бы разобрать до самой маленькой части, лишь бы понять, что же в ней такого, из-за чего демоны в моей крови уже который день воют от голода.

Но все мои кровожадные планы гаснут, стоит подойти ближе и увидеть, как она дрожит.

Кусает губы, задирает нос и всеми силами храбрится, как будто ничего не случилось, но трясется от страха как осиновый лист.

— Вы в порядке, Матильда? — словно со стороны слышу свой непозволительно встревоженный голос.

Мне бы радоваться, что даже без моего участия судьба, кажется, сама решила свести со свету первую соперницу короля, а хочется рвать и метать, потому что... случись что-то иначе — и мне бы пришлось доставать из-под завалов ее бездыханное тело.

— Ваша светлость! — вдруг взрывается она, и даже меня, прожжённого вояку, на мгновение берет оторопь. — Кто дал вам право унижительно отзывать о... частях моего тела?! Перед вами — герцогиня Лу'На, владелица первого титула, одна из претенденток на роль будущей королевы и матери наследника! Извольте немедленно принести свои извинения!

Мне достаточно одного вздоха, чтобы мое желание защитить бедную худышку трансформировалось в потребность ее придушить.

— Я скорее поцелую свиной зад, чем произнесу хоть слово извинения! — громыхаю я. — И, поверьте, я сожалею лишь о том, что лишен удовольствия видеть ваше бездыханное тело! Это лишило бы Корону множества неприятностей и бессмысленных хлопот!

Она растерянно хлопает ресницами.

И снова начинает дрожать, правда теперь уже из-за плеча гвардейца, который слишком резво выходит вперед, задвигая герцогиню себе за спину.

— Милорд Нокс... — Мальчишка явно собирается что-то сказать.

Серьезно?

Я выразительно смотрю ему в глаза, прекрасно зная, что мой упрямый взгляд в состоянии выдержать только Эвин. Ну и однажды, это почти удалось сделать мелкой герцогине, но думать об этом я больше не буду. Случайность, да и только.

— Вы, кажется, что-то желаете мне сказать, лейтенант? — интересуюсь холодным предупредительным тоном.

Лучше бы мальчишка что-то брякнул — мне срочно нужно пустить кому-то кровь, даже если король явно не будет от этого в восторге.

— Я жду! — рявкаю нарочито резко, из-за чего лейтенант весь подбирается, словно уже мысленно примерят виселичную петлю.

— Спасибо за заботу, лейтенант, — вмешивается мелкая герцогиня, отстраняясь от него, — но если милорд герцог желает злобствовать — пусть уж делает это на той мишени, которая хотя бы имеет право ответить.

Мы снова смотрим друг на друга, и меня терзают два противоположных желания: взвалить ее на плечо и утащить в безопасное место или придушить самому. Может, хоть тогда бы я перестал мучиться по ночам от крайне... гмм... пикантных снов с ее участием.

Бездна все задери!

— Она хотела убить меня! — слышу сзади пронзительный женский крик. — Она что-то бросила мне под ноги!

И хор женского кудахтанья вслед, от которого у меня почти сразу начинает болеть голова.

Я отдаю приказ солдатам разобраться с завалами, а девушек и Кассандру Блор, в сопровождении гвардейцев — отвести в малый зал.

Сам иду позади.

Нужно привести в порядок мысли.

У мелкой заразы действительно есть резон избавиться от леди Мор. Как в общем и у любой другой девушки, которая уже успела примерить на себя королевскую корону, а это, без сомнения, уже сделала каждая из них.

Но почему-то только герцогиня пострадала во всей этой заварушке.

В то время как остальные девушки отделались перепугом и испорченными прическами. Крайне странно желать смерти сопернице и при этом не озаботиться собственной безопасностью.

Я держу эту мысль в голове, пока разговариваю с каждой из девушек, которых по одной приводят ко мне.

Веронику и мелкую герцогиню оставляю «на сладкое».

Все остальные девушки, хоть и несут откровенную чушь, сходны в основном и самом главном: они просто выполняли задание, и в какой-то момент герцогиня Лу'На просто бросилась к столу Вероники Мор и что-то пнула под него ногой, после чего и случился взрыв.

Но я успел осмотреть то, что осталось от алхимической лаборатории и взрыв произошел в том ее конце, который занимали стеллажи с ингредиентами и книгами. Довольно далеко от того места, где стояли учебные столы.

Зачем пытаться ликвидировать соперницу там, где ее нет?

Демонов зад, было бы проще, если бы девчонка хотя бы попыталась оправдать себя, вместо того, чтобы выпячивать свою родословную и упражняться со мной в остроловии. По крайней мере, у меня была бы хоть какая-то зацепка.

Преподавательница, почтенная леди алхимик, степенно садится на стул и с выдержкой, достойной каменных идолов, четко и ясно отвечает на мои вопросы. Вот только проку от ее ответов чуть: она раздала девушкам указания, она лично приготовила все ингредиенты и абсолютно уверена, что среди них не было тех, которые в любом из сочетаний могли бы дать такой разрушительный эффект.

— Маркиза Виннистэр лично проинструктировала меня насчет того, как важно соблюдать безопасность претенденток, — говорит госпожа алхимик, и мы пару мгновений пикируемся взглядами.

— О чем еще проинструктировала вас маркиза? — не могу не уточнить я. — Возможно... о том, что вы окажете огромную услугу некоторой известной и влиятельной группе лиц, если избавите их от... скажем... одной строптивой сироты?

Я имею ввиду тайный совет.

Потому что, хоть видят боги, я очень стараюсь гнать подальше эту мысль, все выглядит так, будто единственной пострадавшей во всей этой истории с самодельной бомбой, стала мелкая герцогиня. А учитывая количество покушений на нее всего-то за несколько дней, мое предположение не лишено логики.

— Я понятия не имею, к чему вы клоните, герцог, — с тем же невозмутимым видом отвечает леди Блор. — Если у вас есть вопросы к моей честности, я готова подтвердить свою невиновность любым выбранным вами способом. На кону моя репутация, и я буду защищать ее любой ценой.

Ничего не остается, кроме как отпустить ее с миром.

Никто не умеет лгать так искусство. В особенности, мне.

Следующая на очереди — Вероника Мор.

И первую же минуту разговора мне до зубного скрежета хочется затолкать кляп ей в рот и ограничиться допросом, в котором все ее ответы сведутся к утвердительным и отрицательным кивкам.

Хаос, она же визжит как мартышка!

Упаси нас боги от такой королевы.

— Милорд Куратор, я в который раз настаиваю на том, чтобы вы прислушались к моим словам! — Вероника злобствует и ее красивое точеное лицо искажает гримаса бешенства. — Эта... эта... предательница покушалась на мою жизнь! Она что-то бросила мне под ноги! Я своими глазами видела!

— И что же она бросила, леди Мор? — интересуюсь я, и почесываю ухо в надежде, что она поймет мой крайне вежливый молчаливый намек.

— Я... не уверена, — запинаясь Вероника.

— Как же так, леди Мор? Видели, что герцогиня Лу'На что-то бросила под ваш стол, но не можете вспомнить, что именно? Это был камень, быть может? Или записка с глумливым виршем в вашу честь? Или рукотворная бомба?! — На последней фразе я резко подвигаюсь к ней и нависаю сверху, подавляя одним своим видом.

Вероника Мор тут же начинает трястись и лепетать что-то о том, что в тот момент она была занята работой над аптекарской водой и не может вспомнить точно.

— То есть, кроме голословных обвинений и того факта, что на вас, насколько я могу судить, нет ни царапины, у вас больше ничего нет против герцогини? — Бездна знает, но мне становится легче на душе.

— Она — дочь предателя! — Вероника снова срывается на визг, и на этот раз мне приходится рывкнуть, чтобы не распрощаться с остатками самообладания. Это помогает, потому что остальную фразу леди Мор говорит уже спокойнее. — Эта девушка не должна быть среди нас, милорд Куратор! Ни при каких обстоятельствах она не должна стать королевой Артании.

— Это, леди Мор, решать не вам, — отчеканиваю я, практически прикусывая язык, чтобы не сказать вдогонку, что визжащая королева-мартышка Артании нужна еще меньше, чем дочь предателя короны.

Прежде чем снова столкнуться с мелкой герцогиней, я иду в алхимическую лабораторию.

Леди Блор очень подробно рассказала, за какими работали девушки, а учитывая разговоры о ее феноменальной памяти, у меня нет повода сомневаться в точности ее слов.

Нужно на всякий случай проверить колбы с ингредиентами: леди Блор действительно могла не иметь отношения к подлогу, но это мог сделать кто-то другой.

И меня уже начинает нервировать собственная слепота и неведение.

Чтобы за игрок не сплел всю эту интригу, я вынужден признать, что он как минимум не новичок.

В лаборатории работает десяток гвардейцев: часть поднимает завалы, часть выносит в зал огромные пласты каменного пола и обломки стен. Я отмахиваюсь от попыток отдать мне честь, иду между рядами столов, который, как я и предполагал, находятся значительно дальше того места, где произошел взрыв. Стол, за которым работала Матильда, второй в крайнем ряду — на нем еще сохранилась колба с ее аптекарской водой. Я проверяю каждую колбу и даже моих знаний аспектов достаточно, чтобы убедиться — в ее колбах нет ничего опасного и запрещенного. Но на всякий случай лучше заручиться мнением эксперта.

Так что...

— Лейтенант! — не глядя, щелкаю пальцами, привлекая внимание проходящего рядом долговязого парня.

Он останавливается.

Поворачивается.

Мы смотрим друг на друга с такой откровенной неприязнью, что она буквально трещит между нами.

— Сэр, — он вытягивается в струнку.

— Приведите сюда леди Кассандру Блор. Мне нужна ее помощь.

Мой взгляд снова падает на его перевязанную руку — бинт уже порядком почернел.

И пусть я не верю в такие совпадения, я буду держать свои подозрения под замком до тех пор, пока

не нащупаю хотя бы какую-то ниточку.

Глава пятьдесят третья

— И здесь тоже только правильные аспекты, — говорит почтенная леди Каменное лицо, когда вместе со мной делает круг почета между столами, дотошно проверяя каждую склянку. — Милорд, я еще раз повторяю, что все аспекты были подготовленным мной лично, и готова поставить на кон свою репутацию в научных кругах, и свой титул, которым чрезвычайно дорожу, но буду стоять на своем — в этой комнате нет ничего, что могло бы превратить безобидную простую смесь во что-то... — она косится в сторону огромного провала в стене и потолке, — настолько разрушительное.

— Я вам верю, леди Мор, но мое положение обязывает проверить каждую деталь. Король спросит с меня лично, и мне бы не хотелось вводить его в заблуждение. Но утолите мое любопытство — есть ли, скажем, вот в это, — показываю на покрытую слоем пыли колбу с недоделанным аптекарским зельем на столе мелкой герцогини, — подмешать какой-то другой аспект, любой, может ли безобидное зелье превратиться в гремучую смесь?

— Аэр, Люкс, — перечисляет аспекты леди Блор, и немного морщит лоб. — Мне не доводилось делать это лично, но для работы некоторых своих летающих кораблей жители Свободных островов использую смесь из Аэра, Люкса и Виканто, чтобы приготовить горючие смеси для двигателей. Полученная таким образом субстанция крайне нестабильна и, полагаю, могла бы...

— Виканто? — переспрашиваю я. — Не припоминаю такого.

— Он не существует в наших широтах, милорд, потому что образуется только на предельных высотах и на определенных горных породах. Нужны специально оборудованные летающие корабли и рабочие, чтобы вести добычу.

— В Артании его нет?

— Нет, потому что для подобных смесей мы используем аспект Тенебра, который более стабилен и в достаточном количестве хранится в земле под нашими ногами.

Я мысленно тяжело вздыхаю.

Во всей этой истории мне не хватает только «участия» этих свободолюбивых фанатиков с Летающих островов. Потому что в таком случае история с бабскими склоками за руку самого желанного холостяка Артании стремительно превращается в политическую интригу.

Я слишком стар для всего этого.

Даже если часть меня уже радостно взяла след и заняла боевую стойку.

Кого я обманываю? Я же до смерти люблю вскрывать нарывы политической гнили!

— Могу я попросить вас о последней услуге, леди Блор?

Она степенно кивает.

— Не могли бы вы дать мне почитать какой-то трактат об этом удивительном аспекте? Что угодно, любой достоверный источник.

— Я пришлю к вам свою горничную с книгой, милорд герцог.

— Буду признателен.

Девушка с увесистым том прибегает в лабораторию через несколько минут. Передает мне книгу, откланивается и лепечет, что леди Кассандра велела передать, что сделала закладку на нужной странице.

Как это мило.

Меня передергивает.

Лучшей демонстрации пренебрежительного отношения к моим умственным способностям и придумать нельзя. Даже если я отчасти заслужил это своим грубым поведением.

Но ладно, зато сэкономил время на поиски — книжечка-то увесистая, страниц на тысячу — не меньше.

На развороте с закладкой только небольшая заметка на две страницы. Я быстро пробегаю взглядом по строчкам, отсеивая ту информацию, которую уже получил от Кассандры Блор.

И сразу нахожу то, что искал.

Во-первых, аспект Виканто крайне агрессивен, если попадает в богатую кислородом среду. Внутри замкнутого пространства двигателя это дает огромное количество энергии, а снаружи может привести к тлению и даже возгоранию. При работе с данным аспектом рекомендуют использовать щипцы, потому что перчатки могут не защитить руки от ожогов.

Я делаю мысленную заметку обратить внимание на руки Матильды — это вполне может быть косвенной уликой доказательства ее вины.

И второй вывод, который подтверждает мое предположение.

На гравюре, изображающей аспект, нарисовано вещество, крайне сильно напоминающее металлические стружки аспекта Металум, который был на столе каждой из девушек.

Но леди Почтенный алхимик не могла ошибиться — она лично сунула нос в каждую склянку.

Значит, кто-то незаметно подменил аспекты.

Причем, дважды.

Многоходовка в духе гниющего герцога.

И его дочери, само собой.

Герцогиня Лу'На уже дожидается меня в зале, как я и приказал.

Стоит около окна и всем своим видом дает понять, что лучше бы мне так и держаться на расстоянии, у двери. Я сокращаю пространство между нами нарочито выверенным медленным шагом. И чем она ближе, тем сильнее мне хочется схватить паршивку за грудки и вытрясти из нее всю правду. Чтобы больше никогда не видеть ни эти шуплые воробьиные плечи, ни наполненные негодованием глаза. Она так злиться, словно к ней явился сам дьявол, которому эта мелкая зараза готова надавать под зад своими изящными ножками.

Многое я бы отдал за возможность наблюдать этот поединок вживую.

— Задавайте ваши вопросы, милорд Куратор, выносите обвинение, оглашайте приговор и покончим с этим фарсом.

Гордечка. Всыпать бы ей как следует, чтобы посмотреть, как спесь проступит на коже отпечатками моих ладоней.

— Вот уж не думал, что дочери дохлого герцога будет так невтерпеж оказаться на виселице, — не могу смолчать. Каким-то непостижимым образом только ей постоянно удается вывести меня из себя.

— Я не могу воскресить отца, но... — Она как будто что-то вспоминает и обрывает фразу на полуслове. — Я понимаю, что вам доставляет удовольствие глумиться над памятью моего отца, но могли бы вы оказать мне любезность и делать это хотя бы не в моем присутствии?

Я хочу сказать: «Нет, потому что предатели и изменщики заслуживают порицания».

Я даже произношу это, но, как оказывается, лишь в своей голове.

Потому что пара царапин на лице мелкой паршивки, ее растрепанные волосы и порванный подол платья, который Матильда пытается кое-как спрятать, обернув юбку вокруг ног, словно кокон, непонятным образом смягчают мое сердце.

Ей досталось больше всех — после общения с остальными девушками, этот факт нельзя не признать. Но она единственная, кто не визжит, не закатывает истерики и не падает в фальшивые театральные обмороки.

Она единственная, кто ведет себя достойно.

Размышления о ее породе и крови обрываются в тот момент, когда мой взгляд падает на ее руки.

На внешней стороне ладоней — царапины и порезы. И грязь пополам с пылью. Ей единственной не оказали помощь?

Демон задери, я не отдавал распоряжений устроить герцогине мучительную смерть от заражения крови!

— Милорд Куратор! — возмущенно вскрикивает Матильда, когда хватаю ее за запястье и волоку прочь из комнаты, в аптекарскую мастерскую, где работают лекари. Когда с допросом будет

закончено, кто-то обязательно ответит за эту халатность. — Милорд, вы вознамерились оторвать мне руку?

На языке крутится другое слово.

Созвучное со словом «оторвать», определенно, но куда более... гммм... с пикантным смыслом. Который вряд ли можно применить только лишь к женской руке.

Только чудо и какое-никакое воспитание не дают мне произнести эту откровенную похабщину вслух. Все же военные будни в кругу солдат не могли не взрастить во мне... грубияна.

— Все вон, — говорю в полголоса, когда переступаю порог мастерской и втаскиваю Матильду вслед за собой.

Пара работников бросают свои дела и быстро, на полусогнутых, покидают помещение.

Я захлопываю оставленную открытой дверь с нарочитым грохотом.

— И вы снова меня компрометируете, — задрав нос, заявляет мелкая гордячка.

— Рад, что вы это заметили, — заявляю в ответ и усаживаю ее на первую же подвернувшуюся скамейку. — Я, поверьте, очень стараюсь, чтобы вы осознавали всю глубину моего порочного плана. Даже тщеславным бессердечным ублюдкам, очень хочется, чтобы хотя бы одна живая душа оценила их потуги.

Она поджимает губы.

Чтобы это могло значить? Пытается сдержать смех или сдерживается, чтобы не дать втянуть себя в наши, уже ставшие «горячо любимыми» перепалки?

Я бы продал душу демонам — ту ее крохотную часть, которая еще хранит что-то похожее на свет — лишь бы узнать, что же творится под копной этих светлых волос.

Глава пятьдесят четвертая

Сиротка

Я не знаю, как ему это удастся, но если еще несколько минут назад я думала лишь о том, что снова чудом выжила, то теперь все мои мысли вертятся вокруг герцога и его отсутствующих манер.

И немножко вокруг его крепких рук, потому что герцог снимает мундир и почти брезгливо набрасывает его мне на плечи. А потом парой резких движений закатывает рукава белоснежной сорочки.

Руки у него совсем не тонкие, как у аристократов его положения, а скорее крепкие, жилистые, как у кузнеца. И я даже рот боюсь открыть, чтобы герцог, чего доброго, не придушил меня здесь же без суда и обвинения.

Остается только наблюдать, как он берет с полки корзинку с лекарскими принадлежностями, ловко, со знанием дела, раскладывает их рядом на столе. Откуда такие умения?

— Я много лет провел на поле боя, — отвечает он, как будто слышит мои мысли, одновременно смачивая отрез бинта в плошке с отваром. — Приходилось быть солдатом не только отцом и родной матерью, но и лекарем.

— И палачом? — не могу не спросить я.

Мы смотрим друг на друга, прекрасно понимая, о чем речь.

Я видела мучения смертельно раненных воинов, которым ничем нельзя было помочь.

И мне тоже приходилось отпаивать их «сладким сном», чтобы хоть в загробный мир они отошли без страданий и криков.

— И это тоже, — кивает герцог. — Надеюсь, ваши раны не настолько критичны, потому что я пока не готов всадить вам в затылок стальной гвоздь.

— Это прозвучало очень успокаивающе.

— В самом деле? — Герцог удивленно приподнимает бровь. — Я-то рассчитывал вогнать вас в панику и вытрясти признание в государственной измене.

Он присаживается передо мной на одно колено, убирает мои руки, чтобы приоткрыть колени, выглядывающие в дырке на юбке. На чулках, которые еще утром были белыми, теперь копоть, затыжки и пара уродливых дыр. Хочется закрыть лицо ладонями и попросить вколотить в меня обещанный гвоздь, чем терпеть такое унижение.

— И так, юная леди, — после беглого и отстраненного осмотра моих коленей, герцог резким движением разрывает сначала один, а потом другой чулок, и лоскутки стекают вниз по моим ногам, — ваша версия случившегося? Подробно, не упуская ничего.

Он серьезно думает, что я способна проронить хоть звук, когда сижу перед ним с голыми почти до самых бедер ногами?!

— Что с вами, Матильда? — Темноволосая голова герцога склоняется ниже, пока его свободная рука опускается мне на лодыжку и скользит вниз, до туфли. — Куда подевалось ваше, так бесконечно радующее меня, красноречие?

Я честно пытаюсь открыть рот и начать рассказ, но мои мысли почему-то все время соскальзывают вслед за движением пальцев герцога, которыми он, без стыда, почти нарушая все рамки дозволенного, опускает ладонь еще ниже, как будто невзначай задевая большим пальцем ямочку над пяткой.

Обхватывает туфлю.

Легко снимает ее с моей стопы.

Поддевает пальцами остатки чулка, скатывает их ниже и ниже, полностью обнажая ногу.

Я вздрагиваю, чувствуя себя абсолютно голой, хоть это далеко не так.

Пальцы на ногах произвольно сжимаются.

— Матильда? — Голос Нокса звучит вопросительно. — Вы потеряли дар речи? Что за страшное проклятие тяготеет над вами на этот раз?

Мне бы следовало сказать ему спасибо за этот акт издевательства, иначе мозги в моей голове окончательно превратились бы в крутой кисель.

— Милорд Куратор, — цежу сквозь сжатые зубы, — немедленно прекратите это или я закричу так громко, что никакие ваши заслуги перед Коронаой не оставят обитателей замка равнодушными к вашим... выходкам.

Он как будто и не слышит — медленно, едва касаясь кожи пальцами, скатывает чулок со второй ноги и снимает вторую туфлю.

Эти мимолетные касания... волнуют до замирающего сердца.

Ни один мужчина в моей жизни ни разу не притрагивался ко мне вот так. Никто не видел с бесстыже голыми ногами.

Герцог вскидывает голову ровно в тот момент, когда меня посещает совершенно бестолковая мысль о том, взволнован ли он хоть немного. Хотя на толику от той бури, которая вот-вот укроет меня с головой.

Наши взгляды встречаются.

Он как будто имеет прямой доступ к моим мыслям, потому что дьявольская усмешка на этих... проклятых губах, размазывает остатки моего самообладания, будто мягкое масло по булке.

— Кричите, Матильда. Клянусь не препятствовать вам в этом.

Герцог не выглядит ни капли взволнованным, его речь ровная и спокойная.

Орви заикался даже когда просто случайно касался моей руки. Но куда ему, простому парню, до искусственного герцога, о чьих любовных похождениях судачит, кажется, даже столовое серебро.

Когда Нокс вынимает пробку из склянки с аптекарской водой, я с досадой замечаю, что у него даже руки не дрожат. Он спокойно смачивает бинт и уверенными движениями промокает царапины на моих коленях.

Я непроизвольно дергаюсь от ощущения жжения на коже.

Герцог в ответ крепко зажимает мою лодыжку, фиксируя ее в одном положении, и продолжает свою «пытку». Я терплю, и часть меня даже испытывает что-то похожее на благодарность — после случившегося ко мне никто не подошел, хотя к другим девушкам лекари сбежались помогать даже просто вытряхивать песок из волос.

— Сейчас будет больно, леди Лу'На, — ледяным голосом предупреждает Нокс, когда смачивает бинт в растворе из второй бутылке.

Ему как будто все равно. Абсолютно неважно, что я сижу перед ним в таком виде, что будь мы героями книжного романа, после этой сцены обязательно бы последовало признание, страстный поцелуй и...

Гоню эти мысли прочь. Только этого мне еще и не хватало.

— Я не впервые царапаюсь, милорд Куратор, — стараюсь говорить как можно спокойнее, но мне до его выдержки — как до луны.

Он выразительно хмыкает и прикладывает влажный бинт к самой крупной царапине.

В монастыре мы использовали для подобных мелких порезов настойку дубового корня, она едва ли хоть немного щекотала кожу, а вот спиртовой раствор с красной солью берегли для тяжелых ран солдат, которых к нам привозили после очередной стычки на границах Артании.

Одна капля этой настойки заставляла скулить даже седых генералов.

Герцог нарочно взял именно ее? Хочет хорошенько меня вымотать, чтобы не знала, что говорю и наболтала на смертный приговор?

От резкой, почти режущей боли, я вскрикиваю и отчаянно хватаюсь за скамейку обеими руками буквально «прикручивая» себя к ней всеми мыслимыми и немыслимыми усилиями. Жжёт так сильно, будто мою ногу разъедает до кости.

Слезы градом из глаз, и я ничего не могу сделать, чтобы справиться с ними, только зажмуриться изо всех сил и уговаривать себя хотя бы не так явно показывать свои страдания, чтобы не доставлять проклятому герцогу удовольствия видеть меня слабой и побежденной.

И где-то посреди этих попыток я внезапно чувствую, как боль ослабевает.

Медленно открываю глаза, боясь увидеть валяющуюся на полу конечность, но вместо этого натыкаюсь на склоненную к моему колену голову Нокса.

Он так близко, что его губы всего в паре сантиметров от моей кожи.

И он мягко дует на царапину, заставляя боль отступить. Снова и снова, пока адское жжение не заканчивается.

Я не могу ни вдохнуть, ни выдохнуть.

Весь тот невидимый огонь, который разъедал мою кожу еще мгновение назад, словно переместился мне в живот. Я едва держусь, чтобы не ерзать на месте, потому что хочется бежать куда глаза глядят, а еще лучше — чтобы гадкий герцог снова подул на коленку или поднял на меня взгляд.

Снова замечаю, что у него даже пальцы не дрожат, он как будто какой-то... механикус!

Злость со страшной силой. Почему? Да кто бы мне сказал!

— Мои ноги настолько ужасны, герцог? — Словно издали слышу свой нервный голос. — Это из-за веснушек?

В ответ на это пальцы герцога все же чуть сильнее стискивают мою лодыжку.

Мне бы радоваться — не такой уж он и железный, и непробиваемый.

Но Нокс поднимает голову и буквально вторгается в мой воздух своим почерневшим взглядом. Он как будто везде, в каждой частичке, которая попадает мне в легкие, и разъедает изнутри, подтачивает хрупкие соломенные опоры моего самообладания.

Плачущий, да что за нелегкая меня за язык дернула?!

Глава пятьдесят пятая

Пауза между нами висит как тот молот из известной легенды о сотворении мира.

Мы как будто соревнуемся за право не нарушать молчание первым и не брать на себя ответственность за последствия, которые наступят, как только кто-то откроет рот.

Воздух накаляется, становится слишком горячим, и я непроизвольно тяну руки к горлу.

Хочу отодвинуться, отобрать ногу из цепкой хватки жестких сильных пальцев Нокса, но делаю какое-то неловкое движение — и вместо того, чтобы как-то разрушить эту неловкость, еще больше обнажаю ноги.

Ткань порванной юбки стекает по бедрам, выставляя просвет кожи выше коленей.

У меня там и правда веснушки, как, впрочем, и на локтях, и на кончиках ушей.

Я все-таки закрываю рот ладонями, но не для того, чтобы подавить вдох разочарования и злости за собственную глупость.

Просто герцог смотрит прямо на них.

И это ощущается очень... настойчиво и некультурно.

— Кажется, милорд Куратор, — сквозь пальцы мой голос звучит едва разборчиво, — я готова рассказать свою версию событий.

— Кажется, Матильда, я готов вас поцеловать.

Мои глаза округляются от простоты и откровенной грубости этого признания.

В груди больно и горячо. Как будто чья-то невидимая рука заталкивает мое сердце в плен тернового кокона, и невидимые капельки крови от порезов шипами тяжело падают вниз моего живот. Я едва ли не падаю от сильного головокружения.

Что происходит?

Это же мерзкий герцог Нокс, а мне приходится буквально за шиворот тянуть себя прочь от фантазий о том, что будет, когда его губы — изогнутые в циничную ухмылку — притронутся к моим.

Это тот самый человек, который глядя мне в глаза, поклялся не успокоиться, пока не отомстит всему выводку моих предков.

Это тот самый человек, который уже компрометировал меня и из-за которого репутация герцогини Лу'На попала под удар, от которого еще долго не оправится.

Это же...

Я не успеваю придумать еще одну причину, по которой должна срочно убегать от этого человека, потому что герцог уже бросает на пол испачканные бинты.

Тянется ко мне, одновременно удерживая пальцы на моих коленях.

Я не могу проронить ни звука, как будто рот напрочь стерт с моего лица.

Нокс в одно движение разводит мне ноги, всем корпусом подается вперед.

Даже стоя на коленях, он все равно немного выше сидящей меня.

Его грудь плотно прижимается к моей.

Ощущение тяжести и боли такое приятное, что в горле начинают трепетать невидимые мотыльки.

Я должна подумать о том, что если кто-нибудь войдет и увидит нас вот так — мою репутацию уже ничто не спасет.

Но вместо этого я думаю о том, что большие пальцы его рук почти с нежностью поглаживают кожу у меня под коленями. Те чувствительные места, от которых сбивается дыхание и хочется то ли громко дышать, то ли не дышать вовсе.

— Раз уж вы изъявили желание знать, что не так с вашими ногами, Матильда, — голос у Нокса ниже на полтона, он все такой же резкий, но как будто обернутый во что-то мягкое. Это все равно,

что получить удар плеткой, обернутой в тончайший шелк. — Ваши ноги выглядят совершенно... теперь, когда почти полностью обернуты вокруг меня.

Его горячее дыхание касается моих губ, а откровенность заставляет их распахнуться в молчаливом возмущении.

Или предвкушении?

— Я... вам... не разрешаю, — сопротивляясь из последних сил, шепчу я.

— Полагаете, — он прикрывает глаза, и тени от длинных ресниц ложатся на его впалые щеки резкими штрихами, делая лицо едва ли не демонически прекрасным, — мне не все равно?

Если я когда-то и думала, что король превосходит его красотой, то эти мысли теперь выглядят такими же наивными, как и мои попытки скинуть невидимые цепи, которыми Нокс приколачивает меня к себе с каждой секундой, что мы находимся вот так — прижатыми друг к другу.

— Я произвожу впечатление мужчины, которому требуется разрешение женщины, чтобы ее поцеловать? — Нокс откровенно издевается над моими попытками сохранить хотя бы видимость приличия.

Он производит впечатление человека, который может сожрать меня целиком. Проглотить, даже не перемалывая косточки.

— Я... вам... не разрешаю, — повторяю ломающимся голосом, но последнее слово тонет в выдохе.

Нокс немного склоняет голову — я вижу его приоткрытые губы.

Он тоже больше не улыбается.

— Матильда, — он тянется к моему уху, — вот сейчас самое время кричать и звать на помощь.

А я едва ли способна проронить хоть звук.

От него невообразимо хорошо пахнет. Не пафосными одеколонами с ароматами цветов, которыми некоторые щеголи обливаются сверху до низу, а дорогой выделанной кожей, терпким чаем и только что отглаженной раскаленным утюгом свежей сорочкой.

Пусть уже поцелует.

Просто притронется своими губами к моим — и будь что будет.

Эта пытка невыносима.

Я чувствую, как его дыхание скользит ниже, стекает по моей шее до того места, где она соединяется с ключицей. Там немного порван ворот платья, но я сейчас вряд ли способна вспомнить, когда именно это случилось.

Неизвестная демоническая сила толкает меня навстречу.

Я предлагаю себя, как бесстыжая падшая женщина, хоть мои губы продолжают шептать:

— Нет... нет... я вам не разрешаю...

Грохот в дверь заставляет нас одновременно и резко отпрянуть друг от друга.

Только что мы едва ли не сплелись как две раненые змеи — а теперь разлетелись двумя осколками оброненной на пол кружки.

— Бездна задери! — громко ругается Нокс, и прежде чем эхо его слов поднимается до потолка, дверь просто отрывается от петель, как лист от ветки.

И падает, поднимая густое облако пыли.

В дверном проеме стоит Его Величество Эвин Скай-Ринг.

Глава пятьдесят шестая

Наваждение мгновенно рассеивается, стоит взглянуть в рассерженное лицо короля.

Он напоминает хищника которой вдруг узнал, что на территорию его охоты забрел чужак, и собирается с силами, чтобы преподать ему урок жизни.

Вот только герцог, как будто, отвечает ему тем же: такой же прищур, такой же немой вопрос в темных глазах, и ровная, словно приколоченная к доске спина. Выглядит одновременно надменным аристократом и зверем, который уже облизывает клыки, предвкушая вкус крови.

Но ведь они же друзья.

Что... происходит?

Я пытаюсь завернуть ноги в рванье юбки, но цепкий взгляд Его Величества успеваает заметить это движение. И мои ободранные колени, и царапины на лице, которые словно бы щупает пытливым взглядом.

— Рэйвен, какого демона происходит? — спрашивает король, но продолжает смотреть на меня.

Мы находимся в разных концах мастерской, и если постараться, между нами тремя можно начертить почти равносторонний треугольник. Я думаю об этом только потому, что не хочу думать о случившемся минуту назад. И о том, что в том месте, где Нокс прикасался к моим ногам, теперь нестерпимо жжет, как будто сняли кожу.

— Происходит допрос, Ваше Величество, — со спокойствием удава, отвечает герцог.

Я изо всех сил жмурюсь и быстро беру себя в руки.

В самом деле, с чего бы ему нервничать или беспокоиться? В его жизни я — не первая падкая на мужской откровенный флирт девушка. И наверняка почти сама доступная.

Плачущий, о правда думала о том, что хочу его поцелуев? Ты решил наказать меня за вранье слабоумием?

— Леди Мор обвинила герцогиню в покушении на ее жизнь, — продолжает герцог. — В рамках обязанностей, возложенных на меня Вашим Величеством, я пытаюсь разобраться в обоснованности обвинений.

— Пытая сопливаю девчонку?! — взрывается Эвин, хватая со стола склянку с жидкостью, которой герцог прижигал мне рану. — Когда именно я возлагал на вас такие обязанности, герцог Нокс?!

На лице герцога не дергается ни один мускул. Только холод и безучастность. Механикусы — и те более человечны, чем он в эту минуту.

Я нарочно пристально изучаю его лицо, чтобы запомнить на всю жизнь, и носить в памяти на тот случай, если мне вдруг снова покажется, будто эта человеческая оболочка способна испытывать хоть какие-то эмоции.

Все это — и взгляды, и прикосновения, и адская настойка — просто хитрая игра, почти удачная попытка усыпить мою бдительность. Чтобы я призналась в том, чего не делала. Тогда бы у него были развязаны руки для мести.

— Я оказал герцогине первую помощь, — холодным голосом отвечает Нокс. Это ни капли не оправдание — просто факт к сведению. — Исходя из моего опыта, для ран такой глубины, это средство куда эффективнее и...

— Ваше Величество, — вклиниваюсь я, делая вид, что не замечаю недовольный тем, что его перебили, взгляд герцога. — Милорд Куратор действительно оказал мне помощь, и я благодарна ему за это. В свою очередь хочу сказать, что не имею никакого отношения к случившемуся и отвергаю все обвинения. Готова повторить это где угодно и когда угодно.

— В этом нет необходимости, — продолжает герцог. — У меня есть основания полагать, что у личности, стоящей за взрывом, должно присутствовать некоторые... видимые физические признаки причастия. Исходя из моего беглого осмотра юной леди, могу со своей ответственностью заявить, что у герцогини Лу'На я этих признаков не нашел.

Я не могу справиться с чувствами, когда вскидываюсь и заглядываю в его отрешенное лицо. Значит, если это была не пытка, то... просто осмотр? Поиск каких-то «физических признаков»?

Чтобы окончательно не раскиснуть в луже собственной глупости, быстро пересказываю все, что видела. Герцог перебивает лишь раз — просит назвать имя девушки, которая создала ту самую смесь. Отвечаю куда-то в сторону, лишь бы больше никогда не встречаться с ним взглядом.

— Мне требуется разрешение Вашего Величества, чтобы еще раз осмотреть остальных девушек, — отчеканивает Нокс. — Слова герцогини Лу'На подтверждают мою догадку и...

Громкий душераздирающий вопль не дает ему закончить фразу.

Герцог реагирует мгновенно — выбегает в дверь, пока король помогает мне встать на ноги.

— Я понимаю, что вам тяжело идти, Матильда, — говорит Эвин, как будто даже извиняясь за то, к чему не имеет никакого отношения, — но я просто не могу вам позволить снова остаться наедине. В последнее время вокруг вас слишком много опасностей, и меня это крайне тревожит.

Я благодарю его за участие искренне улыбкой.

Вряд ли в Артании существует женщина, которая бы не чувствовала себя счастливой от того, что ей польстил вниманием сам король. Тем более, когда он так молод и хорош собой.

Лучше Нокса.

Определенно лучше — тут и думать нечего.

А другие мои мысли были лишь иллюзией затуманенного разума.

— Я в порядке, Ваше Величество, — с благодарностью принимаю его галантно подставленный локоть.

Мы поторапливаемся выйти из мастерской в коридор, где уже суетятся, кажется, все обитатели замка. Основная часть таолпитя около лестницы, опустив вниз головы. Появление короля заставляет их расступиться, и когда мы подходит к освободившемуся месту, я тоже опускаю голову вниз.

— Плачущий... — шепчу себе под нос, чувствую невообразимый приступ тошноты, который тут же окатывает меня ледяной волной ужаса.

Даже отсюда, с третьего этажа, хорошо видна распластанная на полу фигура девушки, вокруг которой стремительно расползается красное пятно.

У нее темные волосы и ярко-синие глаза, а на бледном мертвом лице застыло выражение... удивления?

Это — леди Риванна.

Та самая, чье разоблачение должно было отвести от меня подозрение в попытке покушения на Фаворитку.

Глава пятьдесят седьмая

Герцог

Проклятье!

Я хожу вокруг каменного стола, на котором лежит дохлая графиня Риванна, в который раз пытаюсь высмотреть хоть что-то на ее обожженных ладонях.

Монахиня и пара лекарей суетятся поблизости, четко выполняя мои указания.

Тело Риванны осмотрели с ног до головы, подтверждая мою догадку — она вся в каких-то странных фиолетово-оранжевых пятнах, которые похожи на ожоги. Такие же следы даже сейчас, после ее смерти, проступают вокруг губ и около носа, безжалостно разъедая кожу.

Я могу сломать глаза, пытаюсь отыскать на кончиках ее пальцев свидетельства использования Виканто, но это все равно не даст результат — через пару минут от ее конечностей попросту ничего не останется. Что-то словно пожирает ее изнутри, оставляя вместо тела лишь уродливые островки слизи. Очень зловонной слизи. От одного только запаха жжет глаза.

— Это какая-то неведомая хворь. — Старая монахиня осеняет себя защитным знаком. — Сколько лет живу — впервые вижу.

Готов поспорить на все свои регалии, что это никакая не болезнь, не проказа или что-то в этом роде.

У «болезни», сгубившей графиню, есть конкретное название — убийство.

Отягощенное полным сокрытием следов и улик.

А это значит, что у нее был сообщник. Очень умный и хитрый сообщник, который только прикидывался второй скрипкой, а на самом деле просто дергал за ниточки, заставив дуру сделать то, что ему нужно, чтобы потом избавиться от нее, как от единственного свидетеля.

И это слишком похоже на уловки дохлого герцога, чтобы не видеть очевидного.

Герцогиня Лу'На очень может быть тем самым «кукловодом».

Более чем может.

Я непроизвольно сжимаю кулаки, пытаюсь сохранить в ладонях... что?

Воспоминания о теплоте и нежности кожи, к которой прикасался?

Или возмездие, которое поклялся совершить к той, кто улыбалась, глядя, как надо мной издеваются, словно над беззубой дворнягой?

Нужно как-то заставить свою голову снова соединить их вместе: бессердечную дочку предателя и испуганную девчонку с содранными коленками в россыпи веснушек.

Это — одна и та же женщина, одна и та же личина. Даже если она настолько ювелирно маскируется, что даже мне приходится постоянно себя одергивать.

Там, в телеге, сидела миловидная чистая душой монашенка.

А герцогиня Лу'На — лишь бледное ее отражение.

Мои внутренние демоны делают стойку на ту, другую, которая доставила мне пару приятных мыслей перед сном и пару раз на рассвете.

Кстати, может быть, стоит разузнать, как поживает милая скромница?

Эта мысль не успевает толком оформиться, потому что в подвал, куда перенесли тело Риванны, спускается леди Блор.

Она сразу делает круг почета вокруг каменного стола.

Потом достаёт из бархатного мешочка очки на тонкой проволоке, тщательно водружает их на нос, и снова осматривает то, что уже вряд ли можно назвать оформленным телом. Вонь такая, что даже я прикрываю нос краем рукава, хоть во время военных походов я видел кучу гнойных ран, и даже пару раз собственными руками отпиливал уже распухшие от гнили конечности.

Но Первого алхимика Артании этот «аромат» как будто вообще не беспокоит — она медленно и степенно кружит над всем этим, как навозная муха.

— Полагаю, это *nigrum salus*, — наконец, говорит леди Блор, и тычет пальцем во что-то на теле. Что там — с моего места не видно, так что приходится подойти ближе. На том месте, где от руки осталась едва ли хоть половина, видны те самые фиолетово-оранжевые пятна, только теперь они каменеют в некое подобие почти прозрачных кристалльных наростов. — Соль смерти. Крайне опасная вещь.

— Это видно, — морщит нос, снова делая шаг назад. — Леди Блор, полагаю, Его Величество будет крайне вам признателен, если вы сможете дать всю необходимую информацию по тому, как эта дрянь попала в тело девушки. Вы получите все необходимые ресурсы.

Леди алхимик отрицательно мотает головой, и сама предлагает выйти на свежий воздух.

Я более чем согласен, и когда мы выходим, делаю очевидно громкий вздох.

— Боюсь, что от тела несчастной уже через пару минут ничего не останется, — выносит вердикт леди Блор. — *Nigrum salus* крайне опасный и редкий яд. Мы с вами в некотором роде счастливы, герцог, потому что смогли увидеть его собственными глазами. Обычно эту отраву подсыпают в ночное питье, чтобы к утру от тела не осталось и следа.

— Нет тела — нет дела, — бормочу себе под нос. — Где можно раздобыть эту дрянь? Когда примерно нужно ее дать, чтобы... тело начало разлагаться?

Почему-то мне хочется услышать хоть что-то, что оправдает герцогиню.

По крайней мере после всего случившегося она всегда была на виду и под присмотром, и уж к отравлению Риванны точно не могла бы приложить руки.

— Дело в том, — начинает леди Блор, что-то определенно прикидывая в голове, — у этого яда крайне мягкое действие. Обычно жертва не подозревает, что уже умирает изнутри, и просто спит, медленно превращаясь в ничто: ни боли, ни агонии. От момента приема внутрь и до того результата, который мы только что видели, может пройти от... двух до четырех часов, в зависимости от дозы.

Бездна задери!

Мелкая герцогиня вполне могла это сделать.

Запросто.

— Полагаю, — продолжает леди алхимик, — если бы девушка не упала и не умерла, она бы пробыла в естественном состоянии еще несколько часов. Смерть, как естественный катализатор, ускоряет действие *nigrum salus*.

Киваю.

У меня нет ни одной зацепки, чтобы оправдать Матильду.

Она могла спланировать все это заранее: найти исполнителя для своего плана, и убить сразу двух зайцев — избавиться от первой конкурентки и потом — от единственного свидетеля.

Даже трех зайцев, потому что вся ситуация выглядела так, будто именно мелкая герцогиня — единственная, кто пострадал. Единственная, кто точно не мог бы быть причастен к этому злодейству.

Но кто-то же столкнул Риванну?

Зачем, если она и так должна была умереть?

Ответ настолько очевиден, что я едва сдерживаюсь, чтобы не припечатать кулаком ближайшую стену.

Кто-то оказался на шаг впереди меня и умело замел следы.

У мелкой дряни определенно есть сообщник.

— Что касается первой части вашего вопроса, герцог, — с видом лектора, леди Блор закладывает руки за спину, — то я нахожу некоторое странное совпадение между этими двумя случаями.

— Какое совпадение?

— Видите ли, Соль смерти крайне редкий яд. Для его изготовления нужны споры грибов вида *bolotus*, и именно этот вид существует лишь в одном известном мне месте.

— На Летающих островах? — чуть не скриплю зубами.

Кассандра Блор кивает, и мы понимаем, что это что-то большее, чем совпадение.

Летающее острова — давние враги Артании, первые союзники всех, кто посягает на ее границы. В свое время Дареку Скай-Ригу пришлось пожертвовать многими жизнями, чтобы заставить фанатиков на летающих кораблях пойти на шаткое перемирие, потому что Артания просто не могла расплыть армии на несколько войн. Но то, что рано или поздно свободные лорды снова попытаются переломить ход истории в свою пользу, знали все. Вопрос был лишь в том, когда и где именно случится первый конфликт.

Если мелкая герцогиня Лу'На решила продолжить дело своего отца и совершить государственный переворот, лучших союзников и придумать нельзя.

А если она действительно в связке с Летающими островами, значит, речь идет не просто об устранении конкуренток и продвижении себя на роль королевы.

Здесь воняет государственной изменой.

Мне нужно поговорить с Эвином.

Глава пятьдесят восьмая

Но с Эвином мы пересекаемся только поздним вечером, точнее — ночью, когда я лично убеждаюсь в том, что каждая девушка вошла в свою комнату и не выйдет оттуда до рассвета.

На сегодня достаточно смертей.

И, какой бы злой шуткой это не звучало, но даже сегодняшнее проваленное испытание так или иначе достигло своей цели — одна из претенденток выбыла из состязания. Пусть и весьма... негуманным способом.

Я обстоятельно, не упуская из виду ни одну деталь, рассказываю королю обо всех «находках» своего расследования. Он слушает молча и сосредоточенно разгадывая огонь в камине, а когда я перехожу к части возможного сговора с Воздушными лордами Летающий островов, встает, чтобы налить себе вина. Я бы тоже не отказался от глотка, но сейчас мне нужна ясная голова и крепкая память. В особенности, потому что приходится говорить столько нелюбимых вещей о мелкой герцогине.

Потому что Эвину это не по душе.

А то, что его так беспокоит судьба этой девчонки, крайне не по душе мне.

Впервые в жизни я столкнулся с головоломкой, которую не в состоянии решить с трезвой головой.

— Правильно я понимаю, что все это ты рассказываешь мне лишь с одной целью — дать понять, что герцогиня Лу'На, по примеру своего отца, плетет заговор с целью государственного переворота? — Эвин стоит спиной ко мне, делая жадные глотки вина.

Демоны, да что ж его так проняло?!

Он же сам давал понять, что желает участие герцогини с одной лишь целью — найти способ избавиться от нее как-нибудь «законно», не пачкая руки. Но, одна прогулка верхом — и Эвина будто подменили!

Я бросаю взгляд на свои ладони, непроизвольно снова сжимая кулаки, потому что ощущение мягкой и безупречной девичьей кожи будоражит ту часть моих воспоминаний, которую я с великим трудом затолкал под замок.

Мысли о ней как о... привлекательной женщине, для меня под запретом.

— Я просто озвучил факты, Эвин, — говорю я, позволяя себе немного развалиться в кресле и вытянуть ноги. — Если тебе нужны доказательства, то леди Блор подтвердит все это под любой присягой.

Он нервно отмахивается.

Мы — больше, чем просто старинные военные товарищи.

Наша дружба держится на нерушимом доверии, том, которое не требует доказательств. Именно поэтому, пожалуй, именно у меня, верного королевского пса, есть все полномочия и разрешения. Эвин знает, что, если я что-то сделаю без его личного дозволения — значит, того требует ситуация.

— Она слишком юна, Рэйвен, — мотает головой Эвин. — Она не способна...

Он поворачивается, смотрит на меня.

Обрывает себя на полуслове, потому что я — лучшее свидетельство того, на что способна мелкая бессердечная дрянь.

— Проклятье, Рэйв, я ведь просто должен был найти себе жену, — горько усмехается король. — А не вскрывать нарыв заговора против меня.

— Ты как будто сожалешь, — не могу удержаться от неприятного наблюдения.

Он всерьез заинтересован этой девчонкой, иначе уже отдал бы приказ тащить ее в камеру и пытаться, пока не признается где, когда и с кем она планировала узурпировать власть. Ее гниющего папашу хватило ненадолго, а мелкая изнеженная мерзавка развяжет язык едва только увидит раскаленные щипцы.

Ее огромные зеленые глаза возникают перед моим мысленным взором так неожиданно, что приходится смахнуть морок мазком руки.

Почему мысль о ее страданиях заставляет меня испытывать почти физическую боль? Слово это

меня запихнут в Железную деву, словно это мои пальцы по одному будут ломать в дробительной машине.

— Если Матиль... — Эвин скрипит зубами. — Если герцогиня Лу'На действительно плетет заговор, значит, у нее каким-то образом налажены контакты с Воздушными лордами. Контакт, который каким-то образом ускользнул от пристального внимания моих шпионов. И тебя.

Это справедливое обвинение, и я смиренно склоняю голову, признавая свое поражение.

Сам об этот факт сломал всю голову, потому что у меня нюх на подобные вещи и сеть самых лучших, натасканных лично мной осведомителей, которые умеют распознавать заговоры по шепоту листьев на деревьях и узору облаков в небе.

Мне предстоит разгадать, каким именно герцогине удалось не просто наладить контакт с чокнутыми фанатиками свободы, но и заручиться их поддержкой.

— Полагаю, тебе потребуется помощь. — Эвин выплескивает в камин остатки вина, и когда снова смотрит на меня, его взгляд красноречиво намекает, что какой бы сильной ни была наша дружба, промашку подобного рода он мне просто так не спустит.

Я напрягаюсь, выравниваюсь в кресле, перебирая возможные варианты «наказания».

— Графиня Рашбур и ее широкие дипломатические возможности, и связи будут очень полезны.

Бездна задери!

— Нет, Эвин, ты не можешь так со мной поступить.

— Я дам вам время вскрыть заговор, — гнет свое король, и я слишком хорошо знаю этот тон, чтобы понимать — Эвин не отступит. — Сделать это незаметно, не поднимая суету, чтобы герцогиня Лу'На не успела предупредить сообщников. А когда вы найдете, как именно она поддерживает контакт с Летающими островами — мы воспользуемся этим в своих целях. Держи друга рядом, а врага — еще ближе.

— Спасибо, что удосужился чести быть цитируемым самим Эвином Скай-Рингом, — не могу удержаться от мрачной иронии. — Имей ввиду, что если через час после появления графини Рашбур один из нас — я или она — будет мертв, этот труп будет на твоей совести.

Я уже шагаю к двери, когда в спину доносится смешок Его Величества:

— Вы разве не помолвлены... до сих пор?

Я так громко хлопаю дверью, что Эвин, конечно же, громко смеется мне в спину.

Глава пятьдесят девятая

Сиротка

Я снова почти не сплю ночью.

Верчусь с боку на бок, вспоминая то взрыв, то хищный взгляд Риванны, то потом ее удивление, которое застыло на ее мертвом лице до той самой секунды, пока кто-то из монашенок не набросил на несчастную покрывало.

Зачем она это сделала?

Казалось, только когда Риванна уже летала головой вниз, она осознала, что натворила.

Ее внезапная смерть как будто снимала с меня подозрения, хоть все девушки продолжали шарахаться от меня, словно такие взрывные склянки были спрятаны в каждой складке моего платья.

Заметного облегчения, а тем более, успокоения, эта смерть мне не принесла.

Мне было искренне жаль беднягу, и я помолилась Плачущему, чтобы даровал покой ее запутавшейся душе.

Только под утро, когда сон все-таки начал ко мне подбираться, в голову вернулись мысли о герцоге. Нервы минувшего дня так меня измотали, что я не стала от них отбиваться, и позволила мыслям течь туда, где руки герцога продолжали поглаживать мои щиколотки.

Я была так близка к падению, что страшно и подумать, к чему это могло привести.

Наутро, моя горничная явилась с вёсью от маркизы Виннистэр: всем девушкам следовало собраться в малом зимнем саду в девять утра, перед завтраком, чтобы услышать важное объявление от имени Его Величества.

Пока горничная укладывает мои волосы, я перебираю в голове, что это может быть. Может, с оглядкой на постоянные преследующие этот Отбор несчастья, Эвин решил назвать имя своей будущей жены и распустить всех по домам? От одной этой мысли моя душа поет как птица. Правда, не долго, ведь пока что, несмотря на знаки внимания в мой адрес, все вокруг наперебой трещат о том, что так или иначе, но все закончится на Веронике Мор.

И теперь я точно знаю, что для этого есть дополнительная причина.

Эвин Скай-Ринг — бастард.

А Вероника Мор — росток дальней королевской ветки Скай-Рингов. Именно об этом загадочно намекала любительница умничать Адмаль.

Имея жену с законной кровью, Эвину не придется опасаться новых заговоров вроде того, который устроил мой отец.

Я непроизвольно мотаю головой, и натываюсь на любопытный взгляд горничной, которая как раз заканчивает украшать мои волосы атласными розами.

Я — простая безродная монашка, а не сказочно богатая герцогиня.

И если сегодня король назовет имя своей будущей жены, и это будет не имя Матильды Лу'На — что ждет меня? Я честно выполняла все условия своего договора и не единожды моя жизнь подвергалась опасности, но... выполнит ли герцогиня свою часть уговора?

— Леди Лу'На, — неожиданным шепотом останавливает меня горничная, когда я берусь за ручку двери, чтобы отправиться в малую оранжерею.

— Да?

Девушка мнетя и перебирает складки форменного, почти хрустящего от глажки передника. Потом что-то быстро достает из рукава, сует это мне в ладонь и убегает.

Это — записка на маленьком клочке бумаги, неаккуратно сложенная вчетверо. Написана как будто впопыхах.

«Не запирай дверь, нужно поговорить. Друг»

Кто этот загадочный друг — гадать не приходится. Хоть почерк кривой, но он мне хорошо знаком.

Я быстро швыряю бумажку в камин, ворошу угли, чтобы огонь быстрее превратил ее в пепел.

Орви! Как можно быть таким неосторожным! Ведь эта записка могла попасть в руки... к кому угодно! Подо мной и так шатается любая устойчивая поверхность, а если в дополнение к сплетням обо мне и герцоге Ноксе поползут разговоры и тайных свиданиях с лейтенантом Королевской гвардии — мою репутацию останется только закопать в землю!

А может... эта записка уже побывала в чьих-то руках?

Я чувствую прилив ужаса, когда торопливо спускаюсь с лестницы. Орви в паре со вторым гвардейцем держатся на расстоянии, и я даже не рискую посмотреть в его сторону, потому что теперь мне кажется, что в каждой трещине каждого камня есть пара любопытных глаз или ушей.

В оранжерее уже людно, но мое появление заставляет умолкнуть все разговоры.

Высоко держа голову, прохожу до единственного свободного стула, как будто нарочно отставленного подальше от остальных, около зарослей карликовых терновников. Не удивлюсь, если эти устрашающие колючки начнут расти, стоит мне только сесть.

— На вашем месте, герцогиня, — голос Вероники Мор вонзается мне в спину ледяным копьём презрения, — я бы собирала вещи и бежала.

Медленно, не теряя ни капли достоинства, усаживаюсь на свое место.

Если эти проклятые шипы через мгновение меня проткнут, уж по крайней мере мое выражение лица будет спокойным и уверенным.

— Благодарю за совет, леди Мор, — улыбаюсь лишь уголками губ, — но я не вижу ни единого повода для бегства. Кроме, разве что, вашего очевидного беспокойства из-за моего здесь присутствия.

Она меняется в лице, потому что не может ответить на откровенную насмешку — маркиза Виннистэр вливается в оранжерею, как самый... экзотический ее цветок, если бы такой мог выбраться из горшка и обрести человеческие формы.

На ней ярко-канареечное платье, обнимающее грудь полупрозрачными волнами шелка, а длинный разрез на юбке то и дело выставляет напоказ ноги в красных чулках.

Девушки восторженно замирают.

А я не могу отделаться от вопроса, который тут же вгрызается в мою голову: герцог, должно быть, уже имел удовольствие трогать эти ноги. Что ему мои веснушчатые колени, когда рядом такая... жар-птица!

Словно прочитав мои мысли, маркиза находит меня взглядом и остается довольна моим месторасположением.

— Доброе утро, леди! — здоровается она, и ее корсет чуть не трещит по швам от глубокого вздоха. — Все мы знаем о случившемся, и о внезапной кончине леди Риванны, которая омрачила вчерашний день... Тело девушки уже передано родственникам вместе с королевскими извинениями.

Я незаметно выдыхаю. По крайней мере, все это очень похоже на то, то с меня сняли все подозрения.

— В связи с этим, — продолжает Фредерика, — Его Величество сообщает, что каждая из вас имеет право отказаться от дальнейшего участия, коль скоро обстоятельства складываются таким образом, что... претенденткам на руку короля все равно грозит опасность, несмотря на беспрецедентные меры безопасности. Отказ от участия не понесет никаких карательных мер ни в отношении вас, ни в отношении ваших родителей и близких. Но принять решение следует прямо сейчас.

Когда пара девушек все-таки поднимаются со своих мест, это становится неожиданностью для всех. Даже обычно безразличная к нашим выходкам маркиза удивленно морщит лоб. Правда, лишь на мгновение.

— Леди Виннистэр, прошу, передайте Его Величеству, — говорит утонченная и почти прозрачная леди Вустер, — что для меня и моей семьи было огромной честью оказаться в числе претенденток. Но перед моим отбытием из дома, здоровье моего отца значительно ухудшилось. Боюсь, его сердце может не выдержать новостей обо всех опасностях, которым подвергается его дочь.

Звучит это так, словно все эти опасности падали только и исключительно на ее голову.

— А я просто хочу жить, — пожимает плечами Блер, та, что даже сегодня явилась в ободке с огромным плюшевым зайцем на нем.

Девушек провожают молча, словно на эшафот, но в некоторых взглядах оставшихся хорошо читается зависть. Прхоже, кроме меня и Вероники всем остальным это состязание уже не кажется чем-то жизнеутверждающим.

А осталось нас совсем немного: я, Фаворитка, Примэль — единственная, кто не боится открыто вступать со мной в разговор, вечно умничающая Адмаль, самая старшая среди нас — Мерра Оз, и мужененавистница Карин. Честно говоря, я до сих пор не понимаю, зачем ей все это, потому что она при каждом удобном случае любит высказаться о том, что женщины должны активно отстаивать свои права, вместо того, чтобы довольствоваться жизнью в тени мужа.

И так, нас шестеро.

Значит, Отбор закончится раньше намеченного срока.

И это так же значит, что герцогиня уже может занять свое законное место. А я, наконец, получить свободу жить той жизнью, о которой мечтаю.

— Ну а в честь самых храбрых, — триумфально вскидывает руки маркиза, как только «беглянки» покидают оранжерею, — Его Величество устраивает бал! Чистите перышки, прекрасные леди, завтра одной из вас предстоит выиграть еще одно состязание — получить право открывать бал первым танцем с королем!

Мы с Вероникой одновременно поворачиваем головы в сторону друг друга.

Она улыбается так, словно эта привилегия уже у нее в кармане.

И что-то мне подсказывает, что после случившегося вчера, моим единственным танцем на завтрашнем балу будет тот, который я станцую сама с собой в своем воображении.

Глава шестидесятая

Новость о предстоящем балу производит фурор.

Если Его Величество хотел как-то перебить сплетни о трагической кончине Риванны, ему это с блеском удалось. Уже к обеду все и думать забыли о покойнице — в замке, казалось, даже стены начали шептаться о том, в каком цвете появится леди Вероника Мор, чтобы выигрышно смотреться под руку с королем.

Я же радовалась тому что, хотя бы на какое-то время, можно забыть о заданиях, отборе и прочих «радостях жизни», которые в последнее время сыпались мне на голову как из рога изобилия.

Но очень скоро я поняла, что предстоит решить еще одну проблему.

Проблему с нарядом, в котором не стыдно будет появиться на балу, и желательно так, чтобы точно не померкнуть в роскошном блеске Фаворитки — вот уж кто точно сделает все возможное, чтобы взгляд Его Величества принадлежал ей и только ей.

Конечно, герцогиня дала мне целый ворох платьев и украшений, но вряд ли среди них есть достойное королевского бала. Я слышала, как другие девушки отправляли горничных к маркизе, чтобы та передала письма их родным. К вечеру, уверена, каждая девушка получит по истине великолепный наряд.

Я тоже пишу записку и когда подхожу к леди Виннистэр, ее лицо становится почти такого же канареечного цвета, как и ее вызывающий наряд. Она долго вертит конверт, подозрительно высматривает что-то в оттиске печати на сургуче, которым он запечатан.

— Это весточка домой или послание вашим пособникам на волю? — ехидно интересуется маркиза.

— Это лишь письмо, — отвечаю я, стараясь ни на минуту не забывать о том, что герцогине Лу'На не пристало упражняться в острологии с той, кто ниже ее по рождению. — Такое же, как написали другие девушки. Вы всех их подозреваете в заговорах?

— Только тех, которые уже участвовали в одном, — фыркает маркиза, пряча конверт в маленький мешочек у своего пояса. — Но правила равны для всех, герцогиня, так что я прямо сейчас предам ваше послание по назначению. Не сомневаюсь, — она снова мерит меня своим выставленным напоказ унижением, — на этом балу вам не будет равных. Почти. Хотя уверена, вы поступите как должно, и появитесь на балу в почтенном черном траурном цвете. Как и положено глубоко скорбящей дочери.

Я воздерживаюсь от необдуманной гадости в ответ.

Но всего на мгновение, потому что от колкости уже невыносимо чешется язык.

С удовольствием возвращаю маркизе ее насмешливый взгляд со словами:

— Полагаю, леди Виннистэр, этот желтый, так идеально похожий на цвет шкуры болотной гадюки, как нельзя лучше подчеркивает ваш богатый внутренний мир. Хотя, увы, очень подчеркивает зеленый цвет увядающей кожи. Я слышала, слуга герцога Нокс мажет его сапоги каким-то специальным кремом. Вы видели сапоги герцога, маркиза? На них нет ни единой морщины! Почему бы вам не одолжить у него это чудодейственное средство?

После этого короткого разговора я не могу успокоиться, пока не вымою руки и лицо в первом же попавшемся фонтанчике.

Что за мерзкая... особа!

В библиотеке, где я потихоньку прячусь, тихо и спокойно.

И здесь меня точно никто не потревожит.

Мне нужно подумать обо всем, а в последнее время даже собственная комната не кажется безопасным местом.

Хотя, стоит мне убедиться, что в библиотеке никого, как вслед за мной в полуоткрытую дверь просачивается еще одна тень.

Быстро хватаю стоящий на секретере канделябр и, воинственно держа его обеими руками, предупреждаю:

— Я проломлю голову любому, кто попробует ко мне подкрасться!

Тень выходит из полумрака укрытия книжных стеллажей, на всякий случай поднимая руки как сдающийся без боя воин.

Это — Примэль, и у нее очень испуганный вид.

— Матильда, это я, — бормочет дрожащими губами она. — Просто подумала, что нам есть что обсудить.

Несмотря на то, что мой тайный враг оказался всего-навсего приставучей Примэль, не спешу возвращать подсвечник на место. Его тяжесть придает уверенности, что в случае чего — я всегда смогу защитить свою жизнь и честь.

Ну, по меньшей мере, попытаться.

— Прости, я немного нервничаю после всего случившегося, — говорю я, присаживаясь на край старинного кресла в богатой бордовой обивке.

Примэль часто кивает и занимает софу поблизости.

Какое-то время мы обе молчим, и когда я почти готова поторопить ее с разговором, Примэль начинает первой:

— Тебе совсем не страшно... после вчерашнего? Сначала тебя чуть не завалило камнями, а потом эта ужасная смерть бедняжки Риванны. Этот обор уж точно останется в истории самым кровавым.

Она выглядит искренне напуганной.

— Если тебе страшно — наверное, еще не поздно отбыть домой? — говорю первое, что приходит на ум. Примэль единственная в этом замке, кто не боится открыто со мной разговаривать и за одно это стоит быть к ней дружелюбнее. — Уверена, Его Величество поймет.

Девушка закатывает глаза, и достает откуда-то из складок платья маленькую жестяную коробку с леденцами. Предлагает мне угоститься, но я отказываюсь. Видимо, слишком подозрительно быстро, потому что Примэль берет первую же попавшуюся карамельную горошину и отправляет ее в рот.

— Если бы я хотела тебя отравить, — говорит с задорной хищной усмешкой, — я бы лучше подпустила сюда какой-нибудь сонный газ. Никто не травит врагов фруктовой карамелью за грошовую цену. Мой отец считает, что у меня дурной вкус, потому что я люблю сладости деревенских детей, так что приходится подворовывать их у горничной.

Примэль с громким хрустом разгрызает карамель во рту. И сует в рот следующую горошину.

Я потихоньку беру одну и кладу ее на язык.

В монастыре сладости были под запретом, так что даже такие угощения были в радость.

Вкусно — словно ешь ложками спелую сочную вишню.

— Если бы я сбежала сегодня, — говорит Примэль уже немного напряженным голосом, — то уже завтра стала бы невестой старика. У нас не самый знатный графский род, мои бабка и матушка не были плодовитыми, так что кроме меня и младшей сестры надеяться больше не на кого. А ко мне как раз собирался посвататься барон Фабер. Старший.

Она так выразительно на меня смотрит, как будто ждет, что новость об этом сватовстве произведет на меня какой-то особенный эффект.

Я хорошо знаю дворянство и историю, но фамилия Фабер явно не в первых рядах.

Хотя в голове все же всплывает гравюра изуродованного страшным ожогом мужчины, к тому же еще и одноглазого.

Кажется, он получил эти ожоги в бою в одной из самых первых военных кампаний Эвина Скай-Ринга.

Чтобы как-то проверить правильность своего предположения, как бы между прочим провожу рукой вокруг лица. Примэль огорченно кивает. А когда закрываю один глаз ладонью, ее лицо похоже на скисший помидор.

— У барона только один наследник, так что он рассчитывает, что жена подарит ему еще минимум тройку крепких сыновей, — продолжает жаловаться Примэль, — а ему уже пятьдесят восемь! Я не уверена, что смерть так уж хуже печальной участи тешить его немощное старческое мужское достоинство.

Мы морщимся в унисон, и так же вместе хихикаем.

— Я думаю, — уверенно говорит моя новоиспеченная подруга, — король выберет тебя.

— Думаю, леди Мор этого не допустит — готова поспорить, она уже знает цвет его камзола, чтобы идеально с ним сочетаться.

— Я вообще, а не про танцальки. Ты будешь королевой. — Примэль дает мне еще один леденец и прижимисто прячет коробку обратно в потайной карман. — Ты одна здесь хоть что-то знаешь о том, как устроен этот мир, и как в нем выживать. Ты особенная, Матильда. Не зря же Вероника так бесится на твою породу.

Мы уходим по очереди — сначала она, потом — я.

Слова Примэль не дают покоя.

Я — точно не породистая. Это настоящая герцогиня особенная, не такая как все, а я — выброшенная собственными родителями безродная дворняжка. Мне никогда не стать королевой, и это... неприятно ранит. Как будто придется добровольно отдать то, что принадлежит мне по праву.

Я так настойчиво отмахиваюсь от этих странных и ненужных мыслей, что не сразу понимаю, почему в моей комнате такой ужасный беспорядок. Просто замираю посреди разбросанных повсюду платьев, нижнего белья и пустых коробок из-под обуви.

Что тут вообще произошло?

Обыск?!

Или пока меня не было кто-то очень находчивый устроил платный аттракцион «Отомсти дочери предателя»?

Хватаю лежащее на полу голубое атласное платье... и замираю от ужаса.

Оно все изрезано на лоскуты — от лифа до складок на юбке.

Буквально — дорогой атлас похож на толстую неряшливую бахрому.

Беру другое, треть, следующее.

Они все испорчены!

Все — даже носовые платки исполосованы в клочья!

Я обессиленно опускаюсь на пол, вдруг отчаянно понимая, что если мне не пришлют платье, то на завтрашний бал идти мне не в чем. Абсолютно не в чем, без преувеличений.

Разве что моя горничная смилостивится и одолжит свою униформу.

Глава шестьдесят первая

Я беру себя в руки и снова перебираю рвань на полу.

Не могли же мои невидимые доброжелатели уничтожить абсолютно все.

На это потребовалось бы по меньшей мере несколько часов!

Но сколько бы я ни рылась, как тщательно не выискивала бы среди безнадежно испорченных нарядов хоть один целый клочок — все оказалось бесполезно.

Каждое платье, каждая нижняя юбка и даже чулки были безнадежно изрезаны и изодраны.

В сердцах, бросаю рваное платье красивого цвета «королевский синий» и снова усаживаюсь на пол, прямо на кучу рванья, как насадка на свое единственное добро.

Кто-то очень смелый сделал это.

Кто-то достаточно самоуверенный, чтобы не переживать из-за возможной поимки прямо на месте преступления.

Нужно обладать либо нечеловеческой выдержкой, либо индульгенцией на любую гадость, чтобы сидеть в чужой комнате под носом у двух королевских гвардейцев, и методично кромсать чужое имущество.

Злость заставляет меня подобрать сопли и в несколько шагов оказаться у двери.

Распахнуть ее вне себя от ярости, и впериться взглядом в одного из охранников.

Это не Орви.

Смотрю на другого — и это тоже не он.

Более того — уверена, я вижу эту парочку впервые. Раньше за мной ходили Орви и его напарник — высокий рыжий детина с выщерблиной в передних зубах, от которого всегда странно пахло какой-то лекарской мазью. Кажется, от насморка.

— У меня сменилась охрана? — стараюсь задать вопрос максимально беспристрастно.

— Распоряжение милорда Куратора! — вытягиваясь в струну, чеканит правый, долговязый и, несмотря на молодой возраст, уже заметно лысеющий гвардеец. — Караул меняется дважды в день!

Я поджимаю губы.

— И... когда будет следующая смена караула?

— В три часа по полудни, Ваша Светлость.

Бросаю взгляд на огромные механические часы, которые висят в проеме над этажами — еще пятнадцать минут до срока.

Но что с того?

— Кто-то входил в мою комнату, пока меня не было? — продолжаю задавать вопросы, сохраняя максимально беспристрастный вид. — Кто угодно.

У долговязого вытягивается лицо, и это недоумение, граничащее с возмущением, невозможно подделать. Я уверена в этом. Гвардейцы Его Величества — верные солдаты Артании, они храбрые и смелые, но вряд ли в список их талантов можно занести выдающиеся театральные способности. Хотя бы потому, что в отличие от Элитной гвардии, все эти, в черных мундирах, выходцы из бедных семей — сыновья кузнецов, пахарей и плотников. Я — такая же, безродная. И до того, как судьба сунула меня в свой замысел, способность врать отсыхала во мне всякий раз, когда ко мне обращался хоть кто-то, благороднее лавочника.

— Может, хотя бы моя горничная? — предпринимаю еще одну попытку, уже почти ни на что не надеясь.

Хотя, Эсми мне кажется девушкой приличной и такой же пугливой. Не в пример ее предшественнице, которой, хвала Плачущему, после того случая и след простыл.

— Никто не входил, Ваша Светлость! — немного оторопело бормочет долговязый. — Приказ милорда Куратора — посторонним в комнатах девушек находиться строжайше запрещено под

страхом тюремного заточения.

— Что-то случилось, Ваша Светлость? — подавляя заикание, спрашивает второй.

Рассеянно качаю головой.

— Просто... спросила. Мне... всего лишь показалось.

Я снова захожу в комнату и крепко закрываю за собой дверь.

На этот раз — на ключ.

Кто бы не сделал все это — его цель абсолютно прозрачна.

Лишить меня уверенности, выбить почву из-под ног и заставить опустить руки.

Не будет ему — или ей! — такой радости!

Методично, запрещая себе реветь и отчаиваться, заталкиваю ключья обратно в шкаф.

Обувь — тоже безнадежно испорченную — пинками зашвыриваю обратно под кровать.

Навожу порядок, расставляя мебель и перевернутые вазы.

Заглядываю в шкатулку с драгоценностями на туалетном столике — все на месте.

Я хорошо знаю, что именно герцогиня дала мне с собой, буквально наперечет, потому что она не единожды просила не потерять эти драгоценности великой стоимости и еще более великой фамильной значимости. Все на месте, даже крохотные серьги с капельками редких голубых топазов.

Совершенно точно, никто не хотел меня ограбить и даже не попытался скрыть свою выходку такой нелепостью. Но драгоценности на всякий случай все равно прячу в нижний ящик туалетного стола, который запирается на маленький серебряный ключ. Его вынимаю и быстро сую в крохотную щель между шкафом и стеной.

Должно быть, я трачу на это уйму времени, потому что когда заканчиваю и придирчиво осматриваю комнату, в дверь слышится вкрадчивый стук.

Раз и еще раз.

И быстро прилипаю к ней со своей стороны, вдруг вспомнив о той утренней записке.

Но что если это снова какой-то обман?

— Кто там? — говорю подчеркнуто холодно и удивленно.

— Это... Орви, — слышу его то ли смущенный, то ли напуганный голос.

Плачущий, я не должна его впускать.

Но мне так необходимо просто хотя бы с кем-то поговорить, что стоит рискнуть.

Должен же в этом проклятом замке быть хоть один человек, которому есть дело до того, что творится у меня на душе!

Потихоньку отпираю дверь, и Орви ловко просачивается внутрь моей комнаты, тут же снова запирая ее за собой.

— А твой напарник? — говорю испуганным шепотом.

— У него простуда, — улыбается Орви. — Я попросил матушка сделать ему ее фирменную настойку с обморовой травой. Он проспит часа два.

Я сажусь на кровать и привычно поджимаю под себя ноги.

Орви присаживается рядом, на колени, но при этом соблюдает между нами дистанцию благопристойности.

Милый славный Орви!

Дарю ему ласковую улыбку и его щеки тут же покрываются румянцем.

Мои, в ответ, тоже.

— Просто, что я... вот так... очень... непредусмотрительно. — Он заикается. — Но нам нужно поговорить. Я подумал, ты должна знать. Кто-то определенно желает тебе зла, Тиль. Все эти совпадения — они не случайны!

Я прижимаю палец к губам, призывая его контролировать гнев и говорить тише.

Мы снова молчим.

— Когда я увидел, как ты чуть не попала под тот рухнувший потолок... — Орви нервно проводит руками по волосам, зачем-то немного дергая их и оттягивая вихрастую челку. — Я подумал, что не переживу этого. Не надо было тебе соглашаться. О герцогине столько гадостей говорят...

Он заметно кривится.

Что именно говорят «нам с герцогиней» в спину — догадаться не трудно.

Точно не желают долгих лет здоровья.

Я набираюсь смелости, и рассказываю ему о своих порванных платьях и о том, что кто-то нашел способ незаметно пробираться в мою комнату. Орви тут же предполагает, что существует потайной ход и мы битый час тратим на то, чтобы хотя бы попытаться его найти.

— Бесплезно, — обреченно опираюсь на шкаф, который оказывается привинчен ножками к полу. — Вероятно, ко мне вошли при помощи Аспекта.

Орви согласно кивает.

— И что ты будешь теперь делать? — осторожно спрашивает он.

— Ну, мне все равно пришлют платье из замка, так что постараюсь...

— Пришлют? — Озадаченное лицо Орви и тон его вопроса заставляют напрячься. — Разве тебе еще не прислали платье к завтрашнему балу? Остальные девушки получили их еще до вечера. Я слышал, парни шептались, что их заставили носить коробки, а к Веронике Мор так вообще целых двенадцать.

Я даже толком не понимаю, что происходит раньше: я вскакиваю на ноги и несусь к двери, или в моей памяти отчетливо всплывает гадкая улыбка маркизы и ее: «Не сомневаюсь, что на балу вам не будет равных!»

Значит, вот кому мне следует сказать «спасибо»!

Значит, вот кто стоит за всеми этими гнусностями!

И как я сразу не догадалась!

Она же так носится с Фавориткой, чуть не ест из ее рук, а тут — такая возможность. Одним махом убить двух зайцев — избавиться от назойливой герцогини и дать Веронике шанс заработать волшебные баллы!

Невидимая сила буквально выталкивает меня за дверь.

Едва ли я слышу ее глухой удар о стену и торопливые шаги Орви.

Ну уж нет, на этот раз маркизе придется объясниться, иначе я превращу ее в... гуляш, которым наспигую ее... вульгарные красные чулки!

По лестнице, вниз, до второго этажа, и порой мне кажется, что я не просто бегу — перелетаю сразу несколько ступеней.

— Матильда, стооооой...! — отдаленный и почему-то очень испуганный крик Орви.

Я добегаю до пролета между вторым и третьим, но сделать следующий шаг не успеваю, потому что что-то обжигающе холодное ловит меня, словно муху в паутину.

Размахиваю руками, пытаюсь вырваться, но руки и ноги так стремительно коченеют, что мои старания почти сразу сходят на нет. Я как марионетка в руках немощного старика — едва ли способна пошевелить хоть пальцем.

Плачущий, что за новая напасть?!

Какая-то черная тень возникает передо мной. Она похожа на фигуру человека, если бы ее выдуло из черного сажного дыма. Его лицо без глаз рта и носа, больше напоминает болванку шляпника, но

почему-то мне чудится там злой голодный рот без зубов и длинный алый язык, раздвоенный как у змеи.

Это — призрак.

Ужас не добавляет мне подвижности, увы. Я еще больше цепенею и лишь мысленно продолжаю сопротивляться, пытаюсь хотя бы боком двигаться к лестнице вниз — она видна в рваной груди призрака.

Хочу закричать, но дух мертвеца молниеносно сжимает мое горло неестественно длинными и тонкими пальцами. Теперь мне не то что не закричать — даже не вдохнуть.

Еще немного — и силы меня окончательно покинут, потому что через это касание призрак стремительно и заодно высасывает мою жизнь, чтобы сделать такой же, как он — бесплотной, вечно голодной тенью.

Перед глазами все плывет.

Но, когда я уже почти ни на что не надеюсь, кончики пальцев вдруг стремительно теплеют. Знакомое тепло поднимается откуда-то снизу, поджигая меня, как высушенный хворост.

Эта странная сила...

Она снова вдыхает в меня жизнь.

И когда я распахиваю глаза, призрак одергивает руку, потому что моя кожа светится ярко-алым, как будто под ней у меня — чистое пламя.

Умертвие шипит, заслоняется рыками, пытается зажаться в какую-то тень, но то, что подожгло его уродливые пальцы, стремительно расплзается по всему тщедушному телу. Как огонь по пергаменту — выжигает новые дыры, пока от Призрака не остается лишь рваная несуразная дымка.

И противный крик, в котором тварь бьется в предсмертной агонии.

Я выдыхаю, обрушиваюсь на колени, потому что моя кожа снова привычного цвета. Огонь внутри так же стремительно гаснет, а вместе с ним — остатки моих сил.

Но ведь опасность миновала, да?

Ведь я смогла — не знаю, как — разрушить... целого призрака?

Но моя радость оказывается преждевременной, потому что на смену одной голодной душе, на меня, как на приманку, стекаются другие. Одна, две, пять...

Я сбиваюсь со счета на десяти, малодушно жмурюсь.

Попытки выдавить из себя хоть искру того странного огня, ни к чему не приводят.

Может, мне просто показалось, что я на что-то способна, а на самом деле, это была всего лишь предсмертная агония?

Десять призраков на одну лакомую живую дурочку.

Такую добычу из их лап не выдерет, должно быть, даже самый одаренный Аспектик.

Даже...

Я слышу странные щелчки — один за другим, как размеренные удары хлыста о мраморные плиты. И почему-то уверенный тяжелый шаг.

Мне бы радоваться — кто-то отчаянно храбрый, может быть, даже Орви, стремится мне на помощь.

Но эти шаги...

Они совсем как из моего ночного кошмара.

Когда они приблизятся — случится что-то ужасное.

На этом моменте я всегда просыпаюсь, но сейчас я совершенно точно не сплю и мне предстоит вживую увидеть, чем заканчивается мой ночной кошмар.

Хотя «вживую» — это слишком громко сказано.

Я набираюсь храбрости и с трудом разлепляю веки.

Призраки толпятся передо мной, громко крича и закручиваясь в смертельные вихри.

Их тела покрываются шипами, черный дым струится по пальцам и тяжелыми черными каплями падает на белый истрескавшийся мрамор.

Но там, впереди — мужская фигура.

Темная челка прикрывает лицо, бросает на впалые щеки острые бритвы теней.

Виден лишь край самодовольной ухмылки, как будто эти враги ему нипочем.

И это действительно так, потому что он... просто смахивает их.

Властными движениями рук разбрасывает в стороны, как лишние шахматные фигуры с доски. Твари шипят, пытаются его задеть, вонзаются в тело беззубыми ртами, но...

Герцог Нокс справляется с ними со всеми быстрее, чем я успеваю выдохнуть его имя:

— Рэйвен...

И проваливаюсь в благословенную тишину.

Глава шестьдесят вторая

Герцог

Призраки всегда появляются вместе с холодом.

Я понимаю, что что-то влечет их, когда из-под двери моей комнаты, в которой я безуспешно пытаюсь составить какую-то относительно логическую цепочку заговора с участием мелкой заразы, проникает сперва молочно-белый туман, а потом пол стремительно покрывается инеем.

Проклинаю всех и вся, несусь к двери.

Если какая-то безголовая дура из тех, которым хватило ума остаться, вместо того, чтобы сбежать по крылышко родителей, решила погулять ночью вопреки запрету, мне придется ее спасти. Одной смерти на этом Отборе и так достаточно, чтобы в Хроники его внесли как самый жестокий и кровавый.

Главное потом не убить безмозглую любительницу бродить по ночам.

И шепнуть Эвину на ухо, от кого нужно избавиться в первую очередь.

Артания и так достаточно страдает от войн и постоянных попыток разорвать ее изнутри, бестолковую королеву жители нашего государства просто не заслужили.

Призраки не сразу чувствуют мое присутствие.

Я для них слишком «не вкусная» цель, потому что в какой-то мере моя кровь ни жива, ни мертва, хоть сам я выгляжу как пышущий здоровьем молодой мужчина. И чувствую себя так же, особенно в те проклятые ночи, когда мелкая герцогиня является в образе целомудренной монашенки. Чтоб ее Хаос взял!

Но моим демонам нужна хоть какая-то свобода, чтобы кровь не закипела в жилах от плохо сдерживаемого гнева и раздражения.

Эту небольшую «разрядку» я принимаю с радостью, чувствуя, как приятный невидимый огонь струится по телу и наполняет меня первозданным разрушением. Темные долговязые тени при виде меня начинают шарахаться в стороны, но я разрушаю их, словно песочных человечков — без труда, без усилий, с наслаждением.

Я сильно истощал за это время.

По хорошей драке, по теплу человеческой жизни, которая наполняет меня, словно живая вода, по Хаосу, с которым теперь неразрывно связан.

Я наслаждаюсь даже этими жалкими крохами с поистине недостойными противниками.

Но ровно до тех пор, пока не замечаю сжавшуюся на полу тонкую фигурку с мертвецки бледным лицом.

За ключьями рванья, которое оставляю вместо призраков, герцогиня Лу'На выглядит слишком беспомощной.

Абсолютно беспомощной.

Ее зеленые глаза наполнены ужасом, но она все еще держится, хоть даже не представляю, что за ересь в его голове заставляет думать, будто хоть одна из этих тварей ей по зубам. Никакие таланты плести филигранные заговоры не помогут защититься от злобы и голода мертвых душ.

Я останавливаюсь.

Может... самое время, наконец, подвести между нами окончательный расчет?

Черная алчная тень нависает над Матильдой и чернильные бесплотные капли стекают на ее тонкие воробьиные плечи, почему-то торчащие из платья. Девчонка дрожит, но не кричит. Она как будто еще сражается, но лишь духом, чтобы принять смерть достойно.

По-королевски?

Меня пронзает болезненное, не к месту пришедшее воспоминание о той, другой.

Почему-то я уже почти не могу вспомнить детали ее лица, но за миг до того, как Л'лализель превратилась в горсть пепла, у королевы Артании и Принцессы Хаоса был точно такой же взгляд.

Побежденной, но не проигравшей.

— Рэйвен... — Тихий голос герцогини выводит меня из ступора.

Я смахиваю призрака одним взмахом руки — тень скукоживается, очень по-человечески хватается за лицо и рассеивается, опадая на Матильду вуалью старого праха.

Она могла умереть — вот тут, у моих ног.

Эта мысль что-то сильно сдавливает у меня в груди.

То, о чем я и думать забыл.

То, что лишь изредка напоминало о себе ровными ритмичными ударами сквозь сон.

Девчонка почти ничего не весит, когда подхватываю ее на руки. Она словно пух, который стремительно холодеет — я чувствую это даже через слои разделяющей нас одежды. Ее губы бледнеют, от лица отливает румянец жизни. На плече, в том месте, где оно переходит в шею, темный след — как будто под кожей гниет какое-то семя, распространяя вокруг себя порченную паутину отравы.

— Рэйвен... — продолжает шептать Матильда, и ее глаза за закрытыми веками перекатываются туда-сюда, как будто она видит страшный сон.

— Здесь, — отвечаю я, пытаюсь шагать максимально быстро.

Перепрыгиваю через пару ступеней, вниз, в лекарскую комнату.

Я желал ей смерти все эти годы, а теперь боюсь, что из-за моего даже секундного промедления, она умрет.

Я пинком вышибаю дверь с петель.

В темной комнате пусто и холодно, как в могиле, но Матильда в моих руках еще холоднее, и меня начинает потряхивать озноб.

Кладу ее на кушетку, срываю с петель какой-то то ли гобелен, то ли полог, накидываю на нее и энергично растираю плечи.

Она мотает головой, на лбу выступает испарина, как будто под кожей девчонки настоящий пожар.

— Кто-нибудь! — ору не своим голосом. — Сюда! Медик! Лекарь!

Эхо возни в ответ на мой крик слишком медленное.

Я похлопываю девчонку по щекам, пытаюсь привести в чувство.

— Открой глаза, — шиплю сквозь намертво стиснутые зубы. — Не смей умирать, слышишь?!

Мои ладони обхватывают ее лицо, сжимают узкие скулы.

Хаос подери, она такая хрупкая, такая беспомощная, что, кажется, одного неосторожного движения достаточно, чтобы один за другим хрустнули все шейные позвонки.

Она стремительно раскаляется в моих руках.

Только что была холоднее могильного камня, а теперь буквально обжигает ладони.

Что-то подсвечивает ее кожу изнутри.

Тонкие нитки огня очерчивают вены и сосуды.

Ее тело прошибает острый спазм, она выгибается дугой — и снова опадает на кушетку, но успевает схватить меня за запястье.

Снова жжет, снова вижу, как под ее пальцами моя кожа краснеет как от ожога.

Но на этот раз что-то привлекает мое внимание.

Что-то, что просвечивает даже сквозь плотную ткань платья.

Я с трудом выдергиваю руку, разрываю рукав чуть не до самой подмышки.

И столбенею.

Этого... не может быть.

На белой коже ярко-оранжевые витки печати Хаоса выглядят совершенно неестественными, а острые темные грани обсидиановых костей и шипов — особенно зловещими.

Я моргаю, готовый скорее уж поверить в собственное внезапное безумие, чем в том, что мелкая герцогиня может быть... как-то связана с... ними.

Торопливые шаркающие шаги заставляют меня стремительно набросить ткань обратно на руку девчонки, и прикрыть ее гобеленом. Растрепанная лекарка с парой помощниц быстро оттесняют меня в сторону.

— На нее напали призраки, — все еще сквозь зубы, поясняю я. — Там... на плече...

— Вижу, — охает старшая. — Что за напасть!

Она что-то тараторит двум сонным девчонкам. Те бросаются врассыпную: одна наполняет чан водой, другая заводит механизм подогрева. Старшая гремит склянками, что-то сыплет в плоски, смешивает в бутылках.

А Матильда снова лежит на скамье почти как покойница. О том, что она все еще жива, я догадываюсь лишь по изредка едва-едва вздымающейся груди.

Когда девчонки становятся по обе стороны кушетки и за руки приподнимают ее, чтобы лекарка расшнуровала платье, я напрягаюсь, чтобы не раскидать их в стороны.

Они не должны видеть.

Потому что... могут поползти слухи.

Но, когда тонкая рука беспомощно вываливается из разорванного рукава, ее кожа безупречно девственно чиста.

Как будто Печать Хаоса на ней мне лишь привиделась.

Но я привык доверять своим глазам, и слишком хорошо знаю все уловки Бездны, чтобы списать все на взбрыкнувшее воображение.

Я знаю, что я видел, и знаю, что это было так же реально, как и сердитый взгляд прогоняющей меня за дверь лекарки.

Проклятье!

Глава шестьдесят третья

Сиротка

Я прихожу в себя в своей комнате.

На прикроватной тумбе стоит поднос со склянками, перевязочные бинты и плоски с мазями, а я почему-то почти не чувствую левую руку.

Это становится почти привычкой — грохаться в обморок, а потом оказываться в кровати, как будто у меня завелась личная добрая волшебница, которая просто так вытаскивает из каждой передрыги.

Дверь в комнату открывается, в проеме появляется голова Примэль.

Она, по обыкновению, без эксцентричной шляпы. Вместо этого ее русые волосы густо накручены на, кажется, сотню шелковых ленточек, а вместо платья — домашняя богатая накидка поверх пеньюара.

Убедившись, что кроме меня в комнате никого нет, Примэль просачивается внутрь, закрывает дверь и быстро плюхается на кровать, из-за чего матрас пружинит и трясет меня, как несчастную муху в паутине.

Рука у меня все-таки на месте, раз я чувствую эту ужасную боль!

— Прости, прости, прости! — охает Примэль, и откуда-то из складок накидки достает уже знакомую мне коробочку с леденцами. Я снова отказываюсь и она, пожав плечами, закидывает в рот сразу парочку. — Гвардейцы за твоей дверью — такие душки. Я должна им по улыбке!

Ты стала местной легендой!

— Да? — Ворочаюсь, чтобы поудобнее устроиться на подушках.

— Та, что выжила после встречи с призраками! — У Примэль восторженно горят глаза, и она с восторгом стучит пятками по бокам кровати. — Это почти так же невероятно, как и... Даже не знаю что!

Воспоминания о призраках будят во мне целый поток воспоминаний, от которых становится дурно до тошноты.

Там был кто-то.

Это не я героически от них отбилась, хотя одного каким-то образом, кажется, заставила сбежать. Или он сгорел?

Воспоминания путанные, как клубок из нескольких нитей.

— Меня спас Рэй... — Делаю вид, что поперхнулась и кашляю в кулак. — Меня спас Куратор. Я не при чем. Они бы убили меня, если бы не герцог Нокс.

Примэль сначала вытаращивает глаза, а потом, еще раз опасливо посматривая по сторонам, шепотом говорит:

— Держись от него подальше. Кажется, ему очень не по душе, что ты обходишь нашу Фаворитку.

Как будто в замке есть хотя бы одна живая душа, которой это нравится.

Разве что моя, но насчет ее «живости» я бы поспорила.

— Ну и где оно? — Примэль снова звонко хохочет, разглядывая комнату.

— Ты о чем?

— О платье, конечно же! — Она вскакивает и, воображая себя перед важной персоной, делает безупречный реверанс. — Ваше Величество, я готова подарить вам свой первый танец! Ах, вы желаете второй?! Тогда вот вам мои рука и сердце, и уверения, что я готова танцевать с вами всю жизнь!

Она так мастерски дурачится, что я смеюсь даже несмотря на то, что каждый вздох отдается колкой болью.

А когда Примэль повторяет вопрос, кое-как пожимаю плечами.

— У меня нет платья.

— Как это?

Вздыхая, прикидывая, стоит ли рассказывать Примэль обо всех моих злоключениях.

Герцогиня предупреждала, чтобы я никому не доверяла.

Да и здесь, кажется, слишком много явных и неявных желающих устроить мне либо «красивый» вылет, либо — некрасивую смерть.

— Так получилось, — говорю уклончиво. — В конце концов, все же и так знают, с кем будет танцевать Его Величество.

Примэль с сожалением вздыхает, хоть в нашу последнюю встречу она была уверена, что именно мне король окажет честь и подарит первый танец. Если я выгляжу хоть бы на четверть так же скверно, как себя чувствую, то немудрено, обо что разбился весь оптимизм Примэль.

— Это все очень несправедливо. — Примэль выглядит искренне огорченной. — Ты была бы лучшей королевой, как бы там ни было!

Хочу сказать, что проигранная битва — не значит, проигранная война, но вовремя прикусываю язык.

Никому нельзя доверять.

— Кстати, — Примэль опять шепчет, — говорят, на балу ожидают появления особенной гостьи — графини Ивлин Рошбур!

Еще бы я знала, о чем таком особенном мне должно говорить это совершенно незнакомое имя.

— Она — представитель дипломатической миссии на Летающих островах.

— Ээээ, — тяну я.

Артания уже много лет находится в плохо замаскированном конфликте со Свободными народами, и люди, которые всеми силами стерегут этот хрупкий мир, несомненно, заслуживают огромного уважения. Но причем тут бал Королевского отбора?

— Говорят, — Примэль почти что шепчет мне на ухо, — наш злой герцог Нокс официально с ней обручен.

Рэйвен... обручен?

У него есть невеста?

Плачущий, меня сейчас стошнит.

— Тебе плохо? — В голосе Примэль звучит беспокойство. — Ты как-то внезапно побледнела. Или это... ну... из-за приезда этой дамочки?

Мне хочется держать лицо, но для этого, кажется, уже слишком поздно.

Я уже позволила чувствам взять над собой верх.

Непростительная глупость!

И меня не оправдывает даже то, что я позволила несвободному мужчине прикасаться к себе... самым разным образом. И — Плачущий, прости! — даже несколько раз допускала мысли о том, чтобы... позволить герцогу Ноксу себя поцеловать.

— У меня немного болит голова и плечо, — пытаюсь спрятаться за банальной отговоркой. — Мне до приезда этой... как ее там... графини, нет никакого дела.

Хочется добавить, что вообще впервые о ней слышу, но, скорее всего, настоящая герцогиня в курсе, кто эта женщина, раз она является важным связующим звеном между Артанией и Летающими островами. Крупным вельможам положено быть в курсе таких вещей.

— Говорят, у них была очень романтичная история знакомства! — никак не уймётся Примэль, а я даже не могу встать из постели, чтобы избавить себя от необходимости все это слушать. — Она тайно перебиралась через линию фронта с маленьким караваном, на который напали варвары. Герцог с отрядом оказались рядом и отбили леди Рашбур и пару ее гувернанток. Герцог прикрыл графиню от пули собственной грудью, и едва не лишился жизни!

Примэль изображает смертельную рану и падает на кровать, притворяясь мертвой.

Потом, выждав мгновение, хитро приоткрывает один глаз и смеется, запихивая в рот следующий леденец.

Если бы не гадкий осадок от внезапно вскрывшейся правды, я бы с радостью посмеялась над сценкой, тем более, что разыграна она мастерски.

Но на этот раз я еле выдавливаю улыбку и снова притворяюсь смертельно уставшей.

— Прости-прости, — моя внезапная подруга деликатно пятится спиной к двери. — Я обязательно приду к тебе после бала и расскажу все-все-все! Поверь, после этого ты будешь думать, что сама там была!

— Спасибо, Примэль, — сдержано улыбаюсь в ответ.

Только когда дверь за ней закрывается, и я слышу затихающие вдаль шаги, позволяю себе выразить чувства — со всей силы вбиваю кулак здоровой руки в покрывало, подушки и все, до чего могу дотянуться.

Невеста!

Говорить другой женщине «Я собираюсь вас поцеловать», будучи при этом глубоко обрученным мужчиной — это верх цинизма и подлости!

Моя злость так велика, что, если бы я знала о существовании «чудесно спасенной графини Рашбур» до того, как герцог отбил меня у призраков, я бы лучше позволила им высосать из меня душу, чем теперь быть обязанной ему жизнью.

Глава шестьдесят четвертая: Герцог

— Рэйвен, отрада души моей, ты меня порой несказанно радуешь своими, как бы это получше выразиться... — Химер прикладывает к губам когтистый палец, изображая глубокую озабоченность поиском подходящего слова. — Вот — иногда, вот как сейчас, ты поразительно человечен.

— Бывает, — отвечаю своим этим односложным «понимай, как знаешь».

— Платье? Ты серьезно? Да еще и для кого!

На это я просто удобнее разваливаюсь в кресле и протягиваю ноги поближе к камину.

Ситуация на самом деле нелепая, если не сказать — идиотская.

Вместо того, чтобы радоваться отсутствию мелкой герцогини на балу — ей там точно не место! — тащусь в салон к Сайферу и знатно трачусь на наряд и прочую женскую шелуху: туфельки, чулки, и целую гору чего-то еще, любовно упакованного в большие, средние и маленькие коробки из золоченого картона с шелковыми бантами.

— Эта девочка — часть какого-то твоего плана? — Химер бродит где-то позади меня — слышу, как гремит ящиками бесконечных шкафов у себя в кабинете, пока я грею ноги и наслаждаюсь возможностью отдохнуть от бабской суеты, которой Черный сад пропитан чуть более, чем полностью. — Или ты нашел в ней что-то более интересное?

— Ты о чем? — прикрываю глаза в надежде хоть ненадолго вздремнуть.

— Ну... — Сайфер тянет эти две буквы, словно последнее слово перед повешеньем.

Я его слишком хорошо знаю, чтобы не придать значения даже такой детали.

— Что еще? — Видимо, выспаться мне не судьба.

Полночи я провел около двери лекарской — как побитый пес караулил, пока старая лекарка соизволит явиться и сказать, что жизни Матильды больше ничего не угрожает.

Потом, злой на весь свет, битый час допрашивал гвардейцев, которые караулили ее комнату. В особенности того, с перевязанной рукой — Орви Маклина.

Пацан долго держался, но в конце концов пара крепких ругательств и мое коронное бешенство выбили из него дурь.

Так я узнал, что кто-то испортил всю одежду мелкой герцогини.

И что маркиза Виннистэр «забыла» отправить письмо в ее родовой замок, чтобы оттуда прислали

подобающий королевскому балу наряд. И что именно по этой причине герцогиня, вопреки запрету, покинула комнату.

Маркизу я оставил «на сладкое».

Хотя для нее, надеюсь, будет «приятным сюрпризом» узнать, что на королевский бал она никак не попадет, потому что срочные и неотложные дела будут требовать ее личного присутствия на другом конце Артании.

— Может скажешь уже, что за намеки? — повторяю вопрос, наслаждаясь тишиной и покоем.

— Обязательно должен быть какой-то подтекст? — фыркает химер и вкладывает мне в ладонь тяжелый серебряный кубок.

Открываю один глаз, рассматривая филигранные фигуры по внешней части серебра чаши — шипы, рога, кости.

Проклятый Хаос, откуда он в мелкой дряни?

Я сломал себе всю голову, пытаюсь найти хоть какое-то вразумительное объяснение тому, что видел, но тщетно. Мне оставалось либо признать, что я схожу с ума и вижу то, чего нет, или что мой великолепный ум не в силах одолеть эту загадку.

Своим глазам я доверяю, хотя предпочел бы потерять зрение, чем способность расковыривать истину, как бы глубоко она не была зарыта.

— Я знаю тебя... уже сколько? — Сайфер усаживается в соседнее кресло, мы, не глядя, чокаемся, и делаем по глотку.

Вино у него как всегда отменное — бодрит и разгоняет меланхолию. Главное, не забыть, с кем я пью, чтобы не проснуться утром в каком-нибудь борделе. Эвин не простит мне отсутствие на балу, а я не прощу себе, если не увижу мелкую заразу во всех тех шелках и лентах, за которые отвалил столько, сколько в жизни не тратил на себя самого.

Старею я что ли?

— Лет двадцать? — отвечаю наобум. Правда не помню, когда мы с этим рогатым познакомились.

— Восемнадцать, — поправляет химер. — Я помню, как умер Дарек.

Приоткрываю один глаз, разглядывая носки своих сапог.

Еще бы кто-то из нас забыл ту ночь.

Точно не я.

— Ты когда-нибудь думал, что ребенок Л'лализель однажды заявит права на престол?

— Ребенка нет, Сайфер, — чеканю каждое слово, и непредусмотрительно запиваю гадкое послевкусие прошлого парой жадных глотков.

Только что пил с удовольствием, а сейчас как будто мне успели подлить дешевую кислятину, которую разливают в ремесленных кварталах по медяку за бутылку.

— И, если тебе дороги твои драгоценные рога — ты больше не будешь произносить эту ересь вслух. А лучше даже не думай об этом, потому что Эвин рубил головы и за меньшее.

— Рэйвен, моя хмурая сладкая булочка, если бы мне была так уж дорога моя голова, я бы держался подальше от вашего с Эвином тандема, чтобы меня случайно не забрызгало кровью и грязью из-под вашей «суровой справедливости».

Если бы это сказал любой другой человек — я бы заставил его подавиться собственными словами, вместе с кулаком затолкав в глотку.

Но Сайферу можно многое.

В том числе и придумывать мне очередное идиотское прозвище.

— Кстати, — я не сопротивляюсь, когда химер подливает еще вина — напиваться так с улыбкой, а то я стал противным самому себе занудой, — я видел у тебя еще пару платьев. Таких, — показываю на неприлично глубокое декольте, — с пикантными фасонами.

Сайфер запрокидывает рогатую башку и громко смеется.

— Рэйв, мой сладкий пирожок, ты решил разориться на новы гардероб для самой богатой женщины страны? Я ничего не путаю?

— Пфффф, — фыркаю я. И тут же добавляю: — И еще то розовое обязательно.

У него такой волнующий разрез до бедра, что колени будут видны при каждом шаге.

Той девчонке с телеги оно бы очень пошло.

Глава шестьдесят пятая

Сиротка

— Что это? — я смотрю на вереницу одетых в пестрые шифоновые платья девушек, которые одна за другой заходят в мою комнату и складывают на пол коробки разных размеров, но перевязанные одинаковыми лентами.

Моя служанка как заведенная пожимает плечами.

Гвардейцы у двери молчат, как прибитые.

А гора коробок становится все больше с каждой минутой.

Проходит еще Плачущий знает сколько времени, прежде чем это шествие заканчивается, и к тому времени моя комната похожа на комнату богатенькой девицы, которая решила опустошить отцовский кошелек и скупила половину модных магазинов столицы.

После того случая с украшением, которое мне якобы прислал Эвин, притрагиваться хоть к чему-то я даже не рискую.

Так и торчу около двери, пытаюсь понять, что бы это могло означать.

Маркизу замучила совесть, и она решила отправить письмо в замок, чтобы мне прислали наряд? А настоящая герцогиня почувствовалась и решила заодно обновить мой гардероб? Которого, кстати говоря, больше нет.

— Ну должно же у этого изобилия быть хоть какое-то объяснение, — размышляю себе под нос, но неожиданно получаю ответ, от которого меня с ног до головы сперва окатывает яростью, а потом — непониманием.

— Это мои глубочайшие извинения по поводу того, что как Куратор этого Королевского отбора я не был достаточно... внимателен к безопасности гардероба моих подопечных.

Проклятый герцог!

Только... что у него с языком?

Он как будто заплетается?

— Пошла вон, — слышу приказ моей служанке.

Но, как только она делает шаг в сторону двери, тут же ее останавливаю:

— Эсми, пожалуйста, останься. Правила Отбора таковы, что во избежание слухов и сплетен, я бы предпочла не находиться наедине с мужчиной.

— А я сказал — пошла вон, — как насмехается герцог.

— Эсми, ты — моя горничная, — упрямо стою на своем, — и я говорю тебе остаться.

На бедняжку жалко смотреть — паника и ужас пятнами лежат на ее лице, и я чувствую себя гадко от того, что являюсь этому причиной, пусть и косвенной. Не стал бы проклятый герцог заниматься самоуправством — не пришлось бы и мне вести себя как... хозяйка.

И, Плачущий, что у него с речью?

Мне не хватает сил — да, чего уж там, и смелости тоже — чтобы оглянуться на него и своими глазами увидеть причину этой странной метаморфозы в голосе.

Но это и не нужно, потому что герцог обходит меня сзади и как ни в чем не бывало заваливается на кровать.

На бок, чтобы подпереть голову кулаком.

Челка немного непривычно свешивается вниз и я, кажется, впервые вижу его лицо полностью открытым, без резких теней, которые превращают его в дьявола во плоти.

Он... красивый.

Этот факт и сама мысль настигают меня настолько внезапно, что оторопело делаю шаг назад, завожу руку за спину и скрещиваю пальцы, чтобы отогнать злых духов. Не иначе тут парочка

резвится, потому что с чего бы вдруг мне считать этого монстра — красавцем?

— Что вы себе позволяете, милорд Куратор? — спрашиваю ледяным тоном и краем глаза замечаю, как моя горничная прикладывает ладонь ко рту.

Еще бы, приличной девице и не снилось, чтобы мужчина вот так запросто вваливался в комнату целомудренной девицы.

— Я желаю убедиться, что Ваша Светлость осталась довольна моей более чем щедрой моральной компенсацией за ее заплаканные глаза, — немного растягивая слова, говорит герцог, и продолжает убийственно пялиться на мою служанку.

Бедняжка все же пятится к двери, и я мысленно сдаюсь.

Похоже, в замке нет ни единой живой души, не считая меня и короля, кто бы мог противиться его воле. Даже мне, чего уж кривить душой, это дается слишком тяжело. А будь я в своем обычном монашеском одеянии — точно бы не выдержала ни один его взгляд или хотя бы жест.

— Не закрывай дверь, Эсми, — прошу свою горничную, и та, кивнув и наспех кое-как выполнив реверанс, как сквозняк вылетает из комнаты.

Нокс довольно хмыкает.

— Вас, милорд Куратор, я так же попрошу убраться вон, — говорю я, желая себе терпения в этой нелегкой битве.

Никак не могу взять в толк, что с ним не так, куда подевался суровый Палач короля и кто этот... странный тип. Так что на всякий случай отхожу еще дальше, делая вид, что на самом деле просто хочу держаться на расстоянии от горы коробок.

— Матильда, я желаю лицезреть выражение вашего лица, когда вы увидите, что внутри, — продолжает упрямиться герцог.

— Считаю своим долгом напомнить, что не так давно я уже получила в подарок одну вещицу, и это чуть не стоило мне жизни. Кстати говоря, милорд Куратор, разве не вам поручено заниматься расследованием покушения на мою жизнь? Так-то вы им заняты, я погляжу.

— Ты — зануда.

«А ты — существо без стыда и совести!» — мысленно выкрикиваю ему в лицо, а на деле продолжаю гнуть свое:

— Герцог, если вы полагаете, что с тех пор я поглупела и без оглядки открою любую принесенную незнамо кем и незнамо откуда коробку, то, вероятно, поглупели вы.

— Незнамо? — переспрашивает он. — Какое... неожиданное слово в лексиконе герцогини.

Я едва не поджимаю губы с досады.

Плачущий, мне не следует забывать, кто я, тем более, когда рядом находится человек, читающий меня будто книгу.

— Такое же неожиданное, как и ваши таланты в разведении огня в камине, и врачевании, — продолжает он, лениво поднимаясь на ноги.

Я понимаю, что лучше просто отмалчиваться, чтобы у него не было искушения развивать эту опасную тему. Но, кажется, у герцога другие планы, потому что слишком выразительно следит за моей реакцией.

— Если я открою одну коробку, вы, наконец, уберетесь? — иду на вынужденный компромисс.

Он как будто что-то подсчитывает в уме, а потом, к моему огромному облегчению, кивает.

И даже с дружелюбной улыбкой.

— Хорошо, маленькая герцогиня, только я сам выберу коробку.

— Не сомневаюсь что именно ту, содержимое которой наверняка меня убьет.

— Мое восхищение вашей пронизательностью поистине не знает границ, — плотоядно улыбается он, и берет одну из маленьких коробок, которые украшают вершину этой коробочной башни.

Таких тут много, они похожи друг на друга, как две капли воды и по крайней мере на первый взгляд

не имеют никаких видимых отличий. Может, в ней и нет ничего опасного?

Остается только изо всех сил в это верить, и молча принять коробку из рук герцога, стараясь ни за что на свете не прикоснуться к его пальцам. Он замечает мою поспешную неловкость и довольно ухмыляется.

Что же в этой проклятой коробочке, прости меня, Плачущий?!

Глава шестьдесят шестая

Очень хочется потянуть время, дать себе минутку, чтобы подготовиться к любым неожиданностям, но улыбка герцога становится слишком широкой и довольной.

Так что, собрав волю в кулак и с мыслью «Ну не убьет же он меня при стольких свидетелях?», решительно дергаю за ленту розового шелкового банта. Одна эта лента стоит больше, чем все мои монашеские платья, что уж тогда говорить о содержимом коробки? Там какая-то взрывная смесь вроде той, что разнесла половину алхимической мастерской?

Но, когда ленты опадают и крышка податливо сползает следом, ничего не происходит.

Я оторопело хмурюсь и только поэтому пропускаю момент, когда герцог наклоняется ко мне и, чинно заложив руки за спину, с неприкрытой издевкой интересуется:

— Матильда, признайтесь, вы испытываете разочарование, потому что оттуда не вырвался никакой... древний красный дракон?

От него пахнет терпким можжевеловым вином с вялеными сливами и пряностями.

Плачущий и все светлые заступники!

— Герцог, да вы пьяны! — возмущаюсь я, уже предчувствуя, какие сплетни поползут завтра же утром.

Мало того, что он снова заявился ко мне в комнату без сопровождения, так еще и изрядно выпивший!

— Вынужден вас огорчить, юная леди, но я не то, чтобы пьян — я надрался как скотина.

Я даже не знаю, как реагировать на это откровенное издевательство.

— Загляните наконец в эту чертову коробку, Матильда, — приказывает Нокс, — или я подумаю, что вы желаете лицезреть мою пьяную рожу весь вечер и всю ночь.

— Не льстите себе, милорд Куратор, ваша пьяная рожка вызывает у меня лишь чувство глубокой брезгливости. — Для наглядности обмахиваюсь рукой, чтобы разогнать его крепкое алкогольное дыхание.

Признаться, от него даже вином пахнет приятно, совсем не как от кузнецов, которых привозили в монастырь после деревенских ярмарок и Праздника урожая. От тех разило так, что монашенкам приходилось перевязывать носы и рты, а герцог...

Ох, Плачущий, почему этот мужчина даже напивается красиво?!

— Ваша брезгливость в адрес моей персоны заставляет меня чувствовать себя глубоко оскорбленным, — хохочет Нокс и косит взглядом в коробку.

Я следую его немому приказу, но не сразу понимаю, что там внутри.

Похоже на нежно-розовые, чуть розовее белого, кружева и тонкие ленты с маленькими жемчужинками. Это, пока ещё не понятно что, выглядит настолько нежным и невесомым, что страшно дотрагиваться, чтобы случайно не испортить или не испачкать. Но все-таки аккуратно подхватывай кружево двумя пальцами.

Тяну.

Герцог вынимает коробку из моих пальцев, пока я кручу розовое облачко, пытаюсь понять, что это может быть.

А когда понимаю, меня неумолимо заливают краской стыда сразу всю, словно окатили из ведра с ног до головы.

Это подвязка.

Та, которую я однажды видела на маркизе, когда она надевала одно из своих вульгарных, то есть, страшно модных платьев с глубоким разрезом чуть не до самого срамного места.

Я изо всех сил втягиваю губы в рот, пытаюсь не закричать и не выдать в себе деревенщину.

Это же пошло!

Как мужчина вообще мог подарить... такое... женщине, не будучи ее законным мужем?!

— Вам не нравится, Матильда? — издевается Нокс. — Мне оказалось, что она прекрасно украсит одну из ваших великолепных ножек.

Злость закипает во мне вслед за стыдом.

Плевать, если после этого король лично прикажет меня вздёрнуть.

Плевать, если прямо сейчас герцог собственноручно придушит.

Я сжимаю проклятую подвязку и яростно, со всей силы, хлещу Нокса по щекам.

— Вы! — Удар. — Мне! — Удар. — Омерзительны!

Герцог ловко, словно только прикидывается пьяным, уворачивается и перехватывает мою руку. А потом вторую, когда пытаюсь срезать кулаком ему в глаз.

— Вы единственная женщина, которая столько раз безнаказанно прикладывалась к моим щекам, — скалитесь вы, — но лучше не злоупотребляйте этим, хоть ради удовольствия видеть ваш горящий взгляд, я, пожалуй, готов еще немного потерпеть.

Стыд и унижение глушат мой голос разума.

Ненавижу его!

Как он посмел даже допустить мысль, что я... что мне...!

— Разве привилегия хлестать вас по роже не принадлежит вашей невесте, Нокс?! — взрываюсь я. Злость, досада, идиотское положение и те мысли, что я однажды неосмотрительно допустила в его адрес, заставляют чувствовать себя круглой душой. — Вы ошиблись подарком, Ваша Светлость! И женщиной!

На мгновение он сначала удивленно вскидывает брови, а потом отпускает мои запястья.

Я борюсь с искушением врезать ему еще раз, но в конечном счете отступаю, и подвязка сама выпадает из моих ослабевших пальцев.

— Полагаю, бессмысленно спрашивать, откуда у вас эти... гмм... сведения, — говорит Нокс, задумчиво потирая нижнюю губу. — Что знает одна женщина — знает весь мир.

— Жаль, что я не узнала об этом до того, как позволила вам притронуться ко мне своими... — Хочется сказать какую-то грубость, но страх снова попасть впросак со словами, неподобающими лексикону благородной леди, заставляет проглотить колкость. — И я, конечно, очень благодарна, милорд Куратор, что вы, имея законную и счастливо здравствующую невесту, имели смелость меня компрометировать.

Я делаю все, чтобы мое «очень благодарна» звучало как самая ядовитая издевка в мире.

— Полагаю, — он молчит, и я продолжаю свой монолог оскорбленной женщины, — правильнее всего будет переслать все эти коробки вашей невесте, милорд герцог. Я, поверьте, в состоянии обойтись без ваших... подачек.

— Все сказала? — Он снова без перехода на «ты», и почему-то это неформальное «тыканье» звучит слишком интимно, чтобы мне не хотелось снова врезать ему по физиономии. — Потому что, если это не весь поток глупостей, которые способен родить твой странно работающий мозг, я, так и быть, сделаю исключение и дослушаю до конца. Но, пожалуйста, не будь банальна — тебе это не идет.

Я делаю шаг назад, стараясь держаться подальше от «даров».

Это самая нелепая и досадная ситуация, в которую только можно попасть. С одной стороны, если там действительно платя, мне есть в чем пойти на Королевский бал и, возможно, выиграть право первого танца. От одной мысли о скисших лицах Фаворитки и маркизы Виннистер, прости меня Плачущий, на душе тепло и отраднo. А с другой — как я могу принять от этого... лжеца, хотя бы носовой платок, хотя бы нитку?!

— Я последний раз напоминаю вам, милорд Куратор, что к девушке моего положения следует обращаться по всем правилам этикета, и если вы отчего-то взяли в голову, что можете хватать меня, когда вздумается, оскорблять вульгарными намеками и унижать крестьянским обращением, то имейте так же ввиду, что, если вы не прекратите, я буду вынуждена пожаловаться Его Величеству. Иного способа защитить свою честь от ваших нападок, я не вижу.

Нокс перестает улыбаться.

Совсем перестает, и налет мальчишеской бесшабашности сползает с его лица, словно пришедшая в негодность маска. Он снова тот самый сухой и черствый Палач короля, от которого следует держаться подальше, а дочери предателя короны — тем более.

Он немного прищуривается, скрещивает руки на груди и от того, какими широкими становятся его плечи, у меня чуть сильнее бьется сердце.

Это... ерунда.

Даже не симпатия.

Просто, каким бы подлецом и негодяем не был Нокс, нельзя не признать, что он действительно дьявольски хорош собой.

Ох, Плачущий, прости меня за эти неподобающие мысли!

— Как вам будет угодно, юная леди, — чеканит он, и от этого голоса мурашки по коже. — Но, если вы позволите, прежде чем уйти, я все же дам вам пару наставлений, в коих вы, конечно же, не нуждаетесь, потому что одному Хаосу известно, что творится в вашей хорошенькой головке. У вас есть два выхода: изображать гордючку и провести вечер в комнате на радость вашим злопыхателям, или принять мою омерзительную помощь и утереть всем нос. Честно говоря, не представляю, чтобы герцогиня Лу'На выбрала второй вариант. Хотя, — он окидывает меня рассеянным взглядом, — в последнее время я все чаще ловлю себя на мысли, что противоречия в вашем характере заслуживают моего самого пристального внимания. Хорошего вам вечера, герцогиня.

Он подчеркнуто официально кивает и уходит, оставив мне ворох мыслей и сомнений.

Глава шестьдесят седьмая

Когда стрелки часов сползаю к времени начала бала, я издаю глубокий вздох и с тоской гляжу, как большая, украшенная эмалью бронзовая стрелка медленно отклоняется вправо.

Бал начался.

Конечно, он проходит во дворце, и все девушки давно отправились туда через специально подготовленные Врата, но мне все больше кажется, что я слышу и грохот музыки, и шорох пышных платьев, и перестук каблучков.

Наверное, в Темном саду не осталось ни одной живой души — даже слуги украдкой сбежали, чтобы поглазеть в запотевшие окна на красоту и лоск светской жизни.

Но стоит об этом подумать, как кто-то украдкой скребется в мою дверь и я, почти уверенная, что это Орви, тоскливо отвечаю предложением войти.

Эсми просачивается в комнату, словно воровка.

Смотрит на меня, а потом на гору коробок, к которым я так и не притронулась.

— Миледи, да как же так? — Она часто моргает и нервно теребит край накрахмаленного до хруста форменного передника. — Как же без вас-то?

Я пожимаю плечами.

Это самая нелепая и дурацкая ситуация, которая только могла со мной случиться.

Сейчас даже кажется, что та проклятая ночь, когда я столкнулась с как две капли воды похожей на меня герцогиней Лу'На, не была и близко такой ужасной, как то, что происходит сейчас. Тогда по крайней мере можно было все списать на очень странную шутку богов, а сейчас пенять не на кого.

— Можно я... — Эсми потихоньку подступает к «башне». — Ну... хоть одним глазком поглядеть...

Я снова передергиваю плечами.

После подвязки, которую Нокс самонадеянно попытался мне всучить, не сомневаюсь, что во всех этих коробках что-то пошлое, вульгарное и совершенно... омерзительное.

Будь оно неладно, прилипчивое слово!

Горничная берет ту, что лежит в самом низу, быстро распускает шелковый бант и снимает крышку.

— Светлые боги... — слышу его тихий почти благоговейный шепотом.

А потом она вынимает оттуда пару туфель.

И у меня непроизвольно сводит в груди, потому что это... что-то невероятное.

Они как будто созданы из хрусталя — пара маленьких туфелек на высоких острых, как иглы каблучках, украшенные серебром и цветами. Я только успеваю подумать, что они как будто живые, когда Эсми, притронувшись к лепестку пальцами, вскрикивает:

— Да они живые, миледи! Богами клянусь — пахнут даже!

Я проглатываю искушение попробовать самой.

Хрустальные туфельки, герцог?

Так вообще бывает?!

Эсми вынимает из коробки бархатную подушку, с величайшей осторожностью ставит их сверху, и хватается за коробку побольше.

На этот раз мое терпение сдает до того, как она справиться с лентами.

Успеваю отобрать коробку, дернуть крышку и...

Пенное, невесомое светло-розовое облако буквально льнет к моим рукам.

Оно все тянется и тянется наружу, пока не свисает с моей руки длинными пышным шлейфом, расшитым тончайшим шелком того же цвета.

Это, конечно же, платье.

И когда я, становясь напротив зеркала, прикладываю его к себе, сердце пропускает удар.

Оно не пошлое и не вульгарное.

Оно... лучше чем все, что существует в этом мире.

— Миледи! — Эсми всплескивает руками и ее полный восторга взгляд красноречиво говорит, что все это мне подойдет. — Да что ж это такое-то! Такая красота! Вы всех этих...других леди за пояс заткнете! Я уж видела, во что она вырядлись — как курицы! Не то, что вы!

Она тут же округляет глаза, видимо испугавших своих высказываний в порыве чувств, и залепляет рот для верности сразу двумя ладонями. Только часто-часто моргает, видимо ожидая какой-то моей реакции.

Я не знаю, что делала бы настоящая герцогиня — возможно, среди благородных леди и существует порядок, предписывающий отчитывать служанок за неподобающие высказывания в адрес других благородных леди, но я-то не настоящая герцогиня.

Так что просто с улыбкой прижимаю палец к губам, давая понять, что ее слова дальше этой комнаты не выйдут.

— Миледи, я вам и прическу сделаю! — громким шепотом говорит Эсми, глядя на меня с немой мольбой. — Ваше Величество глаз не оторвет!

Я снова поворачиваюсь к зеркалу, медленно делая пару заученных танцевальных па, немного шевеля юбкой, как будто уже в бальной комнате и кружусь в ритме вальса.

И как назло в голове снова и снова слова герцога — можно сдать и потом слушать шепот в спину, как меня обошли даже те, кто плетется в самом конце эстафеты, а можно взять этот шанс.

По крайней мере, это будет честная борьба против чьих-то попыток нечестных вышвырнуть меня из игры.

Я решительно усаживаюсь на пуф перед зеркалом.

— Эсми, поможешь мне с прической и переодеванием?

Она тут же вскакивает и хватается сразу за все расчески и щетки.

— Ох, миледи, вы там всех затмите!

Глава шестьдесят восьмая

Герцог

Если бы не проклятый статус Куратора и личное требование Эвина, я бы лучше сдох, чем хоть ногой появился на балу.

Но приходится соответствовать, и даже по случаю натянуть парадный черный мундир, правда, без всех регалий, хоть Эвин это крайне не одобряет. Считает, что его солдаты и генералы, а тем более верный цепной пес, должны быть ходячим напоминанием того, что Корона ценит старания своих преданных слуг.

В галерее над танцевальным залом достаточно темных углов, чтобы я мог наблюдать за всем о стороны, при этом не обнаруживая себя. Мое любимое времяпрепровождение — быть серым кардиналом, наблюдать за людишками, пока они думают, что никто не видит, как они кривят носы, морщат лбы или бледнеют. Пока они свято верят, что их взгляды, шепот или обмен записками — тайна за семью печатями.

Не будет преувеличением сказать, что вот так, просто наблюдая, я вскрыл много гниющих наростов на теле Артании. И сберег Эвину время, силы и ресурсы, вовремя обезглавив парочку заговоров.

При мысли о заговорах, в голове снова вертится образ мелкой герцогини.

Она как будто заключила сделку с Хаосом, и тот организовал для нее свое маленькое пространство у меня в голове, и Матильда является туда, когда вздумается, совершенно наплевав на мои попытки выставить ее вон.

Матильда.

Я мысленно повторяю ее имя снова и снова, и каждый раз это словно пить из запретного источника.

Совершенно очевидно, что сколько бы я не пытался сделать вид, что мне плевать на ее будущее, это не так. Иначе стал бы я тратиться на платья, тряпки, украшения и чулки, чтобы она не сидела затворницей, а блеснула на балу, как самый прекрасный бриллиант?

Если она действительно плетет заговор с Лордами Летающих остров и при этом заключила сделку с Хаосом, то Эвин будет совершенно прав, если собственной рукой открутит мне башку за то, что именно я способствую ее продвижению в этом Отборе.

Я отхлебываю из кубка, почти не чувствуя вкус вина. После «особенного напитка» Сайфера любой алкоголь надолго теряет вкус и силу, поэтому я редко принимаю его угощения.

Ну и еще потому, что я шел к Матильде отнюдь не для того, чтобы пользоваться на ее счастливое личико, когда она будет вскрывать коробки.

Темная часть меня, изголодавшаяся по теплу и нежности, вышла из-под контроля.

И хорошо, что девчонка отхлестала меня по роже, потому что в ту минуту я уже почти не мог себя контролировать.

Но, Бездна задери, я бы отдал все, чтобы посмотреть, как она будет надевать подвязку, выше и выше, от колена до бедра, медленно задирая платье, обнажая ножки с круглыми девичьими коленями, усыпанными веснушками.

Мои мысли перебивает неприятно знакомый стук каблуков, и я инстинктивно втягиваю носом воздух, в котором отчетливо слышу оглушающе тяжелые ноты ванили.

Ивлин не была бы самой собой, если бы не нашла меня даже здесь.

Все же, всему что она умеет, ее научил я.

И, даже если это неприятно признавать, пока я ее учил, кое-что она успела обо мне узнать. Например, что на светских раутах меня не стоит искать в толпе.

— Рэйвен, ты как летучая — всегда там, где темно, сыро и холодно.

Я слышу фыркающий звук, мысленно желаю себе все терпение мира и поворачиваюсь.

Со времен нашей последней встречи она ничуть не изменилась.

Такая же образцово-показательная красота.

Был бы я моложе, я бы пускал слюни и на этот томный взгляд из-под подкрученных ресниц, и на эту почти целомудренную улыбку.

Но, увы для нее, все это она научилась делать только благодаря мне, и только потому, что очень хотела заполучить место в дипломатическом корпусе.

— Хорошо выглядишь, Ивлин, — говорю я и отворачиваюсь обратно лицом к залу.

Неужели герцогине не хватит смелости?

Досада противно горчит на языке, и я даже не брыкаюсь, когда Ивлин подступает ближе и по-хозяйски берет меня под локоть. Но все же увожу плечо, когда пытается положить на него голову.

— Оставь эти телячьи нежности, Ив, — говорю сухо. — Ты же знаешь, что со мной эти ужимки не работают.

— Может, я просто соскучилась, — корчит капризный тон, но на меня это и раньше никогда не действовало, а теперь, когда голова занята другой — тем более. — Я слышала, у тебя снова проблемы. Ума не приложу, почему бы просто не скрутить девчонку и не заставить ее замолчать.

— Воображаешь, будто я собираюсь делиться с тобой своими планами? — спрашиваю я, хоть на самом деле мне вообще не интересен ее ответ.

— Его Величество за тем меня и пригласил, Рэйвен. Мы будем отличной командой. Надеюсь, — ее пальцы выразительно царапают внутренность моего предплечья даже через одежду, — не только как верные слуги Короны, но и как люди, которым давно пора дать брачные клятвы.

Мне тяжело сдержать смешок в ответ на ее слова о брачных клятвах.

Это как будто сказать безногому, что он засиделся и пора бы начать ходить, просто потому, что уже пора.

Ивлин как всегда фыркает.

Она никогда не поймет, что некоторые ее желания никогда не исполнятся не потому, что она прикладывает к этому мало усилий, а потому что ее желания — бред сивого мерина.

К счастью, хоть от руки ее избавляться не приходится — она убирает ее сама, демонстративно отодвигаясь на расстояние нескольких шагов.

— Ты нарочно делаешь мне больно, каждый раз показывая, как мало я для тебя значу? — Она видимо еще не решила, стоит ли в этой ситуации расплакаться или закатить скандал, поэтому в ее голосе звучит неприятная фальшивая нота. — Что бы я не делала, как бы снисходительно не относилась к твоим... похождениям, ты все равно лучше будешь торчать среди выводка тупоголовых девок, чем свяжешь себя узами с самой достойной, но, конечно, единственной.

— Насчет самой достойной я бы поспорил, — говорю без намека на шутку.

— Никогда не перестану удивляться глубине твоего воспитания, Рэйвен. — Она кривит губы, и я снова вспоминаю тот день, когда позволил втянуть себя в аферу под названием «помолвка».

— Ив, меня подводит память или это ты умоляла меня стать твоим «фиктивным женихом», чтобы маркиз Альборо перестал трясти вокруг тебя своими старыми сединами?

— С тех пор мы множество раз нарушили все, что было «фиктивным»!

Нужно отдать ей должное — за словом в карман не лезет. Ну, почти никогда.

— И... кажется, ты не была против того, что мы немного отошли от протокола, — улыбаюсь в ответ, вспоминая, не без удовольствия, пару особенно пикантных «нарушений».

— Немного?! — Она краснеет, моментально вспыхивая, как спичка. — Тот месяц... И та неделя... Да как ты...!

Когда Ивлин злится, ее лицо похоже на испорченный фрукт, который на ветке смотрится вполне созревшим, но стоит тронуть пальцами — и там оказывается какая-то очень печальная мягкая, перезревшая и даже местами подгнившая сердцевина.

В отличие от злого личика Матильды, которое как будто подсвечивается изнутри.

Некстати вспоминаю с каким выражением лица она хлестала меня подвязкой по роже, и испытываю острое желание вернуться в Черный сад, отыскать ее комнату и зубами стащить с нее

каждый чертов предмет туалета. Все, до последней нитки.

Возможно, это станет лучшим приключением в моей жизни? И гори все адским пламенем?

Желание воплотить эту мету так велико, что я бросаю всякие попытки ему сопротивляться.

И даже не оглядываюсь на Ивлин, когда она что-то громко кричит мне вслед.

У меня даже есть повод заявиться к мелкой заразе — как минимум отчитать за то, что пренебрегает королевским приглашением без видимой причины. Ведь теперь у нее точно есть в чем пойти.

И, в конце концов, это она первая попыталась меня поцеловать.

А я как дурак...

Я останавливаюсь в широкой, украшенной дурацкими цветами арке, потому что главная дверь в танцевальный зал распахивается, и двое лакеев галантно кланяются в пояс, пропуская только что прибывшую гостью.

Мой нос жадно втягивает звонкий, но совершенно ненавязчивый аромат цветов — легкий, неуловимый, как утренняя роса под ярким солнцем.

А потом взгляд очерчивает фигуру в нежном розовом платье.

Тонкие белоснежные плечи, изящные руки, талия, какой, кажется, просто не может существовать в природе у реальной женщины — разве что у феи из детской сказки.

Светлые волосы тяжелыми волнами по плечам и спине, украшены живыми цветами.

Все явились с катакомбами на голове, но эта девушка — она как будто решила посрамить теперешнюю моду... и та, я уверен, сейчас кусает локти.

Оркестр стихает, скрипки и виолончели одна за другой нескладно обрывают мелодию.

И во внезапной тишине слышны лишь аккуратные, но уверенные шаги.

Поступь хрустальных каблучков по начищенному, как зеркало, мрамору.

Матильда Лу'На все-таки приехала.

И все то, что я выбрал для нее как будто с самого начала было создано именно для нее!

Может, проклятый химер снова раскидывает свои любимые гадательные пуговицы, потому что это платье как нарочно торчало у меня на перед носом, готовое и прекрасное — я пришел именно за ним, а остальные тряпки просто взял в нагрузку, вдруг вспомнив, что женщины падки на мужскую щедрость.

И чем больше я об этом думаю, тем сильнее убеждаюсь, что какие-то высшие силы явно выбрали меня пешкой в своей игре, потому что это все слишком правильно, чтобы быть просто совпадением.

Это платье принадлежало Матильде задолго до того, как я его купил — теперь это совершенно очевидно.

Как и то, что с ее появлением в танцевальном зале не остается девушки красивее.

И мне приходится отступить обратно в тень, потому что Эвин, стряхнув с себя внимание Вероники Мор, уже направляет шаги в сторону Матильды.

Уверенные шаги мужчины, который уже выбрал женщину для главного события вечера.

Тьма и злость обволакивают меня изнутри, когда они останавливаются друг напротив друга, и долго молчат, как нарочно разогревая любопытство в присутствующих.

«Он ее не выберет, — шипит мой внутренний голос, — иначе это станет слишком большим скандалом».

Ее отец желал свергнуть Эвина с престола и если бы не моя бдительность, герцог Лу'На воплотил бы свой замысел.

А теперь его дочь сама замешана в какой-то темной истории с теми, кто не прочь подбить стул под Артанией.

Эвин не может игнорировать очевидные факты.

Он просто поздоровается с ней, скажет пару комплиментов — и пойдет окучивать Веронику Мор.

И тогда Матильда достанется мне.

Правда, я еще не решил, для чего, но подумать об этом никогда не рано и никогда не поздно.

Нарисованный сценарий такой «живой», что я не сразу понимаю, почему Эвин, вместо того, чтобы откланяться, с поклоном протягивает девчонке руку.

Не понимаю, почему она осторожно вкладывает тонкие пальцы в его раскрытую ладонь.

Не понимаю даже когда распорядитель бала прикрикивает на музыкантов, и высокий голос скрипки открывает Первый вальс.

Они слишком близко друг к другу.

Ее рука у него на плече, его ладонь — у нее на талии.

Такой тонкой талии, что я бы смог сжать ее двумя ладонями почти не прилагая усилий.

И когда они слаженно, как будто тренировались тайно ото всех, делают первое па, моя голова медленно остывает, а сердце наполняется ядом... ревности?

— Может, хотя бы на танец меня пригласишь? — обиженно просит Ивлин.

Танцевальное пространство уже заполняется другими парами.

И я, не глядя, хватаю Ивлин за руку и вытаскиваю в центр зала.

Глава шестьдесят девятая

Сиротка

— Матильда, вам нужно просто перестать заботиться о мнении окружающих, — подбадривает Его Величество, когда мы делаем первый танцевальный круг и остальные пары понемногу выходят на площадку.

Такие традиции — пока король со своей спутницей не сделает «круг почета», вельможи не смеют вторгаться на эту территорию. Настоящая герцогиня несколько раз повторила мне это, когда мы проходили очередной урок этикета, и твердила, что Эвин очень не любит, когда кто-то посягает на его территорию.

Тогда мне это казалось проявлением обычного монаршеского самодурства, о котором я успела прочесть в книгах и хрониках, но, вспоминая рассказанную химером «страшную тайну», я теперь на многое смотрю под другим углом.

Наверное, любой человек, даже такой сильный и веренный реформатор как Эвин Скай-Ринг, чувствовал бы себя неуверенно, правя огромным государством почти что на птичьих правах.

Я быстро гоню от себя эти мысли.

— Вы затмили всех, — продолжает сыпать комплименты Его Величество.

Мне остается лишь мило улыбаться, потому что во всем этом платье, и украшениях, и даже в туфлях, которые как будто сшиты в точности по моей мерке, я чувствую себя... странно. И вовсе не потому, что не умею это носить. Напротив, как бы странно это не звучало, но какая-то часть меня словно только и ждала момента, чтобы проявиться и сегодня у нее триумф. Или, вернее будет сказать, эта часть ждала подходящее платье.

Дело в другом.

Я должна быть благодарна Ноксу.

Если бы не он — я бы так и торчала в комнате, подтирая сопли и сожалея о вселенской несправедливости.

Когда несколько минут назад я шла по длинному коридору, в моей голове сложилась дурацкая картинка первого танца.

Но не с королем.

С герцогом.

Мне так хотелось, чтобы именно он оказался за распахнутыми дверьми, что я не сразу поняла, почему же Нокса там нет. Несколько мгновений шарила взглядом по залу, пока не осознала — герцог может быть где угодно, но моя персона его вряд ли интересует. Иначе, почему он не ждет хотя бы где-то в стороне? Почему не смотрит на меня своим насмешливым взглядом, всем видом давая понять, что я поступила именно так, как он и предполагал.

И десятки восхищенных мужских взглядов не способны заглушить злую досаду.

Ну конечно, что ему предательница короны, он ведь просто исполнял свой долг! И всего его «восхищения» хватает лишь чтобы делать пошлые намеки с подвязками, а выйти и открыто пригласить на танец — нет уж, лучше удавиться!

— Полагаю, теперь леди Мор никогда меня не простит, — зачем-то говорю я, когда случайно выхватываю из толпы ядовитый, полный ненависти взгляд Фаворитки. — Придется просить у Вашего Величества дополнительную охрану.

— Я дам вам своего лучшего сторожевого зверодава, Матильда! — Эвин звонко смеется, притягивая к нашей паре абсолютно все внимание. — Не хочу, чтобы бессонные ночи лишили меня удовольствия наслаждаться вашей умопомрачительной улыбкой!

— Это было не слишком громко, Ваше Величество? — чувствую себя немного неловко.

Вместо ответа король надавливает ладонью мне на поясницу, заставляя прогнуться назад, кружит — и снова притягивает к себе, на этот раз так плотно, что я чувствую себя буквально растянута на нем, словно на дыбе.

Дыхание сбивается, потому что в ответ на мой немой вопрос, Эвин пристально заглядывает мне в

глаза и говорит:

— Матильда, мне абсолютно плевать, кто и что услышит, потому что сейчас я танцую с самой красивой женщиной Артании, и планирую не отпускать вас от себя до конца бала.

Любая женщина, получив такие лестные комплименты от красивого мужчины, потеряла бы голову. Тем более, если этот красавец — король!

И мне, конечно, они тоже кружат голову.

Настолько, что я почти забываю о проклятом герцоге.

Почти, потому что когда мы с Эвином делаем еще один круг по залу, мой взгляд цепляется за знакомую широкую спину, ровную, как вколоченный в дерево гвоздь!

Поворот, два шага вправо, па.

Наши пары неумолимо сближаются.

Еще один поворот — и мы сталкиваемся взглядами, как дуэлянты на гравюрах старых книг.

С кем он танцует?

Пальцы женщины, вопреки этикету танца, лежат у него на шее, а не на плече.

Она как будто пытается наклонить его голову к своему лицу.

И пока Нокс сопротивляется — или мне так лишь кажется? — он даже не смотрит в мою сторону.

— Ты придешь в мою спальню, Рэйвен? — слышу ее едва ли скрываемый громкий шепот.

Мои щеки вспыхивают.

Плачущий, прости, что в эту минуту я думаю о столь... негуманных вещах!

— С вами все в порядке, Матильда? — участливо интересуется Эвин, когда ритмом танца нас снова уносит в другой конец зала. — Вы побледнели.

«Побледнела? А чувствую себя грешницей на костре!»

— Мне немного... нездоровится, — на ходу сочиняю я. — Кажется, моя горничная переусердствовала, пытаюсь сделать меня красавицей в глазах Вашего Величества, и слишком туго затянула корсет.

— Могу вас уверить, что корсет и толщина вашей талии никак не могут повлиять на мое искреннее восхищение от вашего сегодняшнего... гмм... вида. — Эвин делает едва заметный небрежный жест рукой — и музыка мгновенно стихает. — Я мог бы поклясться, что этот наряд сшит мастером Соулом, если бы не был уверен, что этот химер никогда и ничего не делает просто так. Точнее говоря — он готов что-то делать только если попросит мой верный Нокс. Но, полагаю, — король снова от души смеется, — было бы слишком, если бы герцог покушал вам наряды.

Что именно король имеет в виду под этим «слишком» мне даже страшно подумать. Но даже совершенно неопытная в отношениях монашенка вроде меня в состоянии понять, что покупка платья женщине — не говоря уже о более пикантных предметах туалета — это очень личное, если не сказать — интимное.

Герцог вполне мог бы поручить эти заботы кому-то из своих помощников, раз уж маркиза играет в какую-то свою игру и ей нельзя доверять.

— Меня так и подмывает спросить, как и чем вы подкупили этого рогатого пройдоху, — не унимается Эвин, и меня накрывает внезапный озноб.

А что если он все знает?

Что если это просто такая проверка, испытание правдой — скажу ли я, осмелюсь ли?

— Ваше Величество, позвольте рассыпаться в комплиментах по поводу всего этого великолепия! — слышу за спиной немного хриплый, как будто говорящий в нос женский голос.

В памяти всплывает сказанное им же: «Ты придешь в мою спальню, Рэйвен?» и я с трудом проглатываю желание «случайно» что-то выплеснуть через плечо. Кубок с вином на красиво сервированном столике как раз кстати, как нарочно оставлен здесь Высшими силами, чтобы проверить мое терпение.

Спасибо, Плачущий, что даже в такой момент напоминаешь о смирении!

С другой стороны — появление невесты Нокса очень кстати, потому что король переключает свое внимание и неудобный разговор о платье отходит на второй план.

— Леди Рашбур! — В голосе Его Величества вежливое восхищение. — Прекрасно выглядите! Впрочем, как обычно. Завидую Ноксу! Этот старый черт лишил всех холостяков королевства права посягать на ваше сердце!

— Ваше Величество как всегда галантен, — кокетничает она, и мне все больше кажется, что выплеснуть вино — не такая уж плохая идея.

Не повесят же меня, в конце концов, за испорченное платье и прическу драгоценной герцогской драгоценной невесты?

— Кстати, леди Рашбур, позвольте представить вам мою спутницу — герцогиню Матильду Лу'На!

Я не успеваю придумать, улыбаться мне или хранить сдержанную серьезность, потому что слишком быстро поворачиваюсь и изображаю вежливый кивок.

— Герцогиня, это — графиня Ивлин Рашбур, чрезвычайный дипломатический посланник и важный болтик в системе государственной машины.

Графиня, явно нехотя, делает глубокий реверанс — я выше ее по статусу, моя родословная — выше, моя кровь — чище, и я могу утешиться хотя бы тем, что мне не придется заискивающе смотреть ей в глаза и вилять хвостиком, изображая послушного домашнего любимца.

В груди опять горячо, и я с паникой бросаю взгляд на руку, потому что кожа болит и покалывает, как будто сквозь нее снова прорезаются шипы и кости.

Ничего нет и я, растерявшись, позволяю себе вздох облегчения, который графиня почему-то принимает на свой счет.

— Герцогиня, вам не стоит так сильно переживать из-за меня, — хищно улыбается она, щупая взглядом буквально каждый шов и каждую пуговицу на моем наряде, — сегодня я здесь неофициально, и не буду интересоваться, каким образом герцог Лу'На смог найти контакты с самыми... одиозными личностями Летающих островов.

— Этот разговор определенно не к месту и не ко времени, — довольно сухо обрубают король, и я смотрю на него с благодарностью. — Графиня, мне кажется или бедолага Нокс уже заскучал без вашего прекрасного общества?

Я запрещаю себе даже смотреть в ту сторону, где — я чувствую это щекой — герцог уже несколько минут до неприличия пристально тычет в меня злым взглядом.

Его для меня больше не существует, а завтра, когда все уляжется, я найду способ написать герцогине, объясню ситуацию и, уверена, мы будем солидарны в том, чтобы вернуть герцогу каждый потраченный золотой.

Глава семидесятая

Герцог

Матильда несколько раз еле заметно дергает подбородком в мою сторону.

Ее с трудом сдерживаемое желание посмотреть на меня настолько очевидно, что позволяю себе удовольствие любоваться им почти пристально, в упор, не особо заботясь о том, как это будет выглядеть со стороны. В крайнем случае, если Эвин решит поинтересоваться причиной моего неусыпного внимания, напомню ему, что даже в красивых розовых шелках, Матильда Лу'На по-прежнему остается дочерью предателя короны. Которая, кстати говоря, еще и сама непонятно в чем замешана.

Эта мысль должна меня злить, но нет.

Если герцогиня и правда вляпалась во что-то, свила вокруг Эвина новый, достойным гниющего папаши заговор, это сразу снимет кучу вопросов. Например, совершенно точно, король не будет увиваться вокруг нее, как потерявший голову подросток.

И тогда у меня в руках будут все возможности.

Почему-то мысль о том, как эти белоснежные тонкие руки будут скованны тяжелыми цепями, а на шейке будет болтаться массивный ошейник, заставляет меня переступить с ноги на ногу и, от греха, снова шагнуть в тень.

На этот раз — окольными путями, в дальний заброшенный угол сада, где я люблю коротать время со стаканчиком можжевелевого вина.

Но, увы, и здесь меня находят.

Хорошо, что только Эвин, а не Ив, потому что, видят боги, эта женщина всего за полчаса исчерпала весь отведенный на нее годовой запас моего терпения.

— Не боишься, что пока ты здесь, кто-то уведет твою ненаглядную красоту? — не могу не уколоть его почти дружеской шуткой.

Король присаживается на край каменных перил разваленной беседки, срывает какую-то соломинку их большого мраморного вазона и задумчиво сует ее в рот.

— Не знал бы я тебя так хорошо, — говорит с насмешкой, — решил бы, что ты ревнуешь.

Остается лишь поддержать его понимающей усмешкой с толикой иронии.

И молить богов, которые обычно глухи к просьбам старого грешника, чтобы дали мне терпения не изойти на желчь.

Потому что, видят Всевышние, я действительно ревную.

И едва ли готов размышлять над природой этой ревности.

Точно не когда Эвин явно собирается с силами, чтобы выдать очередную свою блестящую идею.

Надеюсь, это будет касаться моей «невесты», потому что чем скорее Ив исчезнет из поля моего зрения, тем лучше. Я слишком стар, чтобы тратить нервы и время на неподходящих женщин, в особенности, когда мысль об Матильде в цепях так... лихорадочно волнует.

— Я хочу, чтобы ты ускорился. — Эвин переходит на жесткий тон правителя Артании.

И так я понимаю, что это будет не разговор двух друзей, но беседа хозяина будущей Великой Империи и его верного цепного пса.

— В чем именно вы желаете получить максимально возможный результат, Ваше Величество? — перестаю изображать просто Рэйвена, и вспоминаю, что даже если с меня содрать кожу, я все равно буду инквизитором и карающей справедливостью всех врагов Артании.

— Разберись с заговором, если такой действительно существует. — Эвин прищуривается, перекатывает соломинку в другой уголок рта.

— Если...? — подвешиваю сам собой напрашивающийся вопрос.

— Просто избавь меня от неведения, Нокс, — отмахивается Его Величество. — Я дал тебе Ивлин — пользуйся ею по своему усмотрению, но вытяни все, что получится. И что не получится — тоже. Я

хочу быть абсолютно уверен, что Матильда чиста и все эти... странности, — он морщит лоб, — никак с ней не связаны.

Мне не нравится эта его странная решительность.

— Ни за что не поверю, что всему виной хорошенькое платье на милой девице, — позволяю себе каплю ядовитого сомнения.

Лицо Эвина многозначительно говорит о том, что я прав в своих догадках.

Впрочем, как всегда.

Интуиция — мое второе имя.

— Хочешь избавиться от девчонки? — предугадываю его просьбу, уже предвкушая тот проклятый ошейник на белой коже.

Эвин непонимающе приподнимает брови.

И за мгновение до того, как я понимаю, что моя интуиция впервые в жизни дала сбой, говорит:

— Я собираюсь сделать ее своей королевой, Нокс. И хочу убедиться, что она чиста, и ляжет в мою постель без ножа за спиной.

Матильда в постели Эвина.

Матильда с изящной короной на голове.

Полчаса назад, когда я смотрел, как они мило вальсируют, я думал, что я достиг пика своего внутреннего ядовитого демона.

Но нет.

Оказывается, это было даже близко не так.

— Могу я поинтересоваться у Вашего Величества, что послужило причиной столь неожиданного решения?

Я настойчиво вышвыриваю из головы образ мелкой заразы в королевских регалиях, но она снова и снова туда пробирается, как нарочно — каждый раз без какого-то предмета одежды. Если так пойдет и дальше, через минуту мне придется поспешно откланиваться и удалиться, чтобы никаким явным образом не обнаружить постыдное содержимое своих мыслей.

Я готов поверить во что угодно, но только не в то, что Эвин сказал эту чушь всерьез.

— Можешь, конечно, — бросает король. — Я думаю, она будет хорошей королевой. В особенности если выяснится, что не имеет отношения к заговорам за моей спиной.

— В особенности? — не могу не переспросить. — То есть даже если герцогиня все-таки задумала свергнуть вас с трона, вы все равно будете настаивать на женитьбе?

— Вероятно, да. — Эвин передергивает плечами.

— Один танец — и Ваше Величество потерял голову, — вырывается у меня не с самой лучшей интонацией.

— Рэйвен, ради Хаоса, прекрати делать вид, что ты не понимаешь, к чему я веду, — голос короля становится жестким, как будто мы снова на поле боя, и от этого разговора зависит исход битвы. — Герцогиня, конечно, может оказаться змеей, но я готов рискнуть, если есть хоть шанс, что она так же окажется просто битой жизнью девчонкой, которая выживала как могла. Как и многие из нас.

Эвин смотрит на меня в упор, и я прекрасно знаю, к чему он ведет.

На какие тайны намекает.

Но, Бездна задери, это не повод терять голову и становится влюбленным слепым ослом!

— Я дал тебе помощницу — используй ее, но дай мне результат. Как можно быстрее.

Я хочу спросить, с чем связана эта внезапная спешка, но вовремя избавляюсь от этой мысли. Боюсь, ответ вроде «Я влюблен и хочу поскорее сделать ее своей!» может привести к неприятным последствиям.

— Мне больше не на кого положиться в этом деликатном деле, Рэйвен, — добавляет Эвин, и теперь он снова не король, а просто мой старинный друг и боевой товарищ, который не раз спасал мне жизнь и которому не раз спасал жизнь я. — И я устал от этой возни и необходимости изображать галантного олуха перед кучей женщин, которые меня мало интересуют.

Я понимающе киваю.

Когда все закончится, я сложу с себя полномочия и отправлюсь в свое старое родовое гнездо.

Если, конечно, от него еще хоть что-то осталось.

Глава семьдесят первая

Сиротка

— Матильда, ты — сногшибательная! — вьется вокруг меня Примэль, когда я, после очередного танца, пытаюсь передохнуть на маленькой софе около окна.

Ноги с непривычки болят так, что сил нет.

— Я тебя сразу совсем и не узнала! — продолжает трещать Примэль, пока оркестр делает передышку и можно разговаривать, не пытаясь перекричать грохот музыки. — Видела бы ты лицо Мор, когда король бросил ее и даже не взглянул!

Улыбаюсь, пытаюсь представить, что у Фаворитки действительно было кислое выражение. По крайней мере в тот мимолетный раз, пока мы с королем вальсировали, и я успела заметить в толпе ее лицо, вид у Вероники Мор был точно не цветущий.

Примэль берет мою танцевальную книжечку, листает маленькие исписанные листы и делает круглые глаза, запивая удивление яблочным сидром с корицей.

— Ты видела?! — Она чуть не задыхается, как будто там написана какая-то страшная тайна, а не имена желающих со мной потанцевать.

Видимо, внимание короля сняло с меня статус прокаженной.

По крайней мере на этот вечер.

— Думаю, — Примэль продолжает улыбаться, но уже как-то слегка натянуто, — этот Королевский отбор можно сворачивать. Его Величество уже выбрал себе невесту.

Ей, как одной из претенденток, говорить об этом не приятно, но мы все знали, что в конечном итоге только одна из нас станет его невестой.

И, в свете последних событий, хорошо, если уедет отсюда живой.

— Как тебе невеста Нокса? — Моя самоназванная подруга кивает в сторону графини Рашбур, которая стоит как раз напротив нас, в окружении толпы поклонников, которые вьются вокруг нее, словно мошара.

— Красивая, — пожимаю плечами, надеясь, что жест безразличия скроет досаду.

Нужно признать, что рядом они наверняка смотрятся идеально — оба высокие, оба опасные и неприступные, и как-то по-особенному красивые.

— Я слышала, — Примэль переходит на шепот, — что графиня везде и всем хвастается, что их с герцогом свадьба случится в ближайшее время, и она приехала именно по этой причине.

Свадьба.

Меня немного знобит от одной этой мысли и как бы я ни старалась, мне от нее не избавиться.

Логично, что, когда мужчина и женщина связывают себя обещаниями, рано или поздно они поженятся. Остается лишь надеяться, что это случится после того, как настоящая Матильда Лу'На займет мое место и я смогу ухать далеко-далеко. Достаточно далеко, чтобы не знать и не слышать, как проклятый герцог произнесет брачные клятвы.

— Пойдем! — Примэль уверенно хватает меня за руку и тянет куда-то в арку, где разместились красиво украшенные столы, доверху заставленные серебряными и золотыми блюдами с разными деликатесами. — Ради Королевского фуршета стоило помучиться и натереть мозоли новыми туфлями.

Вельможи уже стекаются сюда нестройной рекой, а через минуту появляется и сам король.

В сопровождении герцога, который как будто нарочно даже не смотрит в мою сторону, хоть следует за Его Величеством, словно тень.

— Матильда, — Эвин занимает место рядом со мной, — вы простите мне мое вынужденное отсутствие?

У него безупречная улыбка, именно такая, в ответ на которую невозможно не улыбнуться.

И мои губы, конечно, улыбаются.

Темный взгляд смотрит в упор из-за его плеча.

Мне не хватает сил на него ответить.

— Я благодарна Вашему Величеству за все то внимание, которым вы так щедро меня одариваете, — говорю именно то, что должна.

— В таком случае, как порядочный мужчина, я должен позаботиться о вашем желудке! — смеется король и, проводит меня до самого высокого столика в центре зала.

Нокс и его невеста следуют за нами.

Откуда она взялась?! Ее же только что тут не было!

Проглатываю острое желание сказать какую-то гадость, и подавляю снова и снова закипающую кровь. Сегодня это делать особенно трудно, и меня то и дело бросает в холодный пот, когда кажется, будто моя рука снова покрыта ужасными символами.

Нужно сосредоточиться на этом, а не на милой болтовне Нокса со своей драгоценной невестой, пока они идут за нами, отставая лишь на пару шагов приличия.

Слуги протягивают нам красивые фарфоровые тарелки с тиснением и изящной росписью.

— Полагаю, — король легко орудует какими-то странными щипцами, накладывая мне в тарелку какие-то совершенно несъедобные на вид панцири, — вам это обязательно придется по вкусу, герцогиня. Я наслышан о вашей любви к морепродуктам и лично распорядился, чтобы к сегодняшнему фуршету все дары моря были здесь.

Море... что?

Я чувствую, как против моей воли начинают трястись колени.

Я впервые вижу все то, что лежит на тарелке.

Плачущий помощи, я даже не знаю, как это есть!

— Все хорошо? — подчеркнуто вкрадчиво интересуется Нокс, и с любопытством всматривается в мое лицо.

Мне кажется, что в эту минуту он считывает меня словно открытую книгу.

И чем больше я буду стараться сделать вид, что все в порядке, тем сильнее герцог будет убеждаться в обратном.

— Ваше Величество так... внимателен, — говорю одеревенелыми губами, пытаюсь вспомнить, говорила ли настоящая герцогиня хоть что-нибудь о своих гурманских пристрастиях.

Нет, Плачущий, она ни словом не обмолвилась о том, что любит все эти... странно выглядящие продукты. Самая большая плоская раковина в центре тарелки очень похожа на те, которые мы с другими монашенками собирали после приливов. Но мы перетирали их в порошок, смешивали с песком и водой, и затирали дыры в стенах. Нам бы и в голову не пришло есть то мерзкое, скользкое и серое внутри.

От воспоминаний о содержимом ракушек, мой живот подпрыгивает к самому горлу. Их даже руками трогать было противно, не то что добровольно запихивать и называть это «любовью к морепродуктам».

— Вообще-то сейчас не сезон, так что мидии и креветки везли с другого конца мира. Так что, Матильда, даже не смейте говорить, что успели плотно перекусить перед балом. Такое увечье самолюбия я точно не переживу!

Эвин определенно ждет, что я восхищусь его отношением и разрыдаюсь хрустальными слезами благодарности. А Нокс, судя по чуть приподнятой брови, надеется, что я обязательно что-то на себя опрокину, испорчу или еще что похуже.

— Моя горничная так туго затянула корсет, что, боюсь, не смогу проглотить даже лишний глоток воздуха.

— Герцогиня, — графиня Рашбур очерчивает взглядом мой силуэт, — по-моему, вы преувеличиваете степень затянутости корсета.

От такой неприкрытой попытки ужалить, меня немного штормит, но я держу себя в руках, потому

что сейчас самое время сосредоточиться на более важной проблеме.

На столике, рядом с которым мы стоим, лежат столовые приборы.

Конечно, герцогиня учила меня столовому этикету и нахвалила, как я все схватываю на лету.

Но здесь приборов раза в три больше!

И некоторые больше похожи на пыточные инструменты палача, чем на вещи, которыми можно пользоваться за столом.

— Графиня, кстати о корсетах, — Эвин мерит Ивлин Рашбур нарочито высокомерным взглядом, — рад, что эклеры, которые готовит королевский повар, пришлись вам по вкусу. Но на вашем месте я бы не доедал те, что еще лежат у вас на тарелке.

Острые скулы герцогини покрываются мелкими красными пятнами, и она нервно ведет плечом, но все же ей хватает ума не вступать в словесную перепалку с королем.

Боги, о чем я только думаю?! Какая разница, что там с лицом этой вышколенной стервы, если наш с герцогиней план вот-вот развалится!

Глава семьдесят вторая

Я украдкой осматриваю зал – возможно, кто-то еще решил перекусить этими скользкими каракатицами? Что, неужели во всей Артании только Матильда Лу'На без ума от морепродуктов?!

Паника накатывает частыми волнами, мешает сосредоточиться.

Так, кажется, та пышная дама в платье канареечного цвета, тоже ест что-то похожее? Напрягаю зрение, чтобы разглядеть, какой столовый прибор она берет. Тот, что похож на маленькую вилку с зубчиками? Точно?

— Матильда? – король снова сосредотачивает внимание на мне, — надеюсь, вы все же не настолько сыты, чтобы не порадовать меня выражением вашего лица, когда оцените мои неуклюжие попытки за вами приударить.

Еле-еле улыбаюсь, мысленно прошу Плачущего в последний раз одарить меня своей милостью, и тянусь к маленькому ножичку на длинной ручке. Это ведь тот же, что и у дамы в желтом? Или она взяла тот, что справа, с короткой ручкой и острым кончиком лезвия?

— Герцогиня, с разрешения Его Величества, не могу не отметить ваш сегодняшний цветущий вид! – Нокс подходит ближе и как нарочно становится между мной и столом.

Нет, я все еще могу взять столовые приборы, но до ножа уже не дотянусь.

Он что, хочет, чтобы я ела руками?

— На вашем месте, герцогиня, я бы отметил эту дату как день, когда мой бессердечный друг расщедрился на комплимент женщине! – Эвина как будто все это только веселит, они с Ноксом обмениваются понимающими взглядами.

Это звучит как будто мне следует прыгать вокруг Нокса, хлопать в ладоши и радоваться столь щедрому подарку.

В памяти вспыхивают момент, когда герцог заявил о своем желании меня поцеловать. Если бы в тот момент у него было бы то же выражение лица, что и сейчас, я бы точно не думала о поцелуях и комплиментах. А если бы знала о существовании графини Рашбур...

— Милорд Нокс, — я одариваю его максимально ледяным взглядом, — теперь я точно знаю, что слухи о вашей храбрости и отваге отнюдь не преувеличены. Только настоящий храбрец будет делать комплименты другой женщине, когда у без пяти минут будущей герцогини Нокс вилка в руках.

Герцог медленно перестает улыбаться.

Графиня Рашбур снова покрывается пятнами.

И только Его Величеств буквально взрывается искренним хохотом.

— Нокс, она тебя уела!

— Просто сказала правду, — пожимаю плечами и снова украдкой шарю взглядом по залу.

Конечно, я бы с большим удовольствием потратила это время, чтобы наслаждаться молчаливой яростью герцога, но ракушки и панцири никуда не делись с моей тарелки.

Мужчина в черном мундире Королевского гвардейца, богато увешанный орденами и лентами за воинские заслуги, орудует округлыми щипцами.

Они как раз у меня под рукой, и я с облегчением тянусь к ним.

Нужно просто откусить хоть что-нибудь, а потом смело сказать, что сегодня в меня уже ничего не влезет. Или пошутить насчет того, что я не хочу быть такой же «ненасытной» как графиня.

Хороший план, и главное – правдивый.

— Герцогиня, — Нокс подается вперед, и как-то почти грубо отодвигает меня от стола, — полагаю, вы желаете обсудить мою... смелость?

— Нет, — оторопело отвечаю я.

Он, похоже, даже не осознает, что стоит слишком близко.

Еще шаг – и нарушит все нормы приличия.

— Какая жалость. — Он так резко меняет гнев на милость, что я не успеваю сообразить, почему вдруг моя рука оказывается в его руке. — Тогда мне не пришлось бы оправдываться перед остальными кавалерами в вашей бальной карте за то, что влез без очереди!

Он собирается со мной танцевать?

Бросаю взгляд на короля — он ведь должен сказать что-нибудь? Или в высшем обществе принято устраивать такие вот скандальные спектакли, чтобы было о чем писать в желтых бульварных листах?

Его Величество делает почти приглашающий жест, мол, эту вольность он разрешает, хотя что-то мне подсказывает, что если бы на моем месте был любой другой вельможа, ему бы Эвин такую вольность не простил.

— Надеюсь, вы умеете танцевать вальс... герцогиня? — подначивает Нокс.

Мне ведь показалось, что он выделил мой титул особенной интонацией?

Это ведь не... сомнение?

Мои пальцы в его ладони дрожат от внезапного страха.

Совсем недавно я смотрела как он кружит по залу свою невесту и какой-то части меня — не самой умной — хотелось быть на ее месте, хотелось, чтобы он вот так же держал за руку меня, а не ее. А сейчас я готова провалиться сквозь землю, лишь бы избавиться от подавляющего влияния Нокса.

— Это было крайне бестактно, милорд Нокс, — отвечаю я, но голос выдает волнение с головой.

— Вы всегда игнорируете прямые вопросы... герцогиня? — Снова тот же вопросительный тон, и теперь мне это точно не показалось. — Так безопаснее — переводить разговор на ту тему, которой вы владеете в достаточной степени?

Сглатываю, и мысленно с облегчением выдыхаю, потому что оркестр заводит вальс, и это достаточно громко, чтобы пресечь любой разговор. Если, конечно, герцог не изобретет парочку танцевальных па, в которых мы будем друг от друга на расстоянии шепота на ухо.

Его рука у меня на талии словно прожигает ткань до самой кожи.

Я как будто чувствую каждый палец, шершавость его ладони.

Танец предполагает взгляд глаза в глаза — это первое правило вальса.

И когда Нокс решительно делает первое па, я словно перестаю существовать сама по себе.

Мое тело становится как будто часть его самого — шаг в шаг, поворот в унисон, плавное движение.

Темный пристальный взгляд — хмурый и сосредоточенный.

О чем он думает?

Что это за странные намеки?

Еще круг по залу, и когда танцевальная площадка заполняется другими парами, герцог не выводит нас на второй круг, а легко, словно так задумано танцев, сворачивает в сторону арки, за которой мы оказываемся в темном широком коридоре.

— Герцог...! — мое возмущение обрывает его грубая хватка на моем запястье.

Нокс тащит меня по коридору, и его как будто совсем не беспокоит, что я едва переставляю ноги, тем более что с непривычки и так едва держусь на высоких каблуках.

— Ради вашего же блага, герцогиня, держите рот на замке, — не поворачивая головы, бросает Нокс, и буквально волоком тащит меня на узкую маленькую лестницу, на которой двое бы никогда не разминулись. — Потому что я желаю задать вам пару вопросов, и будет лучше, если мы будем наедине, когда вы ответите. Если, конечно, в вашей голове осталась хоть капля здравого смысла, в чем я лично сильно сомневаюсь.

Я инстинктивно поджимаю губы.

Неприятная догадка громко пульсирует в висках.

Нет.

Нет, нет, нет. Он не мог... Не так и не сегодня, когда я «выиграла» для герцогини Лу'На первый танец с королем.

Нокс толкает плечом тяжелую деревянную дверь и заводит меня в библиотеку.

Здесь темно, сыро и холодно, но больше всего меня пугает не возможность почти наверняка схватить простуду от первого же сквозняка, а то, как решительно герцог дважды проворачивает ключ в замочной скважине.

Он запер нас изнутри.

— Ваша бестактность, милорд Нокс...

— Моя бестактность, леди Лу'На, — он так резко меня перебивает, что теперь я едва ли отважусь вообще открыть рот, — ничто в сравнении с произошедшими в вас... ммм... как бы это получше выразиться... метаморфозами.

Нокс делает вид, что ждет моего ответа, но мы оба уже понимаем — он ему не нужен.

Я отступаю обратно к стене, потому что герцог продолжает на меня напирать.

Но путь к отступлению внезапно заканчивается, и холодные каменные плиты упираются мне в лопатки одновременно с оглушающим осознанием — он все знает.

Нокс... знает, что...

— Знаете, юная леди, — он так иронично «коронует» меня этим статусом, что хочется немедленно от него отмыться, словно от грязи из-под колес проезжающей мимо телеги, — если постараться, я бы мог придумать какое-то логичное оправдание тому, что благородная леди, известная белоручка, по какой-то внезапной необходимости обучилась разводить огонь в очаге. И даже делала это достаточно часто, чтобы знать, куда лучше класть сухой хворост и как раздувать тлеющие угли. Я бы, вероятно, даже как-то объяснил, почему герцогиня, известная своей бессердечностью и умением добить ближнего, вдруг в совершенстве овладела навыками врачевания. Но я никак не могу оправдать вашу внезапную... забывчивость.

Мне остается только молча слушать его откровенно издевательский приговор.

И стараться не думать о том, что я почувствую, когда виселечная петля затянется на моей шее.

— Герцогиня Матильда Лу'На, воспитанная в строгих традициях, вышколенная своим гниющим папочкой и известная любительница есть ракушечную дрянь, никогда бы не взяла короткий десертный нож вместо разделочного длинного, и точно не спутала бы щипцы для колки орехов со щипцами для улиток. Так что, внезапно потерявшая память юная леди, я весь в предвкушении либо душещипательного рассказа о том, как, при каких обстоятельствах и когда с вами случилась эта неприятная оказия, либо признания, кто же ты на самом деле.

Его резкий переход на «ты» звучит как приговор.

Я пропала.

И на этот раз меня не спасет даже Плачущий.

Конец!

Примечания

1

В мире книги душа умершего уходит в Поток только на третьи сутки. До этого времени ее еще можно вернуть в мир живых (ненадолго и это требует длительной специальной подготовки, и специального разрешения). Если человек умер насильственной или любой другой противоестественной смертью, его душа страдает и может вселяться в живых, чтобы сводить их с ума.

«Это совершенно безвкусно...»

3

«Лучше, чем то, в чем невозможно дышать».